сперъ Ухтомскій.

Изъ области ламаизма.

Къ походу англичанъ на Тибетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ», Шпалерная, 26.
1904.

Кн. Эсперъ Ухтомскій.

Изъ области ламаизма.

Къ походу англичанъ на Тибетъ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Паровая Скоропечатня «ВОСТОКЪ», СПБ. Шпалерная, 26.
1904.

Паровая скоропечатня М. М. Гутзацъ С.П.Б.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 14 Декабря 1903 г.

Мы опоздали! Англичане готовятся властно вторгнуться въ царство Далай-ламы. Очевидно, назрѣваетъ необходимость для русскаго общества ближе познакомиться съ извѣстнаго рода вопросами, стоящими нынѣ на очереди, благодаря своему научному и политико-экономическому значенію. Культура тѣхъ дальнихъ и замкнутыхъ краевъ слишкомъ долго оставалась намъ чуждою и малопонятною. Пора разсѣять туманъ и многое выяснить. Съ расширеніемъ же кругозора сами собой опредѣлятся наши задачи по отношенію къ восточно-сибирской окраинѣ и органически съ нею связаннымъ землямъ за русскимъ рубежомъ.

Мнѣ уже неразъ пришлось побывать среди бурятъ, посѣтить Пекинъ и Монголію, гдѣ туземный жизненный строй и религіозныя воззрѣнія—разгадка всему, что кажется таинственнымъ въ ламаизмѣ и въ Тибетѣ. Если слѣдить за разросшеюся о томъ литературой, безпристрастно и критически взглянуть на отзывы нашей печати о миссіонерскомъ воздѣйствіи на инородцевъ и объ успѣхахъ обрусѣнія среди нихъ — немало есть, что высказать: нарушеніе молчанія становится обязательнымъ. Въ сравнительно краткихъ набросках я постараюсь сгруппировать главнѣйшіе факты по исторіи ламаизма (въ сферѣ Забайкальскаго края), о характерѣ принятой туземцами вѣры, причинахъ ея сильнаго воздѣйствія и т. п. Затѣмъ важно указать, почему мѣстныя благопріятныя условія недостаточно намъ служатъ въ назиданіе, чѣмъ надо руководствоваться въ будущемъ: тогда только данныя, почерпаемыя изъ новѣйшихъ путешествій по Центральной Азіи, могутъ пріобрѣтать осмысленное освѣщеніе. Иначе пересказы о разныхъ дорожныхъ приключеніяхъ и наблюденіяхъ представляютъ слишкомъ поверхностный и безформенный матеріалъ. Когда же къ нему отнестись, пріурочивая его къ чему-нибудь болѣе вѣскому и принципіальному, — картины сразу измѣнятся и получатъ своеобразный колоритъ.

I.

Едва успѣло государство Московское остановить напирающую на Западъ вѣчно безпокойную степь, какъ наша вольница уже

потянулась, подобно кочевникамъ, искать далеко за Ураломъ наживы, подвиговъ и новизны. Если вѣрить самой современной этногеніи, то Drang nach Osten существовалъ много вѣковъ раньше, причемъ называемые Геродотомъ юрксы и исседоны (Кавказскаго племени) селились на Оби, доходили до Тибета, Китая и тамъ оставались. И въ средніе вѣка, задолго до Ермака, русскіе витязи глубоко проникали въ предѣлы Азіи...

Казаки шли впередъ ощупью, безо всякой ясно сознаваемой цѣли, и тѣмъ загадочнѣе для коренныхъ сибиряковъ было ихъ наступательное движеніе, тѣмъ больше обаянія соединялось съ ихъ внезапными появленіями. Къ несчастію, предпріимчивые атаманы руководились исключительно частными интересами, а правительство наше тогда еще и не подозрѣвало, чѣмъ вскорѣ отзовется широко раскинувшееся завоеваніе. Начало семнадцатаго столѣтія заставало Азію (въ особенности внутреннюю и восточную) въ такомъ хоатически волнующемся состояніи, что будь въ Сибири хоть одинъ дѣятель, одаренный выдающимися политическими способностями, быть можетъ, въ Пекинѣ правилъ бы не возвысившійся позже маньчжурскій, но русскій Императорскій домъ. Стоило намъ хоть сколько-нибудь вникнуть въ положеніе разрозненной Монголіи, завязать черезъ ламъ сношенія съ Тибетомъ, искавшимъ опоры извнѣ для окончанія распри, кому тамъ нравить страной, стоило, наконецъ, опередить укорененіе пришлой сѣверной династіи въ непріязненномъ ей Китаѣ, — и весь Востокъ имѣлъ бы теперь другой видъ, Россія была бы неоспоримо богатѣйшей и могущественнѣйшей державой въ мірѣ.

Хронологическія данныя подтверждаютъ это, на первый взглядъ, неправдоподобное мнѣніе. Пока мы двигались по Сибири и врѣзались въ середину инородцевъ, калмыки-торготы (великаны), считавшіе себя гвардіей Чингисъ-хана, изъ-за войны съ единоплеменными джунгарами прикочевывали къ рѣкѣ Яику. Первый ханъ, принявшій русское подданство (Хо-Эрлыкъ), былъ ламаитъ. Въ двадцатыхъ годахъ XVII вѣка казаки стали уже твердою ногой въ Енисейской губерніи, черезъ короткое время появляются на тысячи верстъ дальше, всюду побѣждаютъ, хотя на одного смѣльчака приходится нѣсколько десятковъ туземцевъ... Какъ разъ въ ту пору Далай-лама (около 1642 года), тѣснимый внутренними врагами и поддерживаемый лишь монголами, по совѣту ихъ хана отправилъ пословъ къ крѣпнувшимъ маньчжурамъ: разстояніе

къ нимъ было ближе, чѣмъ въ Сибирь, и тамошніе новые завоеватели, по отдаленности своей, могли столь же нравиться тибетскому духовному іерарху, въ виду его заботы, главнымъ образомъ, не имѣть вблизи опасныхъ соперниковъ. Завяжи мы въ такое рѣшительное мгновеніе связь съ Лхасой черезъ благоговѣвшихъ къ ней кочевниковъ — при ихъ невольномъ тяготѣніи къ намъ, при быстротѣ захвата Амура въ 1651 году, Китай не явился бы объединяющимъ центромъ древне-языческой цивилизаціи...

Въ 1622 г. русскіе впервые столкнулись съ бурятами, которые, спускаясь по Ангарѣ, еще на памяти сибирскихъ историческихъ актовъ доходили до Красноярска и облагали данью жившихъ по Енисею инородцевъ. Когда казаки покорили тамошнихъ тунгусовъ, буряты стали отступать. Слѣдомъ двинулся всего съ тридцатью товарищами (!) сотникъ Бекетовъ и въ 1628 году обложилъ ясакомъ это многочисленное племя, въ лицѣ его представителей, при сліяніи Оки съ Ангарой, хотя годомъ раньше уже казачій отрядъ изъ Енисейска открылъ Байкалъ Присоединенная Якутская область выслала искателей приключеній по тому же направленію, вдоль Лены, причемъ ни въ одной экспедиціи не бывало, (да и то рѣдко) свыше 100—130 человѣкъ и, какъ ни странно, иркутскіе инородцы позже признали могущество воздвигаемыхъ нами остроговъ, чѣмъ отдаленный Нерчинскій край. Дѣло въ томъ, что Забайкалье, славившееся богатствомъ своей природы, притягивало казаковъ, слышавшихъ и по опыту знавшихъ про обиліе серебряныхъ украшеній и оправъ у монголо-бурятъ. Завоевателямъ думалось найдти тамъ источникъ инородческой роскоши и они стремились переплыть священное озеро Байкалъ.

Въ 1643 году Василій Курбатовъ носится уже по бурному Байкалу (по-бурятски „байгалъ", „вѣчный или постоянный огонь": по инородческому преданію встарину вмѣсто обширной глуби тутъ была неровная мѣстность съ огнедышащею горой). Что ни годъ русскіе твердо осѣдаются „за моремъ", входятъ въ сношеніе съ ближайшими князьями, берутъ ясакъ и приводятъ бурятъ съ тунгусами къ присягѣ великому Бѣлому царю Алексѣю Михайловичу.

Енисейскіе воеводы, въ вѣдѣніи которыхъ находилась сперва Забайкальская страна, радѣли о развитіи въ ней землепашества и объ

удержанія ея въ цѣлости ради Амура. Къ коренному населенію пришельцы отнеслись повидимому, дружелюбнѣе, чѣмъ къ ангарскимъ и окинскимъ инородцамъ, не такъ звѣрски съ ними обращались и этимъ способствовали сближенію... По крайней мѣрѣ, забайкальскіе буряты передаютъ, что послѣднее совершилось тогда добровольно, безъ упорнаго кровопролитія, — совершилось, надо добавить, весьма кстати, потому что маньчжуры успѣли свергнуть миньскую династію въ Китаѣ и, словно предчувствуя опасность со стороны Россіи, направляли на насъ сѣверныя родственныя имъ племена...

Результатомъ указанной политики явилась для насъ утрата Пріамурскаго края, несмотря на геройское мужество его защитниковъ. Пекинское правительство понимало значеніе своего случайнаго превосходства надъ завоевателями Сибири, кичилось этимъ и подстрекало противъ нихъ недостаточно еще намъ дружественныхъ туземцевъ. Каждая, хотя и безъ боя уступаемая, пядь земли роняла русскихъ въ глазахъ окружающаго народонаселенія. Но въ 1667 году важный маньчжуръ-исполинъ Гантимуръ изъ-за обиды передался намъ у Нерчинска съ цѣлымъ тунгусскимъ родомъ [1]) и, ненавидя покинутый Китай, сталъ открывать слабыя стороны сосѣдняго государства.

Это, въ связи съ относительною покорностью и даже привязанностью неладившихъ будто бы съ монголами забайкальскихъ бурятъ, помогло отстоять область, гдѣ въ восьмидесятыхъ годахъ XVII вѣка насчитывалось всего 7.000 русскихъ вокругъ трехъ городовъ и девяти остроговъ.

Любопытно, что отпоръ врагамъ, устремившимся на новооснованный Селенгинскъ, далъ сосланный туда запорожскій гетманъ Демьянъ Многогрѣшный. Неувѣренный въ своей силѣ китайскій императоръ склонился къ мысли о необходимости мирнаго договора и, при помощи находившихся въ Пекинѣ іезуитовъ, послѣдній былъ заключенъ въ Нерчинскѣ 27 августа 1689 года, а для установленія точной границы нашихъ и чужихъ владѣній въ 1727 году возникъ новый трактатъ.

Конецъ XVII столѣтія и начало слѣдующаго знаменательны по приливу въ Забайкалье инородцевъ изъ самой Монголіи, гдѣ постоянныя смуты и обѣднѣніе страны доводили жителей до

[1]) Кн. Гантимуровы и просто Гантимуровы до сихъ поръ обильно встрѣчаются въ Забайкальѣ.

отчаянія. Новоприбывшіе присягали на вѣрность Престолу и располагались около ранѣе тамъ обитавшихъ бурятъ. Въ это время въ чужихъ кочевьяхъ кипѣла ожесточенная борьба властнаго джунгарскаго князя Галдана съ маньчжурами. Пекинское правительство, несмотря на змѣиную мудрость богдыхана Канси, не могло сладить съ воинственными западными монголами, которые умѣли держать въ страхѣ противниковъ, далеко отъ своихъ степей. Мечтая воскресить чингисханову славу и разгромить Китай, энергичный Галданъ (письмами царямъ Іоанну и Петру, а также черезъ посольство въ Москву) безуспѣшно добивался союза съ Россіей.

Наплывъ инородцевъ изъ-за границы не прекратился и послѣ 1727 года. Монголы оттуда неоднократно пытались въ количествѣ нѣсколькихъ тысячъ, съ огромными стадами, переходить въ русское подданство, но мы всегда честно отказывались ихъ принять. Пекинское правительство, въ свою очередь, обратило вниманіе на пресѣченіе означенныхъ переселеній въ наши предѣлы. Съ этою цѣлью богдыханъ распорядился поставить пикетами вдоль рубежа до 1,000 солдатъ, но подобная поверхностная мѣра оказывалась непригодною. Перебѣжчики являлись очень значительными толпами: такъ, напримѣръ, въ 1732 году на границу сразу пришло 935 юртъ съ 2,150 способныхъ носить оружіе. Очевидно, сторожевые отряды были безсильны, или же за деньги пропускали перекочевывающихъ. Благоразуміе требовало уничтожить причины неудовольствія. Онѣ же коренились въ притѣсненіяхъ и чрезвычайныхъ поборахъ монгольской знати, коренились въ возрастающей ежегодно народной нищетѣ, наконецъ, въ исконной нелюбви къ Китаю.

Переселенцы симпатизировали Россіи отчасти потому, что государство Московское относилось къ новымъ подданнымъ съ полною вѣротерпимостью. И раньше вошедшіе въ составъ нашей Имперіи многочисленные калмыки свободно держались ламаизма, и въ Забайкалье безпрепятственно проникали тибетскіе и другіе ламы, и съ Ургой пограничныя русскія области дорожили хорошими отношеніями...

Принимая откочевавшіе изъ Монголіи роды, окольничій Головинъ въ 1689 году ручался имъ, что принудительнаго крещенія не будетъ. Новоприбывшіе дорожили этимъ непремѣннымъ усло-

віемъ, потому что въ числѣ ихъ уже были *ширетуи* (начальствующіе главные ламы), тогда какъ забайкальскіе инородцы почти поголовно еще шаманствовали и не радѣли сознательно о сохраненіи вѣры. Но буддизмъ сразу потребовалъ неприкосновенности и, заручившись ею, началъ успѣшную проповѣдь, значеніе которой довольно поздно стало очевидно. Первоначально русскія власти радушно встрѣтили распространеніе новой религіи, какъ смягчающей нравы суровыхъ туземцевъ. Нужно было прежде всего упрочить спокойствіе въ странѣ, гдѣ вскорѣ послѣ ея присоединенія могли еще угрожать возстанія инородцевъ и осады нашихъ остроговъ, что въ нынѣшней Иркутской губерніи по Ангарѣ, Окѣ и Ленѣ дѣйствительно долго и случалось...

Иллирійскій графъ Савва Владиславичъ-Рагузинскій, которому въ началѣ XVIII столѣтія поручалось опредѣленіе восточно-сибирской границы, съ узкой точки зрѣнія своей счелъ нужнымъ радѣть о прекращеніи тѣсной и непрерывной связи съ Монголіей (какъ-будто это мыслимо и теперь, 160 лѣтъ спустя!). 30 іюня 1728 года онъ предписалъ: „Ламъ заграничныхъ, чужихъ подданныхъ, въ улусы къ себѣ ясачнымъ инородцамъ не пропускать и довольствоваться тѣми ламами, которые остались послѣ разграниченія, дабы россійскихъ подданныхъ пожитки не чужимъ, но своимъ доставались“. Рагузинскій не удовлетворился желаніемъ оградить инородцевъ отъ иноземнаго вліянія: „такъ какъ между ламами не безъ обманщиковъ бываетъ“, продолжаетъ онъ ту же инструкцію пограничному начальству,—„то, чтобы шеманствомъ и прочимъ непорядкомъ простыхъ людей не грабили! Ежели оставшихся ламъ въ россійской сторонѣ по нынѣшнему разграниченію не довольно, въ такомъ случаѣ выбирать имъ между собою изъ каждаго рода *по два ламчика благоразумныхъ и къ наукѣ охотныхъ*, хотя изъ сиротъ или кто похочетъ отдавать тайшѣ Лунсану [1]) дабы при немъ обрѣтающіеся ламы оныхъ учили мунгальской грамотѣ и протчему, что такимъ принадлежитъ, дабы вѣрноподданнымъ нынѣ и впредь въ чужихъ ламахъ не было нужды, а которые выучатся совершенно мунгальской грамотѣ, въ которой россійскимъ подданнымъ иноземцамъ не безъ нужды, тѣхъ обнадеживать милостью Его Императорскаго Величества въ произведеніи чиномъ въ начальники“.

[1]) Тайшами назывались преемственныя и пока еще называются выборныя главы обширныхъ инородческихъ группъ.

Дозволеніе (*равносильное приказанію*), *чтобы мальчики* пріобщались письменнымъ памятникамъ буддійской религіи и *въ надеждѣ на царскую милость укрѣплялись въ ней*, замѣтно способствовало ея нетороплпвымъ успѣхамъ. Заботливость Рагузинскаго (онъ намѣчалъ даже выдающихся среди нашего населенія тибетцевъ въ будущіе духовные іерархи) дала могучій толчекъ нарождающемуся движенію. Вліятельнѣйшіе изъ нашихъ монголо-бурятъ увидѣли за границей очагъ драгоцѣнныхъ вѣрованій и стали радѣть о распространеніи порожденной ими культуры. Гостепріимно принимая въ свою среду тибетскихъ и единоплеменныхъ монгольскихъ ламъ (первыхъ по инородческимъ лѣтописямъ, въ періодъ между 1712 и 1741 гг. пришло до ста, вторыхъ пятьдесятъ), наши новые подданные отправляли и свою молодежь къ источникамъ буддійскаго знанія. Такъ, нѣкій Ахалдай съ товарищами (Хатагинова рода, изъ котораго происходилъ относительно недавно умершій старшій бурятскій лама Гонбоевъ) присягнулъ Россіи въ 1718 г. и уже черезъ 3—4 года послалъ въ Ургу [1]) десятилѣтняго, постриженнаго въ духовное званіе сына.

Тотъ вернулся важнымъ человѣкомъ, а впослѣдствіи, около *1752 г.*, сталъ съ утвержденія русскаго начальства во главѣ части забайкальскихъ буддистовъ. Другой тамошній инородецъ цонгольскаго рода Даржи Заягійнъ (*ійнъ* соотвѣтствуетъ нашему *ичъ*) приблизительно тогда же или немного раньше провелъ немало лѣтъ въ Монголіи и Тибетѣ, путешествовалъ по Китаю, учился въ Лхасѣ при Далай-ламѣ, побывалъ и южнѣе у другого не менѣе важнаго буддійскаго „святого" въ Даши-лхунбо, принялъ тамъ главнѣйшія посвященія, накупилъ книгъ. Доѣхавъ въ 1734 г. домой, бурятскій лама показался родной толпѣ удивительнымъ существомъ, когда же затѣмъ отличать его стало наше правительство, то обаяніе предпріимчиваго цонгольца усугубилось.

Надо замѣтить, что воспитывались внѣ Россіи не два-три лица, а гораздо больше. Согласно повѣствованію самихъ забайкальскихъ ламъ, Заягійнъ ходилъ учиться за границу „съ товарищами". Уже при Ахалдаевѣ *въ Ургѣ* насчитывалось *89 ламчиковъ* изъ нашихъ инородцевъ.

---

[1]) Городъ-монастырь Урга находится въ трехсотверстномъ разстояніи отъ Кяхты и въ религіозномъ отношеніи представляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ ламайскаго міра.

Въ то время (и послѣ до 1841 г.) дѣла сибирскихъ ламаитовъ находились въ непосредственномъ вѣдѣніи министерства иностранныхъ дѣлъ. Сибирь вообще сперва зависѣла отъ „Посольскаго приказа" больше, чѣмъ отъ областнаго (ради „береженья" отъ Китая). При этомъ, вопросы дипломатическаго характера, понятно, заслоняли собою административные. Только такимъ путемъ возможно объяснить, почему тогда *особую „привилегію" между* прочими *забайкальскими ламами позволили имѣть даже не туземцу, а тибетцу* Агвану Пунцуку. Согласно лѣтописямъ бурятъ именные списки 150 пришлыхъ ламъ представлены были черезъ министра иностранныхъ дѣлъ съ прошеніемъ на Высочайшее имя о признаніи за ними правъ.

Тысяча семьсотъ сорокъ первый годъ знаменателенъ въ исторіи забайкальскаго ламаизма по признанію указомъ императрицы Елизаветы главнаго буддійскаго іерарха среди бурятъ. Относясь къ ихъ новой вѣрѣ безъ всякой непріязни, правительство не руководилось, къ сожалѣнію, никакими опредѣленными взглядами. Ласкать инородцевъ изъ-за политическихъ цѣлей и дальновидности по отношенію къ Китаю не имѣлось даже въ виду... Высшихъ соображеній не существовало,—прямымъ доказательствомъ чему служитъ съ Головина начавшееся строгое напоминаніе разорвать связь (?!) съ китайскими единовѣрцами. Въ 1741 г. предписано воздерживаться отъ взаимоотношеній *подъ страхомъ смертной казни*. Ясно, что изъ бурятъ вовсе и не предполагалось дѣлать проводниковъ русскаго вліянія въ Монголіи и въ сердцѣ Азіи—Тибетѣ. Къ послѣднему мы были до крайности равнодушны, хотя въ то время онъ переживалъ важный кризисъ, въ виду борьбы туземцевъ противъ усиленія тамъ богдыханскаго воздѣйствія, а поволжскіе калмыки, по невѣроятному противорѣчію, о ту же пору свободно сносились съ Лхасой. Такъ, напримѣръ, торготскій ханъ Цэрэнъ Дондукъ, тѣснимый честолюбивыми сородичами, въ 1735 г. открыто получилъ далай-ламскій патентъ на свое званіе и желтую почетную повязку (при торжественномъ ламскомъ богослуженіи, съ оглушительною музыкой и при громадномъ стеченіи народа). Грамота привезена была изъ Тибета однимъ калмыкомъ, принявшимъ тамъ посвященіе: единовременно доставлены разные кумиры, освященныя для хана сѣдло, знамя, одежда, оружіе. Старшій калмыцкій лама Шокуръ благословлялъ всѣхъ и каждаго лхасскимъ посланіемъ. Тутъ обнаруживалась связь чисто политическаго характера: въ самой Евро-

пейской Россіи для утвержденія въ ханскомъ званіи кочевникамъ казались недостаточными наше правительственное вмѣшательство и царская санкція; между тѣмъ мы дозволяли имъ обращаться за признаніемъ хана въ необозримо отдаленный Тибетъ, параллельно грозя кровавою расправой живущимъ на сибирской окраинѣ, въ случаѣ если движимые религіозными чувствами они осмѣлятся по прежнему переступать границу или же принимать у себя ламъ изъ сосѣдняго государства. Угроза эта, конечно, произносилась праздно, никого не пугала, пріучала смотрѣть на подобный законъ, какъ на мертвую букву...

Когда въ царствованіе Екатерины II въ Москву вызывались депутаты для составленія Уложенія, отъ забайкальскихъ бурятъ поѣхалъ со своимъ племянникомъ — ламой Хытырхѣевымъ—вышеназванный Заягійнъ, успѣвшій уже тогда добиться громкаго и непонятнаго властямъ титула „бандида-хамбы" (о чемъ ниже), дарованнаго ему въ 1764 г. мѣстнымъ начальствомъ по просьбѣ самихъ инородцевъ.

По выраженію бурятъ, въ Москвѣ Заягійнъ сидѣлъ въ собраніи „на сто одномъ стулѣ" (то-есть среди ста другихъ депутатовъ), объясняя подробно о своей вѣрѣ. Затѣмъ вліятельный забайкалецъ былъ благосклонно принятъ императрицей и наименованъ ея величествомъ *главнымъ хамбой* (іерархомъ) сибирскихъ ламъ. По словамъ инородческой лѣтописи имъ тогда же полученъ „золотой портретъ государыни" (депутатская золотая медаль на голубой Андреевской лентѣ для ношенія на шеѣ) и 50 руб. пожизненной пенсіи.

Представляясь государынѣ, хамба поднесъ сжатое описаніе совершеннаго имъ путешествія за границу и *удостоился похвалы*. Записка его, несмотря на простоту изложенія, крайнѣ любопытна: бурятскій лама видимо относился къ Тибету съ крайнимъ благоговѣніемъ и особенно поражался количествомъ духовныхъ въ странѣ, великолѣпіемъ и численностью храмовъ, святостью и мудростью наставниковъ народа и т. п. Историческій ходъ событій и вообще положеніе дѣлъ въ Центральной Азіи навѣрно въ свою очередь были ясны Заягійну,—и распроси его кто-нибудь съ дипломатической точки зрѣнія, новый кругозоръ не замедлилъ бы открыться... Въ то время Европа уже стучала въ замкнутое тайнохранилище внутренней Азіи и начинала пристальнѣе вглядываться въ обликъ загадочнаго края, называемаго чужестранцами *Тубодъ*

(„могущество"). Заягійнъ несомнѣнно могъ бы сообщить многое о дѣятельности католическихъ миссіонеровъ въ Лхасѣ, о взглядѣ тибетцевъ на западный міръ, о средствахъ завязать сношенія съ главнѣйшими заграничными ламами. Обласканный монаршими милостями, хамба душой и тѣломъ дѣлался преданнымъ Россіи. Этимъ тогда не воспользовались въ столицѣ, съ цѣлью ознакомленія съ Монголіей и Тибетомъ...

Уже въ инструкціи гр. Рагузинскаго ламамъ запрещалось заниматься „шеманствомъ и прочимъ непорядкомъ". Первые ревнители буддизма за Байкаломъ явились среди инородцевъ въ качествѣ болѣе или менѣе искусныхъ врачей, лѣченіе же тѣсно связано было съ обрядностью и потому наводило русское начальство на мысль, будто стародавняя (шеманская) и пришлая вѣра со внѣшней стороны очень близки другъ другу,—что почему-то казалось нежелательнымъ, свидѣтельствовало о ламской грубости и страсти къ обманамъ. [1]) Тогда рѣшили: пусть упражняются въ изученіи письменныхъ памятниковъ, пусть выступятъ образованные ламы! И они выступили цѣлою вереницей лицъ, глубоко вникнувшихъ въ сокровеннѣйшія тайны сѣвернаго буддизма.

Одобреніе правительства было многимъ инородцамъ какъ нельзя болѣе кстати. Вскорѣ между ними стали учить такіе знатоки вѣры, что наѣзжіе, заграничные ламы въ діалектическомъ отношеніи оказывались слабѣе ихъ при диспутахъ, [2])—фактъ крайне замѣчательный, ибо около этого времени даже въ смежной Монголіи еще недостаточно умовъ созрѣло для проникновенія въ высшую буддійскую догматику.

Первоначально лишь войлочныя юрты служили бурятамъ походными кумирнями. Алтари съ предметами поклоненія, книги, аптеки переносились, по мѣрѣ надобности. Въ тридцатыхъ годахъ XVIII в.

---

[1]) Въ сущности шаманство, имѣющее въ основѣ культъ предковъ и стихійныхъ силъ, по духу вовсе не низменно. Оно поддерживалось въ народѣ вліяніемъ отдѣльныхъ выдающихся личностей, доступныхъ вдохновенію, мистическому экстазу, изступленному порыву. Эта психическая особенность передавалась наслѣдственно, заставляя иныхъ противъ воли посвящать себя служенію отцовъ.

[2]) Такимъ краснорѣчивымъ мудрецомъ, побѣждавшимъ любого спорящаго соперника въ прошломъ столѣтіи, считался одинъ лама изъ Джидинскаго дацана (религіознаго центра), въ Селенгинскомъ инородческомъ вѣдомствѣ среди западнаго Забайкалья.

ламы создали неподвижный религіозный центръ среди довольно пустынной мѣстности Эргэ Бурги (недалеко отъ Кяхты). Буряты отовсюду стали собираться сюда. Первенствовавшій среди нихъ тибетецъ Агванъ Пунцукъ, въ 1741 г. съ разрѣшенія коллегіи иностранныхъ дѣлъ перенесъ главнѣйшую по значенію кумирню на рѣку Чикой, въ урочище Хилгантай, гдѣ она вскорѣ уже окончательно и прочно утвердилась, благодаря усердію сгруппированнаго вокругъ цонгольскаго рода. Бумага бригадира Якобія Заягійну проливаетъ свѣтъ на это послѣднее обстоятельство: „Сего 8 ноября въ канцеляріи правленія пограничныхъ дѣлъ *по доношенію твоему*, поданному 27 февраля 1757 г., коимъ просилъ, чтобъ за овѣтшаніемъ нѣкоторыхъ покоевъ постройкой дозволить на томъ же мѣстѣ, гдѣ старая имѣется, опредѣлено *къ тебѣ Ламѣ Даржэю ширетую* [1]) объявить указомъ, что за объявленнымъ отъ васъ прежней кумирни овѣтшаніемъ и что вамъ въ оную съ протчими ламами для чтенія книгъ по вашему обыкновенію собираться можно, постройкой вновь на томже мѣстѣ, гдѣ старая была, дозволяется, и главному Ламѣ Даржею ширетую о томъ вѣдать“ (Ноября 9 дня 1758 г.).

Въ пятидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка власти заботились о томъ, чтобы ламы имѣли постоянныя кумирни для многолюдныхъ сборищъ туда *„ради чтенія книгъ по закону или обыкновенію, въ удовольствіе“*. Единственнымъ условіемъ ставилось не быть слишкомъ близко къ границѣ. Храмъ возникалъ за храмомъ. Вокругъ большихъ группировались маленькіе. Прежніе заимствовали внѣшній видъ у первыхъ забайкальскихъ церквей (напр. Тугнуйскій дацанъ). Отчасти до сихъ поръ удержали его древнѣйшія деревянныя постройки (съ куполами, крестообразныя). Новыя каменныя существенно отличаются отъ старинныхъ, будучи смѣсью тибетскаго стиля съ китайскимъ, поражая пестротой и великолѣпіемъ отдѣлки.

Первыя, такъ-сказать основныя бурятскія капища воздвигались русскими мастерами. Инородцы тогда еще не умѣли строить. Теперь, наоборотъ, они сами являются искуснѣйшими ремесленниками Забайкалья.

Между размножившимися у насъ ламами недолго царствовало единогласіе. Разладъ отчасти обусловливался племенною рознью, отчасти степенью успѣха среди шаманствовавшихъ бурятъ...

---

[1]) Даржи—собственное имя. Ширетуями же называются начальники ламскихъ религіозныхъ центровъ.

Антагонизмъ сначала сказался по обѣ стороны рѣки Селенги, въ юго-западной части края. Цонгольцы, съ Цзаягійномъ во главѣ, стремились повсюду первенствовать. Противодѣйствіе гнѣздилось весьма близко отъ основнаго центра, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ, у Гусинаго озера. Тамъ владычествовалъ вышеназванный Ахалдаевъ. Когда онъ кончилъ учиться въ Ургѣ, наставлявшій его тамъ Манзушири Номонъ-Хаганъ-лама приказалъ ему, по преданію, пойдти въ амбаръ и наугадъ взять оттуда книгу и маленькаго бурхана. Принесенными предметами таинственно опредѣлялась судьба уѣзжавшаго ученика: „ты самъ будешь имѣть до 100,000 учениковъ!“ изрекъ Манзушири-лама на прощаніе.

Предсказаніе по-своему сбылось. Бурятскій ламоправитель и его непосредственные преемники наложили благословляющія руки на десятки тысячъ пытливыхъ молодыхъ головъ, повѣрившихъ въ Будду. Вернувшись на родину, Ахалдаевъ сталъ служить въ цонгольскомъ дацанѣ, но вскорѣ, выдвинувшись изъ числа сотоварищей, пошелъ къ кочевьямъ своего Хатагинова рода и смежныхъ родовъ за р. Селенгой. Въ *1740* году возникъ ахалдаевскій войлочный дугунъ (кумирня) въ долинѣ р. Темника, преобразованный затѣмъ въ главный бандида-хамбинскій. Сѣвернѣе и западнѣе, и южнѣе также стали появляться буддійскіе храмы. Авторитетъ Ахалдаева стягивалъ ихъ жречество вокругъ него. Войлочный дугунъ около 1750 года замѣнился деревянною кумирней. Дацанъ мало-по-малу сдѣлался разсадникомъ ургинскихъ религіозныхъ обычаевъ и воззрѣній, тогда какъ цонгольскій на все налагалъ отпечатокъ Тибета. Незначительная разница въ служеніи и взглядахъ была и есть, впрочемъ, вездѣ,—такъ какъ вѣру прививали ламы, приходившіе изъ разныхъ мѣстностей. Основное отличіе составляла духовная близость или къ Монголіи, или къ нагорной колыбели ламаизма. Когда около 1752 года иркутская провинціальная канцелярія дала Заягійну званіе главнаго бурятскаго ламы, Ахалдаевъ началъ интриговать. Сородичи составили приговоръ (съ приложеніемъ старшинскихъ подписей) о желаніи имѣть Ахалдаева главой и предъявили его начальству. Селингинскій бригадиръ Якобій указомъ отъ 1 іюня 1752 года отвѣчаетъ: „быть Ахалдаеву во всемъ подъ вѣдомствомъ и дирекціей, въ послушаніи у цонгольскаго главнаго ламы, отнюдь ничего не чинить безъ вѣдома онаго ламы, для того, что помя-

нутый лама главный опредѣленъ надъ всѣми ламами, въ которыхъ бы улусахъ ни были.“ Но по ургински настроенная часть инородцевъ оставалась de facto независимою, продолжала непокорствовать. Пять дацановъ сгруппировалось подъ властью Ахалдаева. Борьба съ Заягійномъ была неравна. Гусиноозерцы медленно отстаивали свои права. Но, когда онъ умеръ, обстоятельства перемѣнились. Замѣстившій дядю цонголецъ Хытырхѣевъ, хотя человѣкъ опытный и ѣздившій съ покойнымъ въ Москву, всетаки не могъ, по значенію, замѣнить Заягійна, посѣтившаго множество буддійскихъ святынь, рукоположеннаго Далай-ламой, обласканнаго государыней... Споры о первенствѣ вспыхнули съ новою силой. Престарѣлый Ахалдаевъ теперь уже имѣлъ надежду на полный успѣхъ. И цонгольцы, и гусиноозерцы отрядили повѣренныхъ *въ Иркутскъ*. Первые домогались главенства надъ всѣми прочими дацанами; вторые—званія бандида-хамбы для Ахалдаева. Посланные обѣихъ сторонъ, при помощи подкупа, достигли своего. И тѣмъ, и другимъ (какъ это ни кажется невѣроятнымъ!) единовременно дали желанныя свидѣтельства, съ лукавымъ намекомъ: „кто раньше доставитъ ихъ въ селенгинскую канцелярію, тотъ будетъ считаться утвержденнымъ“.

Бурятскія сказанія картинно говорятъ о томъ, какъ ахалдаевскій лама Будаевъ пріѣхалъ на берегъ страшнаго Байкала и, несмотря на разыгравшуюся непогоду, рѣшилъ довѣриться волнамъ. Чтимая инородцами Цаганъ-Дара-Эхэ оградила, какъ они думаютъ, смѣлыхъ пловцовъ. Едва спасшись отъ погибели (перевезъ же его русскій отставной солдатъ за ничтожное вознагражденіе), Будаевъ предъявилъ свою бумагу въ Селенгинскѣ, и Ахалдаевъ, указомъ отъ 11 іюля *1783* года, сдѣланъ бандида-хамбой (бандидой онъ именовался еще съ *1776* года). [1]) Хытырхѣевъ же получилъ бандида-хамбинскій титулъ еще въ *1778* г.

Вскорѣ за Ахалдаева началъ управлять его молодой племянникъ *Дымчокъ Ишижамсуевъ*, потомъ онъ замѣнилъ покойнаго дядю и, въ свою очередь, имѣлъ, недолго спустя, преемника въ

---

[1]) Бандида—индійское pandita (соотвѣтствуетъ европейскому понятію «докторъ богословія», означаетъ вообще «ученый человѣкъ»); тибетское слово «кханбо» (въ просторѣчіи бурятъ—хамба́), такъ-сказать, настоятель большого монастыря, отчасти характеризуетъ въ ламайскихъ земляхъ положеніе духовнаго лица, пользующагося съ нашей точки зрѣнія архіерейскою властью. Хамба иначе называется *«эхэ лама»* («великій учитель»).

лицѣ брата. Этотъ послѣдній, *Іаванъ Ишижамсуевъ*, энергичнѣе предшественниковъ повелъ борьбу. Къ 1809 году, за смертью Хытырхѣева, онъ достигъ безусловнаго главенства въ глазахъ правительства.

II.

Въ чемъ же побѣдная сила и жизненное значеніе буддизма, который, какъ мы видѣли, властно наложилъ печать на монголо-бурятъ? Для отвѣта приходится нѣсколько отдалиться отъ предмета.

Глубокая древность вовсе не представляла изъ себя нѣсколькихъ цивилизацій, замкнутыхъ другъ отъ друга и отчужденныхъ. Напротивъ, отдаленнѣйшія страны, ради торговли и религіозныхъ интересовъ, поддерживали непрерывныя сношенія. Востокъ жилъ и дышалъ однороднымъ напряженнымъ стремленіемъ создавать все новые и новые идеалы, обожествлять свои лучшія грезы, уготовлять пришествіе Спасителя на землю.

Вавилоняне, финикіяне, евреи, персы, египтяне, аравитяне *морскимъ путемъ постоянно, гораздо рѣже сушей*, соприкасаясь съ Индіей и Китаемъ, вліяли на нихъ, отъ нихъ брали наицѣннѣйшее. Разныя космогоническія и астрономическія теоріи дѣлались вслѣдъ затѣмъ достояніемъ цѣлаго мыслящаго міра. Разцвѣтъ этой кипучей жизни—періодъ съ VIII по VI вѣкъ до Рождества Христова.

Какъ разъ тогда арійцы простерли свои завоеванія до индійскихъ побережій и начинали ощущать потребность въ болѣе широкомъ кругозорѣ, чѣмъ міровоззрѣніе Ведъ. Являлась философія, зарождались религіозныя движенія, просыпался *историческій* буддизмъ. Я подчеркиваю слово „историческій“, потому что идея его издревле присуща была не только индійскому духу, но и вообще человѣчеству. Буддъ („просвѣтителей, искупителей отъ зла“) признавалось и признается видимо-невидимо, ожидается въ будущемъ такое же несмѣтное количество. Оріенталисты постепенно приходятъ къ убѣжденію, что основу распространеннѣйшей вѣры составляетъ натуралистическій символизмъ, что наука имѣетъ дѣло съ миѳомъ о солнцѣ, что люди, забывъ о про-

исхожденіи культа, молятся несуществовавшему „святому". Единственное дѣйствительно случившееся, такъ или иначе достовѣрное, заключается въ слѣдующемъ: *кто-нибудь изъ мудрецовъ страны превзошелъ другихъ по внушаемому уваженію, по свойственному исключительно его проповѣди обаянію.* Послѣдователи могли придать учителю чисто миѳическія черты, и затѣмъ уже сложившаяся легенда не была въ состояніи разграничить естественные элементы отъ сверхъестественныхъ, весьма близкихъ и родственныхъ воображенію индусовъ. Изъ представленія о животворящемъ источникѣ свѣта возникъ и выросъ образъ неистощимаго по милосердію существа, преподающаго смертнымъ, какъ имъ достигнуть свободы отъ пороковъ и найдти полное внутреннее успокоеніе.

Буддизмъ явился выразителемъ народнаго настроенія, вдохновлялся общепризнаваемыми истинами, послужилъ дальнѣйшему развитію и совершенствованію мѣстной культуры. Этимъ только объясняется его необыкновенный успѣхъ, его удивительная бодрость и непосредственное отношеніе къ жизни, наконецъ, его умѣніе покорять себѣ повсемѣстно, куда онъ ни приходилъ, расположеніе туземцевъ какой-угодно страны и съ какимъ-угодно бытомъ. Все это дѣлало и дѣлаетъ изъ буддизма силу, съ которою серьезно надо считаться христіанскимъ націямъ, приводящимъ понемногу въ броженіе языческую Азію.

Религія эта носитъ яркій отпечатокъ той печальной эпохи, которая ее возвеличила. Индія тогда переживала невыносимый нравственный кризисъ изъ-за соціально-политическихъ причинъ Прошлое не сохранялось исторіей въ памяти индусовъ; настоящее не представляло цѣны въ виду безпрерывныхъ смутъ, его наполнявшихъ; будущее не обѣщало ничего лучшаго. Невольно притягивали и очаровывали мечтанія о томъ, что стоитъ внѣ времени: о царствѣ неизсякающаго блаженства. Параллельно съ тѣмъ отчаяніе вѣка особенно ярко проявилось въ буддизмѣ...

Колыбелью его были земли восточнѣе Ганга, гдѣ браминство далеко не пользовалось незыблемымъ значеніемъ и вліяніемъ, гдѣ рядомъ съ понятіями арійскихъ пришельцевъ открыто уживались воззрѣнія мѣстныхъ автохтоновъ дравидской темной расы. Самъ историческій Будда, если признавать его существованіе, по всей вѣроятности, даже не былъ аріецъ, а происхо-

дилъ изъ воинственнаго племени шакіевъ („могущественныхъ"), проникнувшихъ съ сѣвера и водворившихся около гималайскихъ предгорій нынѣшняго Нэпаля.

Фактъ такого происхожденія, если бы достовѣрность его подтвердилась, указывалъ бы образно, почему религія, выросшая на почвѣ браминскаго міровоззрѣнія, имъ же въ концѣ концовъ и поглотилась, но отзвукъ раздавшейся въ Индіи проповѣди особенно сочувственно встрѣченъ былъ среди единокровныхъ Буддѣ племенъ. Что-то неизъяснимое притягивало ихъ къ нему, до сихъ поръ дѣлая монголовъ и тибетцевъ самыми ревностными послѣдователями „бога-учителя" (*бурхáнъ-бакши*). Впослѣдствіи онъ явился посредникомъ и связующимъ звеномъ между высоко развитымъ югомъ Азіи и совершенно невѣжественнымъ сѣверомъ.

Изъ сліянія арійской цивилизаціи съ первобытнѣйшими человѣческими вѣрованіями, сохранявшимися въ низшихъ слояхъ населенія, должно было выйдти и дѣйствительно вышло нѣчто поразительное, способное и удовлетворить пытливѣйшіе восточные умы, и утолить глубокую духовную жажду темныхъ массъ во что-нибудь цѣльное слѣпо повѣрить, предъ чѣмъ-нибудь благоговѣйно преклониться. Скептицизмъ и блаженное невѣдѣніе заключили между собой въ буддизмѣ братскій союзъ. Въ этомъ заключается великая тайна и неоспоримое могущество означенной религіи.

Окружающее насъ на землѣ видимое бытіе, съ его тревожными приливами возникновенія и уничтоженія, въ глазахъ индусовъ искони есть источникъ несчастія. Задача и призваніе Будды указать лишь на путь избавленія отъ золъ, а для этого надежнѣйшимъ средствомъ почитается подавленіе и даже полнѣйшее усмиреніе желаній, такъ какъ изъ нихъ исходитъ и ими же поддерживается не покидающій сердецъ разладъ.

Наперекоръ усвоенному туземцами аскетизму, Будда училъ: „существуютъ двѣ крайности, избѣгать которыхъ обязанъ тотъ, кто ведетъ духовный образъ жизни. Одна крайность — жизнь среди наслажденій: это безполезно. Другая — среди самоистязаній: это безполезно... Средняя благородная стезя, ведущая къ просвѣтляющему и освобождающему отъ бѣдствій познанію, есть неусыпная работа надъ укрѣпленіемъ въ себѣ самообладанія. Шагъ за шагомъ, часъ за часомъ долженъ тотъ, кто

благоразуменъ, очищать свое *я* отъ всякой скверны, подобно мастеру, очищающему серебро“.

Этого требовалъ догматъ о душепереселеніи, привнесенный, вѣроятно, въ арійское міровоззрѣніе или индійскими автохтонами или съ запада и изъ Египта. Думалось, что каждый поступокъ отражался въ будущемъ, опредѣлялъ состояніе послѣ смерти, созидалъ, совокупно съ прочими совершенными поступками, условія для новаго существованія (высшаго, либо низшаго порядка). Безчисленные міры единовременно населены, исчезаютъ, снова образуются. Какая сила управляетъ ими, что̀ порождаетъ впереди ихъ дальнѣйшее бытіе?

Творца буддійскій міръ не знаетъ,—знаетъ онъ только одинъ всеуряжающій нравственный законъ—*законъ дѣлъ* (*карма*). Пока вина не искуплена, дѣянія влекутъ за собой перевоплощеніе,—и такъ продолжается до безконечности. Всякій прошелъ уже черезъ множество рожденій и смертей: пока онъ не достигнетъ сверхъестественной почти безмятежности, до тѣхъ поръ скитанія по вселенной не прекратятся. Радѣя о спасеніи всего живущаго отъ мученій, надо взять на себя трудный подвигъ постепеннаго, сознательнаго видоизмѣненія грѣховныхъ помысловъ и чувствъ, надо на яву грезить царствомъ, гдѣ нѣтъ борьбы, надо заживо умереть для всего суетнаго и земного. Это именно и есть такъ называемая *нирвана*. Буквальный смыслъ слова—*угасаніе*, то-есть угасаніе огней страсти, угасаніе всего того, не долженствовавшаго быть, что прежде становилось причиной возобновленія индивидуума.

„Кто уничтожилъ въ себѣ“,—учитъ буддизмъ,—„сто восемь видовъ злаго пожеланія, обусловливавшихъ *principium individuationis*, освободился отъ рожденія, тотъ подобенъ человѣку, спасшемуся отъ пресмыкающагося чудовища, которое обвилось вокругъ него“. Еслибъ это состояніе послѣ освобожденія считать небытіемъ, сравненіе не имѣло бы смысла. Избѣгнувшій чудовища не задушенъ; свободный отъ метемпсихозы возвращается къ первобытно-нормальному состоянію чистѣйшей духовности.

Для достиженія совершенства, требовалось отреченіе отъ соблазновъ и пріобщеніе къ лучшему существованію. Уже брамины положили начало этому глубоко искреннему движенію. Они раз-

давали имущество, отказывали себѣ въ привычныхъ удобствахъ и селились по лѣсамъ въ древесныхъ шалашахъ. Представители другихъ кастъ, повидимому, также мало-по-малу слѣдовали увлекающему примѣру. Но отличительною чертой религіозныхъ настроеній древнѣйшаго монашества выступалъ строго соблюдаемый эзотерическій характеръ вѣры въ искупляющее самоочищеніе. Обладаніе этимъ знаніемъ мыслимо и доступно было лишь небольшому числу избранныхъ. Ученіе облекалось въ какія-то таинственныя формы, которыя не могли сдѣлаться достояніемъ всего народа.

Востокъ Индіи принялъ браминство отъ умственно опередившаго его запада, и, собственно говоря, этотъ чуждый элементъ не вошелъ въ кровь и плоть туземнаго населенія. Тутъ вся жизнь менѣе была окована суровыми предначертаніями жречества, больше отводила мѣста значенію царя и совокупности подданныхъ. Вопросы, которые на западѣ обсуждались лишь въ стѣнахъ школъ аристократами по духу, на востокѣ становились понятными толпѣ. Метафизическія тонкости ее не затрогивали, но за то ею вполнѣ усвоивались представленія о страданіи, о нравственномъ возмездіи, о самоосвобожденіи. Стремленіе уйдти отъ искушающей жизни сказывалось особенно сильно среди богатыхъ и знатныхъ (простонародье и бѣдняки менѣе воспріимчивы были по отношенію къ проповѣдываемымъ истинамъ). При этомъ въ обществѣ просыпалось неудовольствіе: семьи боролись съ порывами экзальтированной молодежи пренебречь суетнымъ міромъ; но влеченіе осиливало самыя дорогія узы. Вездѣ появлялись учители, независимо отъ браминскихъ преданій указывающіе новые пути къ спасенію,—и учителямъ этимъ не приходилось искать учениковъ. Послѣдніе притекали отовсюду. Нарождались многочисленныя секты. Въ отличіе отъ браминовъ, достоинство которыхъ опредѣлялось ихъ рожденіемъ, лица, добровольно избиравшія духовное званіе, назывались *самана* (аскеты). Основатель историческаго буддизма былъ лишь одинъ изъ многихъ учителей и міроспасителей, которые въ монашескомъ облаченіи обходили съ проповѣдью страну, и образовывали цѣлыя монашескія общины (нѣчто вродѣ христіанскихъ средневѣковыхъ орденовъ). Кругъ учениковъ Будды не представлялъ, даже въ древности, свободнаго товарищества людей,

связанныхъ только внутренно; существовало общежитіе аскетовъ съ твердо установившимися формами, которыя выработались въ Индіи еще задолго до того. Для религіознаго сознанія эпохи монашеская жизнь казалась единственною вполнѣ понятною и естественною для каждаго, проникнута была общимъ стремленіемъ познать всеискупляющую истину. Появленіе Будды не было чѣмъ-либо необычайнымъ: онъ не выступилъ въ качествѣ новатора, далекъ былъ отъ утопій переиначить соціальный строй. Индія не вѣдала ничего подобнаго: каста могла утратить всякое значеніе въ глазахъ истиннаго монаха, но врагомъ ея онъ ни въ какомъ случаѣ не дѣлался. Демократическаго направленія буддизмъ никогда не держался,—скорѣе наоборотъ.

III.

Быть-можетъ, спросятъ, какъ съ этимъ согласовать нынѣшнее существованіе (на сѣверѣ отъ Индіи) неисчислимо многочисленнаго ламства? Въ Ладакѣ, провинціи Кашмира, приходится *по одному* духовному на тринадцать міранъ. Чѣмъ дальше на сѣверъ, тѣмъ значительнѣе становится номинальное число ламъ; оно составляетъ шестую, седьмую долю населенія; во всей Монголіи—приблизительно *треть*, а по разсчету ѣздившаго по Халхѣ (сѣверо-восточной Монголіи) англійскаго миссіонера Гильмоура *шестьдесятъ процентовъ*, въ самомъ же Тибетѣ мѣстами (согласно отзывамъ путешественниковъ) около *двухъ третей*. Несмѣтное множество это порождено своеобразными религіозными потребностями и взглядами народа. Каждая семья алчетъ имѣть, по крайней мѣрѣ, одного, а то и двухъ-трехъ ламъ изъ своихъ сочленовъ. Еще отцемъ Будды княземъ Суддходаной (онъ былъ при непорочно зачавшей матери буддійскаго первоучителя Майѣ въ родѣ Іосифа) постановлено, чтобы каждая семья подвѣдомственныхъ ему шакіевъ, единоплеменниковъ Шакья-муни („мудреца изъ рода шакіевъ") непремѣнно выставила по буддійскому монаху.

Дѣйствуя согласно такому предписанію, ламаиты лишь доказываютъ, какъ они послѣдовательны въ дѣлахъ вѣры. То, что наши инородцы стараются не отставать отъ прочихъ, подтверждаетъ лишь ихъ чувства приверженности къ буддизму и отсутствіе приписывае-

маго имъ равнодушія къ своей святынѣ. [1]) Напротивъ, всякій отецъ и всякая мать съ самаго нѣжнаго возраста *добровольно и съ благоговѣніемъ* посвящаютъ хоть одного сына въ *ховараки* (ламчики), чтобъ особенная благодать осѣнила вслѣдствіе этого семью, и кровныя узы связали ее съ лучшимъ міромъ. Не даромъ завѣтъ, сохраняющійся нерушимо со времени смерти „учителя“, велитъ поклоняться тремъ драгоцѣнностямъ (по-монгольски *гурбáнъ эрдени́*): 1) Буддѣ (*бурхáнъ эрдени́*), 2) его ученію (*номъ эрдени́*), 3) духовенству (*хубарагу́тъ эрдени́*).

Тріада эта имѣетъ въ религіозномъ отношеніи такое же мистическое значеніе, какое вообще присуще было числу *три* въ древности (у браминовъ, египтянъ, грековъ, римлянъ) и скрѣплена глубокою внутреннею связью. Въ „богѣ-учителѣ“ видятъ существо, и по днесь присутствующее среди людей, для того чтобъ имъ спастись отъ золъ вѣчнаго перерожденія. Законоученіе считается за своего рода откровеніе, въ которомъ каждое слово одарено особою таинственною жизнью и, само по себѣ, способно, при произнесеніи его, творить чудеса. Наконецъ, духовные составляютъ завоевывающее весь міръ братство (по-санскритски *sangha*), призванное служить посредствующимъ звеномъ между совокупностью вѣрующихъ и областью безгрѣшныхъ божескихъ силъ. Количество монашествующихъ свидѣтельствуетъ о степени благочестія каждой буддійской страны. Повѣствованіе о земной дѣятельности Будды (Шакья-муни) или, какъ его называютъ буряты, Шакжа-муни, Шиге-муни заключаютъ въ себѣ данныя о баснословномъ количествѣ духовныхъ. То же было будто бы и вслѣдъ затѣмъ. Показанія, имѣющія историческую достовѣрность, подтверждаютъ это явленіе. Религіозные центры, вмѣщавшіе тысячи примкнувшихъ къ нимъ лицъ, издавна казались въ порядкѣ вещей. Монастыри поддерживались царями и народомъ наравнѣ. Южный буддизмъ насчитываетъ теперь значительно меньшее число священнослужителей, чѣмъ сѣверъ; но это объясняется, вопервыхъ, нѣкотораго рода упадкомъ вѣры, ибо раньше и подъ полуденнымъ небомъ все и вся угождало сангхѣ, а, во вторыхъ, вопреки мнѣнію иныхъ замѣчательныхъ оріенталистовъ, прихо-

---

[1]) Между прочимъ, восточно-сибирская миссія неоднократно заявляла въ печати, что бурятъ легко окрестить по приказанію свыше, въ виду их поражающаго индифферентизма въ вопросахъ вѣры.

дится склониться къ выводу, что Цейлонъ и государства, оттуда заимствовавшія буддизмъ (Бирма, Сіамъ, отчасти Аннамъ) гораздо отдаленнѣе отъ истиннаго пониманія и исповѣданія этой религіи, какъ таковой, нежели Китай, Тибетъ и другія земли, стремящіяся непосредственно реализировать завѣты „учителя“. Ламаизмъ—терминъ условный, принятый европейцами и совершенно чуждый краямъ, гдѣ царствуетъ шигемунійское жречество. *Лама* по-тибетски означаетъ „возвышенный человѣкъ, учитель“. Въ Индіи слову соотвѣтствовало названіе *гуру*, равняющееся нѣмецкому *Meister*, арабскому *шейхъ*, латинскому *superior*. Такъ, по настоящему, подобаетъ величать лишь главныхъ духовныхъ, но изъ вѣжливости и въ знакъ уваженія названіе это дается всѣмъ.

Уже древніе индійцы вѣрили, что міръ—во власти боговъ, боги—во власти молитвословій, молитвословія—во власти браминовъ: слѣдовательно послѣдніе въ сущности—владыки всего. Подобное воззрѣніе перешло къ буддистамъ, получило своеобразное толкованіе и примѣненіе къ быту. Ламаиты, напримѣръ, убѣждены, что священныя слова сами по себѣ, только благодаря произнесенію ихъ, имѣютъ магическое вліяніе на существъ высшаго и низшаго порядка, обезпечиваютъ покровительство добрыхъ духовъ и устраняютъ зловредность другихъ. Даже начертанію буквъ, изъ которыхъ составляются таинственныя формулы, приписывается символическое значеніе,—тѣмъ болѣе внятному и плавному чтенію, и потрясающимъ заклинаніямъ ламъ. Послѣдніе, въ силу непоколебимаго для толпы вѣрованія, выдѣляются, среди прочихъ смертныхъ, естественною близостью къ Буддѣ, по своему такъ или иначе проявляемому желанію идти стезей „учителя“. Они, дѣйствительно, и стараются идти, поскольку немощь человѣческая допускаетъ, и для міряпъ совершенно достаточно одной рѣшимости, остальное ихъ какъ бы не касается. Духовные, по общему мнѣнію, особенно способны угождать Буддѣ своими молитвословіями, и даже заполонять на время въ свою власть геніевъ неба и ада; къ тому же каждый священнодѣйствующій лама служеніемъ накопляетъ неизмѣримое количество заслугъ, столь великое, что прочіе простые смертные, для накопленія ихъ, должны иногда проходить нормальнымъ путемъ черезъ тысячи перерожденій. Столь важное преимущество въ дѣлѣ спасенія обусловливается, между прочимъ, тѣмъ, что глубже знакомиться съ буддійскою письменностью и осмысленно вникать въ нее дозволено

лишь принявшимъ извѣстные духовные обѣты. Простолюдинъ, наложившій ихъ на себя и прослушавшій часть религіознаго ученія, уже въ правѣ стать руководителемъ иного ламы, еще несвѣдущаго въ этомъ отношеніи...

При чтеніи таинственныхъ по содержанію книгъ все сводится къ тому, чтобы прочитать какъ можно больше. Служба не препятствуетъ смѣху и постороннему отрывистому разговору—надо только безошибочно произносить священныя слова, хотя бы и не зная ихъ смысла. Звуки и такъ проявятъ чудотворное могущество! Начиная читать, ламы дѣлятъ между собою листы книги (буддійскія сочиненія состоятъ изъ несшитыхъ листовъ, завертываемыхъ въ матерію). Предварительно еще готовящимися служить омываются руки и полощется ротъ, дабы отнюдь не осквернить святыни. Всякій жрецъ торопливо прочитываетъ доставшееся ему на долю, затѣмъ помогаетъ отставшимъ дочитывать ихъ листы, выраженія сливаются и должны быть непостижимыми даже для знатоковъ языка. Такое механическое дѣйствіе есть своего рода *колдовство*, но вѣрующимъ это кажется необходимымъ, и на этомъ зиждется потребность имѣть громадное число ламъ. *Чѣмъ многолюднѣе собраніе читающихъ въ кумирнѣ или по юртамъ, тѣмъ благотворнѣе результатъ*. Свѣтская власть вторгается въ область религіи, говоря, что нельзя инородцамъ произвольно размножать ламъ, нельзя служить внѣ дацановъ, нельзя, наконецъ, вѣровать такъ, какъ они хотятъ, какъ и шаманствующимъ не возбраняется...

Репрессивныя мѣры, касающіяся ламства, обусловливались заботой властей о томъ, чтобы монголы-буряты не эксплуатировались жрецами и одна значительная часть населенія, въ качествѣ паразитовъ, не высасывала кровь изъ единоплеменниковъ. Еще съ прошлаго столѣтія мѣстное начальство формально подымало вопросъ объ этомъ,—но, разъ что въ изученіе причинъ добровольнаго пріумноженія ламъ инородцами не находили нужнымъ вникать, разсужденія о пользѣ и вредѣ для послѣднихъ отъ образа дѣйствій жречества оставались безпочвенными и голословными... Вице-канцлеръ Нессельроде въ 1827 г. сообщалъ иркутскому генералъ-губернатору: „предназначаемое исключеніе многихъ *изъ сана духовнаго* не портитъ-ли народъ, имѣющій понятіе о лучшемъ положеніи ламъ за границей? Выгоднѣе было бы склонить бандида-хамбу, дабы онъ, подъ различными предло-

гами, затрудняя пріемъ въ духовное званіе простолюдиновъ бурятскихъ съ тою нечуждою и для него цѣлью, дабы уменьшеніемъ ламъ облегчить единовѣрцевъ своихъ въ платежѣ казенныхъ и общественныхъ сборовъ и въ исполненіе другихъ повинностей". Спрашивается, однако: были-ли у правительства и существуютъ-ли даже теперь какія-нибудь несомнѣнныя данныя о томъ, что лама есть только и только тунеядецъ, піявка и ничего болѣе? Если да, то всякія строгости противъ буддійскаго жречества основательны и надо поскорѣе пріискать подходящія и вѣрныя средства для борьбы съ давнишнимъ зломъ. Но я положительно убѣжденъ въ умышленной почти преувеличенности слуховъ и толковъ о пагубномъ вліяніи ламства и проистекающемъ отсюда раззореніи инородческаго населенія. Картина, рисовавшаяся восточно-сибирскою миссіей (въ изданныхъ ею „Трудахъ" за послѣднюю четверть вѣка), слишкомъ тенденціозно ужасна, чтобы соотвѣтствовать дѣйствительности. Положеніе ея представляется слѣдующимъ: дацаны—ничто иное, какъ бездонныя пропасти, куда алчнымъ жречествомъ притягивается все инородческое имущество и (надо полагать) безвозвратно, никому не идя въ прокъ, поглощается, потому что иначе, если громадный процентъ туземцевъ богатѣетъ, а остальные нищаютъ, то достояніе ихъ всетаки же должно сосредоточиваться въ чьихъ-нибудь рукахъ, кто-нибудь да дѣлается мѣстнымъ крезомъ. Число буддійскихъ духовныхъ (по имени) превышаетъ количество свѣтскихъ людей. Самою жизнью первые поставлены въ необходимость работать наряду съ мірянами и, гдѣ только есть дѣло, трудятся не менѣе ихъ. Въ каждомъ встрѣчномъ караванѣ путешественники по внутренней Азіи могутъ увидѣть много ламъ. На почтовыхъ станціяхъ они отправляютъ обязанности возницъ. Табуны и стада находятся подъ постояннымъ присмотромъ мѣстныхъ духовныхъ.

„*Буряты пожираются ламами*"—вотъ какъ выражались объ эксплуатаціи послѣднихъ „Труды православныхъ миссій иркутской епархіи"... Оставляя пока въ сторонѣ вопросъ о справедливости подобнаго обвиненія и о томъ, чѣмъ его могутъ подтвердить, я позволю себѣ привести нѣсколько авторитетныхъ отзывовъ противуположнаго свойства. Въ началѣ прошлаго вѣка среди волжскихъ калмыковъ довольно долго прожилъ русскій подданный *Бергманнъ*, старательно вглядѣлся въ ихъ вѣрованія и обычаи, и напечаталъ о предметѣ по-нѣмецки четыре книги, до сихъ поръ

составляющія едва-ли не лучшій по этой части вкладъ въ этнографическую литературу. Третій томъ *Nomadische Streifereien unter den Kalmücken* категорически заявляетъ: „ламы принимаютъ дары лишь отъ состоятельныхъ единоплеменниковъ, а у бѣдныхъ всячески отказываются брать, никогда сами ничего не просятъ, живутъ не столько приношеніями мірянъ, сколько *наслѣдственно доставшеюся собственностью*, скорѣе станутъ голодать, чѣмъ тронутъ чужое добро безъ приглашенія, довольствуются, какъ и простой народъ, обычною молочною и мучною пищей, изрѣдка употребляя мясное. *Будь ламъ меньше, они были бы богаче, вотъ и все, для населенія же это бы выходило безразлично.* Буддійскихъ духовныхъ напрасно называютъ сознательными лжецами и шарлатанами; они сами твердо убѣждены въ очистительной и вручающей силѣ священнослуженій, а при болѣзняхъ тратятся не менѣе мірянъ на заказы продолжительныхъ молитвословій“.

Данныя гражданской власти за послѣднія десятилѣтія постоянно свидѣтельствовали о повсемѣстномъ благосостояніи среди забайкальскихъ инородцевъ, объ отсутствіи крайней бѣдности, а также о томъ, что положительно нѣтъ никакихъ доказательствъ, будто ламы тѣснятъ и обираютъ своихъ единовѣрцевъ. „*Во время служенія каждый лама — лицо священное, а въ частной жизни* (если только онъ не изъ числа ученѣйшихъ и вліятельнѣйшихъ духовныхъ) *такой же бурятъ, какъ и остальные, занимающійся собственнымъ хозяйствомъ*“. Здраво разсуждая, иначе и быть не можетъ, разъ что для отвращенія всевозможныхъ бѣдствій буддійскія семьи желаютъ выставлять по меньшей мѣрѣ одного ламу, съ дѣтства или при рожденіи посвящаютъ намѣчаемыхъ мальчиковъ въ духовное званіе, а за неимѣніемъ потомства берутъ пріемышей и ихъ дѣлаютъ священнослужителями... Во всеподданнѣйшемъ отчетѣ 1847 г. министръ государственныхъ имуществъ графъ Киселевъ объяснялъ эту особенность тѣмъ, что такія семьи не подвергаются опустошительному нашествію другихъ ламъ. Значитъ, тутъ tacito consensu признается нелѣпость увѣреній, будто произволу и алчности послѣднихъ нѣтъ названія. Если допустить, что правы говорящіе: „ламство само по себѣ есть гибель для населенія и величайшее изъ золъ“, то всетаки остается совершенно невыясненнымъ, почему это такъ съ экономической точки зрѣнія: вѣдь всѣ духовные, кромѣ неизбѣж-

наго вреда въ религіозномъ отношеніи, въ большей или меньшей мѣрѣ, приносятъ долю пользы обществу, какъ скотоводы или радѣющіе о земледѣліи, какъ промышляющіе какимъ-нибудь ремесломъ или торговлей, какъ проводники грамотности или лѣкаря,— однимъ словомъ, какъ люди наиболѣе въ своей косной средѣ развитые, своеобразно дѣятельные, работящіе и энергичные? Недаромъ миссіонеръ *Гюкъ*, проѣхавъ черезъ Монголію и Тибетъ, мѣтко характеризуетъ ламство слѣдующимъ опредѣленіемъ: „это— голова и сердце народонаселенія". Я прибавлю еще три слова: „и его воля". то-есть достойнѣйшіе ламы не только представляютъ изъ себя аристократію ума и родникъ благороднѣйшихъ замысловъ и чувствъ, но въ то же время являются воплощеніемъ смутныхъ стремленій окружающей темной массы, ея порывовъ приближаться къ истинѣ и мистически сливаться съ высшимъ безгрѣшнымъ міромъ... На обвиненія жречества въ нравственной испорченности и въ томъ, что буддизмъ, благодаря корыстолюбивому настроенію многихъ дурныхъ людей, ложно толкуется и прививается,—нечего, мнѣ кажется, и возражать. На то онъ и есть антиподъ христіанства, на то онъ съ нашей богословской точки зрѣнія и безплоденъ, несмотря на свои благородныя этическія идеи, разъ основа догматики его невѣрна и конечная цѣль космической жизни теряется въ загадочномъ туманѣ. Если даже и допустить безъ оговорокъ все, что̀ говорится въ обличеніе ламства, и то ревнителямъ распространенія православія этому не ужасаться надо, а сказать: „слава Богу! значитъ свѣтъ правды Господней скоро возсіяетъ между кочевыми племенами, ищущими, но еще не познавшими Спасителя. У другихъ иновѣрцевъ въ предѣлахъ Россіи религіозные идеалы довольно тѣсно вяжутся съ повседневнымъ бытомъ и это имъ мѣшаетъ убѣдиться воочію въ превосходствѣ трудно осуществимаго православія надъ ихъ болѣе осязательными вѣрованіями. Разъ что буддизмъ самъ совершенно растлѣвается и умираетъ, миссіонерство найдетъ твердую почву подъ ногами, соприкасаясь съ его послѣдователями". De facto далеко не все способно поддержать подобную иллюзію. Ламаизмъ, безспорно, погрязаетъ (какъ и нѣкоторыя другія вѣроисповѣданія) въ тинѣ разнороднѣйшихъ проступковъ и пороковъ, но развращенность полудикихъ сыновъ внутренней Азіи до того несложна, первобытна и естественна съ точки зрѣнія Новозавѣтной, что и преувеличивать размѣры ихъ грѣховности выходило бы черезчуръ

странно. Во-первыхъ, души язычниковъ не тронуты пока животворящимъ обновленіемъ; во-вторыхъ, если ужъ мы къ отступающимся братьямъ во Христѣ обязаны относиться со снисхожденіемъ, то тѣмъ паче къ ламаитамъ, которые самою вѣрой научаются, что грѣхъ надо понимать условно и можно искупать извѣстнаго рода чисто внѣшними пріемами. Напримѣръ, переписываніе священныхъ книгъ и чтеніе ихъ до того почитается важнымъ, что способно заглаживать чувственныя увлеченія и даже жестокость къ тварямъ. Человѣкъ, провинившійся въ этомъ, но въ то же время непосредственно близкій къ книжной святынѣ, не возрождается существомъ низшаго порядка, а небожителемъ. Ламскіе обѣты цѣломудрія часто произносятся въ столь незрѣломъ возрастѣ, что выполнить намѣреніе впослѣдствіи представляется слишкомъ тяжкимъ, и религіозный законъ нарушается. Странный взглядъ на весь нравственный строй, согласно индійскому ученію о душепереселеніи, и параллельно съ этимъ глубоко-суевѣрное воззрѣніе на чародѣйную силу разныхъ молитвъ и обрядовъ мирятся другъ съ другомъ. При такомъ удивительномъ сплетеніи понятій нельзя и ждать идеальнаго хода жизни...

По словамъ путешествовавшаго по буддійскимъ странамъ Потанина, который видѣлъ немало ламъ на своемъ вѣку, они—вовсе не такіе тунеядцы и лѣнтяи, какими ихъ почему-то считаютъ нужнымъ представить и не питаютъ бо̀льшаго отвращенія ко всякому труду, чѣмъ остальная часть населенія, вообще въ силу присущихъ ему созерцательныхъ наклонностей, неодареннаго предпріимчивостью на европейскій ладъ. Напротивъ, инцiатива чаще всего исходитъ именно отъ ламъ, а не простыхъ міранъ, потому что первые бываютъ сравнительно образованнѣе, опытнѣе, ловчѣе. Все, такъ или иначе составляющее культурное достояніе родного края, начиная стародавнимъ знаніемъ и кончая удовлетвореніемъ эстетическихъ потребностей единовѣрцевъ (въ видѣ изготовленія предметовъ культа, художественной отдѣлки вещей и т. п.) сосредоточено въ рукахъ братства Будды. У него почерпается то, что дорого и необходимо различнымъ сторонамъ народнаго духа. Всюду оно идетъ впереди соплеменниковъ и, какъ я уже имѣлъ случай сказать, не чуждается новыхъ вѣяній изъ совершенно иного цивилизованнаго міра, хотя и относится къ нему съ нѣкоторымъ скептицизмомъ: англійскій миссіонеръ Гильмоуръ, ѣздившій лѣтъ двадцать назадъ по Монголіи

и Забайкалью, передаетъ въ своей любопытной книгѣ *Among the Mongols* о слѣдующемъ весьма правдоподобномъ сужденіи какого-то мѣстнаго ламы: „вы—европейцы по-своему, конечно, умны, потому что имѣете много полезнаго, въ родѣ телеграфныхъ линій, пароходовъ, желѣзныхъ дорогъ, газетъ и т. д., но вамъ недостаетъ самаго главнаго — недостаетъ знакомства съ нашею религіей. Только если вы вчитаетесь въ наши книги, разумъ вашъ перестанетъ быть одностороннимъ и познаетъ тайны неба и земли“.

Посѣтивъ въ 1886 и 1887 годахъ Ургу и разспрашивая нашего генеральнаго консула Як. Парф. Шишмарева о тамошнемъ многочисленномъ ламствѣ и прочихъ большихъ *куреняхъ* (буддійскихъ монастыряхъ; собственно *хурс* значитъ группа зданій, расположенныхъ кругомъ, съ сотнями и тысячами духовныхъ), я вкратцѣ такъ могу резюмировать его отзывы: кумирни съ обитающимъ вокругъ жречествомъ преимущественно воздвигнуты или милостью китайскаго императора, или благочестіемъ туземныхъ князей; онѣ имѣютъ опредѣленный штатъ ламъ, обыкновенно довольно значительный, обезпеченный основными и позднѣйшими цѣнными вкладами, подареннымъ количествомъ скота (верблюдовъ, коровъ, лошадей, овецъ), а иногда и людей, приписанныхъ къ святилищу въ качествѣ постоянныхъ его данниковъ, своего рода крѣпостныхъ, называемыхъ *шабинарами* („учениками“). У куреней есть пастбищная, а изрѣдка и пахотная земля. Кромѣ того, заказываемыя служенія приносятъ доходъ молящимся ламамъ. Деньги тратятся на ремонтъ храмовъ, покупку различныхъ принадлежностей и благоухающихъ курительныхъ веществъ, пріобрѣтеніе кирпичнаго чаю и съѣстныхъ припасовъ для общественной трапезы жрецовъ во время долгихъ чтеній по кумирнямъ и т. д. Помимо штатнаго ламства, при религіозныхъ центрахъ живетъ *на свой счетъ* множество другихъ духовныхъ, нѣкоторые въ собственныхъ юртахъ, а то даже и деревянныхъ домикахъ, среди отдѣльныхъ дворовъ, обнесенныхъ заборами, или же, въ случаѣ бѣдности, у болѣе состоятельныхъ ламъ. Средства къ пропитанію привозятся ими самими и присылаются изъ дому, или зарабатываются лѣченіемъ, совершеніемъ обрядовъ и т. п. Обитающіе въ чертѣ одной ограды стараются не быть другъ другу въ тягость и всякій проводитъ дни самъ по себѣ. Когда нѣтъ празднично благоговѣйнаго оживленія, монастыри выглядятъ сумрачными и

безмолвными, потому что населяющія ихъ лица необщительны, мало любятъ говорить и, по окончаніи необходимѣйшихъ занятій, сидятъ каждый въ своемъ углу. Зимой курени особенно полны жаждущими учиться, въ ожиданіи того, что откроются вакансіи на штатныя должности. Лѣтомъ сверхкомплектные духовные чаще всего отправляются обратно въ родное кочевье, гдѣ у нихъ— хозяйственныя хлопоты объ имуществѣ, которымъ они обыкновенно нераздѣльно владѣютъ съ братьями-міpянами, именуемыми *харà* (черные) въ отличіе отъ желтаго или краснаго цвѣта ламскихъ одѣяній. По словамъ нашего компетентнаго монголиста, профессора А. М. Позднѣева, въ Монголіи всѣ духовные, не живущіе постоянно при монастыряхъ (такъ-называемые *степные ламы*), внесены въ общій списокъ данниковъ своего князя и отбываютъ повинности наряду съ прочими податными монголами.

У насъ принято думать, будто ламы не смѣютъ имѣть частной собственности. Это положительно ни на чемъ не основано и опровергается какъ исторіей религіи, такъ и дѣйствительностью, не дающею повода придти къ такому, вѣроятно, апріорно составленному мнѣнію. Пришедшая изъ Индіи вѣра вполнѣ безучастно относится къ вопросу объ имуществѣ, какъ и вообще ко всему мірскому: заразъ она и допускаетъ обладаніе отдѣльнымъ достояніемъ и даже *право передачи его посредствомъ завѣщаній*, и въ то же время учитъ: „спасаться правильнѣе и вѣрнѣе, отрѣшаясь отъ всѣхъ земныхъ узъ". Поэтому ламы, стоящіе на сравнительно низкой ступени духовнаго совершенства, озабочены (пожалуй, не менѣе міpянъ) сохраненіемъ и округленіемъ своихъ доходовъ, — лица же, поборовшія въ себѣ плотскія страсти, равнодушно и сурово смотрятъ на внѣшнія удобства, нерѣдко жертвуютъ обильно на монастыри, раздаютъ все свое имущество, до послѣдней копѣйки, бѣднымъ, а себя обрекаютъ на нищету. Но дѣлается это вовсе не въ силу какихъ-либо обязательныхъ правилъ вѣры, а просто по добровольному рѣшенію. Строгими аскетами выступаютъ даже богатые и властные ламы знатнаго происхожденія...

Ламъ надо разбить на двѣ категоріи: *меньшинство*, состоящее изъ наиболѣе даровитыхъ и сильныхъ духомъ буддистовъ, которые, благодаря умственному превосходству, царятъ надъ преклоняющеюся предъ ними толпой и довольно беззаботны насчетъ матеріальныхъ условій существованія,—и на *громадное большин-*

ство, сѣрое и невѣжественное, какъ и все почти единокровное ему населеніе, а потому гнетомъ обстоятельствъ вынуждаемое заботиться о пропитаніи. Первая категорія образуется изъ людей, родившихся въ семьѣ съ хорошими средствами и вслѣдствіе этого имѣвшихъ возможность пройдти довольно трудную и продолжительную школу ламскаго ученія,—чтó находится въ тѣсной связи со способностями начинающихъ заниматься и съ терпѣніемъ и выдержкой зрѣлаго человѣка, сознательно дающаго Буддѣ обѣтъ за обѣтомъ. Одушевляемые сравнительно возвышенными помыслами и будучи обыкновенно съ дѣтства поставлены благопріятнѣе многихъ соплеменниковъ, лучшіе духовные положительно лишены бываютъ мелочно-грязныхъ вожделѣній, обыкновенно свойственныхъ паразитамъ, выходящимъ изъ ничтожества, и совсѣмъ не изображаютъ того безпощадно-алчнаго типа, который будто бы олицетворяется всѣми ламами. Примѣромъ можетъ служить хотя бы извѣстный въ 80-ые года бандида-хамба Дымпилъ Гонбоевъ. Родовитый, семилѣтнимъ ребенкомъ посвященный въ духовное званіе, онъ юношей уже обратилъ на себя такое вниманіе, что, по приговору инородцевъ, признанъ достойнымъ занять мѣсто среди штата Гусиноозерской кумирни. Вся жизнь его поглощена ревностнымъ изученіемъ буддійской письменности. О поведеніи его никто, даже изъ обличителей ламства, ничего не говорилъ предосудительнаго. Молчаливый, сдержанный, вдумчивый—онъ, по своему, соотвѣтствовалъ мѣстному идеалу непорочности и мудрости.

Такому живому кумиру народа нѣтъ надобности прибѣгать къ гнусному вымогательству и обману,—ибо онъ и такъ могуществемъ вліяніемъ, да къ тому же любостяжаніе только унизило бы его и являлось крайне нецѣлесообразнымъ. По правдѣ сказать, на чтó важному ламѣ деньги? Инородческій бытъ требуетъ незначительныхъ расходовъ; для религіи всѣми отдается наидрагоцѣннѣйшее. У путнаго ламы, — если и есть нужда въ чемъ-нибудь существенномъ,—движимость исключительно уходитъ на пріобрѣтеніе рѣдкихъ и не дешевыхъ книгъ, тибетскихъ достопримѣчательностей, привозныхъ лѣкарствъ для паціентовъ и т. п.

Обстановка хамбы и ширетуевъ (я не говорю уже о простыхъ духовныхъ) весьма проста и небогата. То же я долженъ сказать и о сановныхъ жрецахъ, которыхъ я навѣщалъ въ Ургѣ, въ 1886, 1887 и 1897 гг.: напримѣръ, про жилище тамошняго высокочтимаго

хамбы, воспитателя хутухты (*молодого святого перерожденца*, обоготворяемаго сѣверными буддистами). Деревянный домикъ съ двумя-тремя комнатками (или юрта), несложная утварь, алтарь съ литыми и живописными богами, сундукъ со священными книгами, аптечка, подчасъ пышное облаченіе—вотъ и весь незатѣйливый обиходъ,—а вѣдь подобныхъ счастливцевъ, трудами купившихъ себѣ такое положеніе, врядъ-ли найдется много! Штатные ламы, которыхъ я видѣлъ, путешествуя по Забайкалью, вездѣ при моемъ пріѣздѣ одѣвались парадно, чтобы поторжественнѣе встрѣтить гостя, но и между ними я видѣлъ иныхъ въ поразительно худомъ и потертомъ платьѣ. Миссіонеръ Гюкъ безпристрастно свидѣтельствуетъ, что разбогатѣвшихъ ламъ почти не бываетъ, что духовные, по характеру, расточительны и, за неимѣніемъ наличныхъ денегъ, готовы за безцѣнокъ закладывать вещи китайцамъ.

Я вовсе не отрицаю, что среди ламъ есть немало хищниковъ, которые, въ силу своего умственнаго превосходства, наживаются отъ суевѣрія ближнихъ — напротивъ, это явленіе довольно естественно и понятно, — особенно въ виду присущаго инородцамъ стремленія жертвовать, по мѣрѣ силъ, на благолѣпіе родной святыни и на охраняющихъ ее жрецовъ. Мнѣ желательно только указать, насколько преувеличиваютъ степень существующаго зла и почему оно не можетъ быть такъ страшно гибельно, какъ увѣряютъ. Сонмы духовныхъ (*по имени, а не образу жизни*) растворены въ морѣ родного народонаселенія, чужды и глубокаго знанія вѣры, и выполненія монашескихъ предписаній, совершенно тождественны съ окружающею средой и, при всемъ желаніи, неспособны раззорять ее своими шарлатанскими продѣлками. Въ сравненіи съ учеными и нравственно устойчивыми ламами „*ламишки*“ (какъ инородцы сами полунасмѣшливо-полупрезрительно называютъ недоразвившихся и безобидно-жалкихъ духовныхъ) не имѣютъ никакого серьезнаго значенія, а потому думать, что они въ конецъ раззоряютъ единовѣрцевъ, лишено основанія. Это—просто люди, въ младенческомъ возрастѣ пожертвованные Буддѣ, и по бѣдности, или глупости, или лѣности невыдѣлившіеся изъ толпы...

Имъ поневолѣ приходится хозяйничать, работать, изощряться въ какомъ-нибудь ремеслѣ или торговомъ предпріятіи, и т. д. Если тутъ нѣкоторымъ и везетъ больше другихъ, то не оттого же, что они—ламы?

Буддійскіе духовные усердно занимаются выдѣлкой бурхановъ (кумировъ различной величины); ихъ особенно искусно дѣлаютъ изъ папье-машэ и изъ глины. Кромѣ того, ламами приготовляются своего рода кіоты для этихъ „боговъ“ и для священныхъ книгъ, отливаются жертвенныя чашечки и лампады, рисуются изображенія религіознаго характера, вытачиваются весьма употребительныя четки, сшиваются амулеты (въ родѣ нашихъ ладонокъ), украшаются домашніе алтари и т. д.

Все это направлено къ удовлетворенію потребностей народа. Именно въ средѣ ламъ всегда найдутся лучшіе столяры, портные, ткачи, красильщики. Юрты (необходимѣйшая вещь для кочевниковъ) мастерятся въ дацанахъ. Бѣдность, въ связи съ нѣкоторымъ умственнымъ развитіемъ, на каждомъ шагу способствуетъ трудолюбію примыкающихъ къ братству Будды. Такъ какъ тщательная переписка фоліантовъ въ 300—400 листовъ, съ содержаніемъ богоугоднаго и таинственнаго свойства, ламаитами почитается за нѣчто крайне душеспасительное, то заказывать ее духовенству каждый домохозяинъ мнитъ своею обязанностью. Рукописи должны быть весьма совершенными по формѣ и потому требуется много терпѣнія, чтобы цѣлый годъ иногда просидѣть надъ копіями съ какого-нибудь одного сочиненія. Достоинство послѣднихъ обусловливается вдобавокъ тѣмъ, какими они чернилами начертаны (красный цвѣтъ въ 108 разъ благодѣтельнѣе темнаго, серебряный въ 108 разъ благодѣтельнѣе краснаго, золотой—серебрянаго радужный — золотого).

Раньше чѣмъ произносить вообще какое бы то ни было сужденіе, а тѣмъ паче приговоръ относительно того, что изъ себя являетъ ламайская культура, прежде всего казалось бы нужно о ней что-нибудь опредѣленное знать и думать. Обыкновенно же (какъ видно по книжнымъ и журнально-газетнымъ отзывамъ) замѣчается прямо обратное и вслѣдствіе того крайне печальное явленіе.

Приношенія кумиреннымъ ламамъ бываютъ двоякаго рода: или отдѣльнымъ лицамъ за такъ-называемыя „требы“ и лѣченіе, или служащему собранію духовныхъ - кирпичнымъ чаемъ и деньгами. Угощеніе приносится въ храмъ учащеюся молодежью, во время перерыва послѣ долгихъ и громкихъ молитвословій. Оно состоитъ изъ упомянутаго напитка, болѣе или менѣе обильнаго примѣсью молока. (смотря по щедрости дающаго), иногда еще изъ масла и

пирожковъ. Ламы подставляютъ свои деревянныя чашки разносящимъ сосуды и, отдыхая, молча пьютъ. По окончаніи трапезы, ширетуй провозглашаетъ имя ревнителя, который, если присутствуетъ, то падаетъ ницъ, и за него читаются молитвы. Деньги вносятся въ дацанскую казну и оттуда распредѣляются поровну. Такъ какъ еще Будда училъ, что чѣмъ чаще и чѣмъ въ бóльшемъ количествѣ духовные собираются, тѣмъ лучше, — то мірянамъ, стремящимся подобнымъ образомъ чтить ламъ, очевидно, приходится тратить довольно много. Взносы эти дѣлаются, правда, добровольно, но, повторяясь усердно, должны бы тяжело ложиться на вѣрующихъ и отрезвлять ихъ при чрезмѣрномъ рвеніи. Однако, это нигдѣ среди ламаитовъ не замѣчается. Буддисты благоговѣютъ и жертвуютъ святынѣ безъ колебанія — до того вся жизнь проникнута религіозными чувствами и такъ ничтожны кажутся окружающія условія. [1]) Умѣренные въ личныхъ потребностяхъ, ламаиты почти расточительны, чуть дѣло коснется сооруженія новыхъ кумирень, ремонта старыхъ, покупки предметовъ культа и т. п. Особенно чутки и щедры въ этомъ отношеніи монгольскія племена... Безмолвіе и угрюмость обитаемыхъ ими степей невольно воздѣйствуютъ на мечтательность народа. По образному выраженію знаменитаго монаха Іакинѳа, онѣ похожи на храмъ задумчивости, воздвигнутый самою природой. На граняхъ Тибета мѣстность гористѣе и еще величественнѣе. Забайкалье также отличается дикою красотой. Фантазія инородцевъ очарована таинственною прелестью края, а раздолье и пустынная тишина тѣсно сближаютъ ихъ помыслы съ мистицизмомъ. Знойно-южный колоритъ индійскихъ сказаній, недосягаемая высь догматической премудрости язычества, ключъ отъ сокровеннѣйшаго во вселенной, будто бы хранящійся ею, однозвучность и скромность повседневнаго быта—все словно сговорилось опутать бурятъ сѣтями ламаизма и преграждать пока успѣхъ христіанской проповѣди.

Помѣшать инородцамъ, чтобъ они давали, радѣя предъ Буддой и объ очищеніи души, никакая власть не можетъ. Напротивъ, стѣсненіе только озлобляетъ ревнителей и обогащаетъ наиболѣе хитрыхъ жрецовъ, хотя бы ради дружественнаго сношенія послѣд-

---

[1]) Сами ламы вообще жертвуютъ на устройство храмовъ и снабженіе ихъ необходимымъ столь же ревностно, какъ и міряне, а кромѣ того, при всякихъ важныхъ обстоятельствахъ, приглашаютъ къ себѣ другихъ жрецовъ для отправленія положенныхъ служеній.

нихъ съ мѣстною полиціей. Вмѣсто ослабленія эксплуатаціи, по временамъ власть сама какъ бы поощряетъ и поддерживаетъ ее ложными мѣропріятіями.

Вопросъ о постепенномъ раззореніи нашихъ восточно-сибирскихъ буддистовъ ламами сводится, по моему, къ очень простому рѣшенію. Какія данныя имѣются утверждать, будто обѣднѣніе инородческихъ вѣдомствъ, преданныхъ буддизму, усиливается, тогда какъ у сосѣдняго русскаго населенія и у шаманствующихъ единоплеменниковъ все обстоитъ благополучнѣе, если сравнить и взвѣсить совокупность внѣшнихъ отличительныхъ признаковъ? Ничто на это не указываетъ. Повсюду и тамъ, и тутъ случаются временныя невзгоды, и снова хозяйства поправляются...

По словамъ восточно-сибирской миссіи, не имѣющей свѣдѣній о положеніи ламайской вѣры въ собственномъ Китаѣ и въ Тибетѣ, наши бурятскіе религіозные центры до того будто бы замѣчательны по внѣшности, что внутри Азіи о такомъ богатствѣ и красотѣ даже не помышляютъ, а издалека приходящіе ламы въ себя не приходятъ отъ удивленія при видѣ бурятскихъ храмовъ. Для возстановленія истины, не могу не заявить, что, во-первыхъ, посѣщенныя мною нѣкоторыя ургинскія кумирни по убранству нисколько не уступаютъ забайкальскимъ, а скорѣе наоборотъ; во-вторыхъ, пекинскіе буддійскіе храмы гораздо роскошнѣе монгольскихъ (боги величественнѣе и лучшей работы, изображеній видимо-невидимо, на полу—*ковры* и т. д. [1]); по отзыву же путешествовавшихъ въ Тибетъ, тамъ еще больше блеска, великолѣпія и драгоцѣнностей. Поэтому считать бурятъ перворазрядными ревнителями и проводниками ламаизма слишкомъ преувеличено. По словамъ такого замѣчательнаго знатока Монголіи и ея быта какъ Д. А. Клеменцъ ни одинъ забайкальскій дацанъ не можетъ сравниться по роскоши даже съ второстепенными постройками въ Эрдени-цзо, а также бѣднѣе любой монгольской кумирни при ставкахъ богатыхъ князей. Да и вообще-то за Байкаломъ лишь 5—6 религіозныхъ центровъ отличаются внушительной внѣшностью и достаткомъ...

---

[1]) Изъ этихъ храмовъ наиболѣе замѣчательны: 1) *Юн-хо-гунъ* (съ 70-футовымъ кумиромъ Будды), 2) *Бай-та-сы* (съ его мощами), 3) *Чжан-дан-сы* (съ его изображеніемъ изъ сандальнаго дерева, считающимся современнымъ самому учителю, 4) *Хуан-сы*, къ сѣверу отъ столицы (съ громаднымъ мраморнымъ памятникомъ въ честь одного сравнительно недавно умершаго буддійскаго іерарха), и т. д.

IV.

Давно пора заняться вопросомъ о внутреннемъ сродствѣ ламства съ народомъ и о томъ, не опасная-ли это была игра со стороны осуждающихъ буддизмъ на восточно-сибирской окраинѣ, когда они хотѣли вернуть ламъ къ мнимо-первобытной чистотѣ аскетической жизни и разобщенію съ міромъ, совершенно не зная тѣхъ условій, въ которыя была поставлена древняя монашеская община ея основателемъ, и что за связь у нея существовала съ окружающею мѣстностью...

Первые люди, увѣровавшіе въ Будду, были два купца, оставшіеся затѣмъ по-прежнему простыми послѣдователями „вѣщаго учителя", непринявшіе никакихъ особыхъ обѣтовъ, только поднесшіе ему пищу и заявившіе: *„ты—наше прибѣжище"*. Вотъ доводъ противъ говорящихъ, будто исключительно членамъ секты отшельниковъ подобаетъ именовать себя буддистами. Достигаютъ нирваны не одни монашествующіе, а также и тѣ сравнительно немногочисленные міряне, которые прониклись всецѣло буддійскими теоріями. Когда-то всѣхъ, признававшихъ спасительную силу послѣднихъ, величали *архатами* („святыми", собственно „имѣющими право на благочестивые дары и благоговѣніе") или *аріями* (достопочтенными). Это не препятствовало столь совершеннымъ существамъ жить семейно. Буддизмъ всегда съ уваженіемъ относился къ свѣтскому труду и терпѣнію. Самъ *Будда училъ*: *„между міряниномъ, коего душа достигла искупленія, и монахомъ, коего душа свободна отъ всякой скверны, нѣтъ никакой разницы"*. Шакья-муни явился въ міръ, чтобы спасать человѣчество, а не отдѣльныхъ лицъ. Аскетамъ говорилось: „живите въ горахъ и лѣсахъ открытыхъ, то-есть *не бѣгите въ полное уединеніе, не забывайте главной задачи—проповѣди"*. Сосредоточивая свое вниманіе главнѣйшимъ образомъ на созидаемомъ имъ братствѣ аскетовъ, Будда понималъ, что оно не можетъ оторваться отъ почвы и должно быть отдано на попеченіе народа,—иначе погибнетъ. Вѣрующіе въ „бога учителя" (*бурханъ-бакши*, какъ инородцы величаютъ Шиге-муни) и въ проповѣдываемыя имъ истины естественно распались на двѣ категоріи — милостынедавателей (по-санскритски—*данапати*, по-монгольски—*углигэинъ-эдзенъ*) и принимающихъ добровольный даръ. Когда Будда, въ сопровожденіи сотенъ учениковъ, обходилъ Индію, толпы наро-

да съ повозками тянулись за шествіемъ: люди состоятельные доставляли все нужное (начиная отъ пищи и кончая одеждами, ночлежными убѣжищами), нуждающіеся же подбирали остатки трапезъ. Оріенталисты для точнѣйшаго различія прямо даже воспользовались терминами „клиръ“ и „міряне“. Первый составляетъ такъ-сказать ядро, вокругъ котораго сгруппированы послѣдніе. Знаменитый миссіонеръ *Спенсъ-Харди*, много лѣтъ изучавшій буддизмъ на Цейлонѣ и оставившій о немъ весьма важныя изслѣдованія, приводитъ сравненія между строемъ римско-католическимъ и буддійскимъ, отожествляетъ ихъ существеннѣйшія черты. Оба, правда, отрѣшились отъ міра, но тѣмъ не менѣе руководятъ толпой и, при совершеніи обрядовъ, вмѣняютъ ихъ въ заслугу тѣмъ, во имя кого они совершаются. По отношенію къ своей личной жизни члены братства Шакья-муни суть монахи, [1]) по отношенію ко всему остальному—священнослужители (clerici regulares).

Предписаніе обходить свѣтскія жилища и собирать подаянія, не пренебрегая ничтожнѣйшими, неизбѣжно вынуждало каждаго духовнаго селиться какъ можно ближе къ мірянамъ. Будучи поставленъ въ матеріальную зависимость отъ нихъ, онъ постепенно стремился увеличивать свое значеніе среди народа и убѣждать его, что спасеніе обусловливается не въ малой мѣрѣ нравственными подвигами и молитвами послѣдовательнѣйшихъ учениковъ Будды. Одни, живя (по опредѣленію Пиѳагора κατὰ φύσιν (*согласно съ природой*), ощущаютъ постоянную потребность въ посредничествѣ живущихъ ὑπὲρ φύσιν (*выше природы*); они же, для искупленія чужихъ грѣховъ и предосудительныхъ поступковъ, читаютъ за нихъ священнѣйшіе тексты изъ книгъ, кормятся на средства кающихся или просто склонныхъ благотворить... Все это вполнѣ соотвѣтствуетъ намѣреніямъ „учителя“ обезпечить удѣлъ своего „драгоцѣннаго“ братства аскетовъ: „вотъ ваше поле“, указывалось на нихъ мірянамъ: „сѣйте на немъ избытки ваши—сѣмя не пропадетъ и въ будущемъ перерожденіи принесетъ вамъ пользу. *Духовный пусть печется о душѣ свѣтскаго ревнителя, а онъ обязанъ заботиться о тѣлѣ монаха*“. Хотя община Будды и предписывала милостынедателямъ извѣстныя правила

---

[1]) Къ сѣверному буддизму это опредѣленіе не вполнѣ примѣнимо, ибо часть ламъ имѣетъ право жениться.

воздержанія и чистоты, но никогда не слѣдила за исполненіемъ предписаній. Обряды не стѣсняли мірянъ, ложась всею тяжестью лишь на жрецовъ, служащихъ въ кумирнѣ. Кто хотѣлъ соблюдать посты, могъ соблюдать, — и наоборотъ: обязательнаго тутъ не было... Люди дурнаго поведенія (если стояли внѣ братства, но помогали ему) не подвергались преслѣдованію со стороны духовныхъ, ибо буддизмъ не знаетъ ничего, похожаго на наше отлученіе отъ Церкви. Въ уставахъ есть лишь нѣчто аналогичное. Когда по винѣ простого буддиста священнослужители потерпятъ въ чемъ-нибудь ущербъ, или оскорблены будутъ маловѣрующимъ, или онъ доведетъ ихъ до ссоры, или же, наконецъ, вздумаетъ кощунствовать надъ родною святыней,—община налагаетъ на такого страшнаго грѣшника величайшую кару: не принимаетъ отъ него подаянія, и, въ свою очередь, не платитъ ему за него назиданіями и моленьями. Тибетцы и монголы до сихъ поръ на колѣняхъ заклинаютъ ламъ не отказываться отъ приносимаго имъ въ даръ! По словамъ наблюдавшихъ за бытомъ бурятъ и калмыковъ, они отлично понимаютъ смыслъ такого обычая. Никто изъ нихъ не заботится о томъ, доставитъ-ли лама приношеніе въ дацанъ или утаитъ. Это—дѣло совѣсти.

Шакья-муни совмѣщалъ созерцаніе въ тиши и уединеніи съ ревностнымъ проповѣдничествомъ. Когда имя „учителя" давно уже причислено было къ разряду первыхъ именъ Индіи, когда онъ стоялъ на высотѣ почета и предъ нимъ склонялись цари, Будда продолжалъ ходить отъ дома къ дому по улицамъ городовъ и деревень съ чашей въ рукѣ, съ опущеннымъ взоромъ и въ молчаливомъ ожиданіи, когда ему подадутъ пищу. Выпрашивать ее безусловно воспрещалось. Жилищъ угнетеннаго бѣдностью люда также не дозволено было посѣщать, чтобы не подвергать его искушенію дарить послѣднія крохи. Когда въ чашу опускается приношеніе, монахъ долженъ произнести благопожеланіе: если ничего не дадутъ, онъ не имѣетъ права настаивать. Взаимоотношенія между ламами и вѣрующими въ „бога-учителя" вездѣ неразрывно тѣсныя и совершенно непринужденныя.

Ламаизмъ признаетъ существованіе отдѣльныхъ отшельниковъ и замкнувшихся въ своей оградѣ маленькихъ монастырей, но и тѣ не оторваны до такой степени отъ единовѣрцевъ, какъ это желательно съ точки зрѣнія много о томъ писавшей восточно-сибирской миссіи. Болѣе строгіе и экзальтированные аскеты мон-

голо-бурятами называются *діанчи* (отъ санскритскаго *dhyâna*— глубокое размышленіе), или искаженнѣе *даянчи, даянджи*. Капуцины, жившіе въ прошломъ вѣкѣ среди тибетцевъ, подъискали имъ своеобразное опредѣленіе: *ascetae contemplatores*. Иные группируются въ небольшія общины, съ верховнымъ ламой-правителемъ, и сообща молятся о благоденствіи всего живущаго. Таковъ, напримѣръ, *хитъ* (слово, соотвѣтствующее нашему „скитъ“) въ 7 верстахъ къ сѣверу отъ Урги, гдѣ, удаляясь отъ всякаго треволненія, живетъ 25 монаховъ. Четыре раза въ годъ они пускаютъ къ себѣ народъ и открыто совершаютъ служеніе. Миссіонеръ *Гюкъ* разсказываетъ, что среди горько-соленой водной пустыни Хуху-нора (громаднаго „Синяго озера“ между собственнымъ Тибетомъ и Гоби) есть островокъ, на которомъ сооружена кумирня и вокругъ нея домики, вмѣщающіе человѣкъ двадцать діанчи. Лодокъ нѣтъ, такъ что только зимой по льду, при сильнѣйшихъ морозахъ, туда пробираются богомольцы... Но это—исключеніе изъ общаго правила. Большинство ламъ смѣшано съ населеніемъ. Строго обособившіяся братства немногочисленны. Даже отдѣльные отшельники и тѣ стараются селиться недалеко отъ жилища міряиъ, поучаютъ посѣщающихъ ихъ уединеніе свѣтскихъ ревнителей или къ нимъ по временамъ сами приходятъ... Обитаютъ діанчи въ кельяхъ на горахъ и внутри оныхъ. У Лхасы надъ однимъ изъ знаменитѣйшихъ ламайскихъ монастырей Сэромъ, на недосягаемой почти крутизнѣ, живутъ „святѣйшіе“ созерцатели. Католическіе миссіонеры, среди ламаитовъ, и нашъ преосвященный Нилъ Иркутскій свидѣтельствуютъ, что буддійскіе аскеты способны на великіе подвиги воли и духа, но отнюдь не подвергаютъ себя изувѣрнымъ самоистязаніямъ факировъ. Задача ламъ-отшельниковъ состоитъ въ томъ, дабы погружаться все глубже и глубже въ тайну слiянія съ невидимымъ высшимъ міромъ, на яву испытывать, будто вокругъ оживаетъ безграничное царство блаженства, звучатъ райскіе звуки, блещутъ неземныя краски, и т. д. Словомъ, душевное состояніе созерцающаго, по нашему, должно разсматриваться какъ патологическое. Зрѣніе и слухъ тутъ просто галлюцинируютъ. Поднявшіеся на подобную высоту монахи считаются побѣдившими въ себѣ зло, начинаютъ походить на Будду, пріобрѣтаютъ, по мнѣнію единовѣрцевъ, способность творить чудеса, что еще усиливаетъ ихъ значеніе въ глазахъ народа.

Въ сравнительно недавнихъ „Извѣстіяхъ Императорскаго географическаго общества“ Потанинъ упоминаетъ о выдержкѣ ламъ-созерцателей, питающихся только толокномъ, довольствующихся кускомъ бумажной матеріи для прикрытія наготы и неуклонно спасающихся. Пржевальскій и его спутники при охотахъ встрѣчали въ пустынѣ буддійскихъ аскетовъ. Гюкъ передаетъ о лично ему извѣстныхъ случаяхъ слѣдующее: „иные отшельники замуровываются почти въ скалахъ, не показываются никому въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ, изъ келій своихъ спускаютъ лишь, по необходимости, мѣшки на длиннѣйшихъ веревкахъ, чтобы прохожіе и сосѣди накладывали туда что-нибудь съѣстное, но за то, когда срокъ кратковременнаго или продолжительнаго искуса кончится, діанчи соприкасается съ другими смертными, въ качествѣ преображеннаго человѣка сверхъестественнаго порядка, въ качествѣ всепостигающаго, всевѣдущаго прорицателя: безкорыстіе такого ламы доходитъ до того, что онъ положительно каждое получаемое приношеніе отдаетъ неимущимъ“. Преосвященный Нилъ Иркутскій также отзывается о стремленіяхъ діанчи съ безпристрастною похвалой: „они спятъ на голой землѣ, камень имѣютъ изголовьемъ, усердно постятся, вообще воздержны, *стараются злѣйшихъ враговъ считать друзьями*, не прерываютъ начатыхъ молитвословій, какая бы опасность ни грозила... Съ однимъ знакомымъ епископу забайкальскимъ ламой-аскетомъ (впослѣдствіе священникомъ Даржеевымъ) произошла однажды такая вещь: онъ сидѣлъ, поджавъ ноги, въ созерцающей позѣ „бога-учителя“, вдругъ змѣя появилась вблизи, поползла на него. Онъ смутился, но взялъ верхъ надъ собой. Гадина коснулась его колѣна и руки, словно изумилась, ощутивъ теплоту неподвижнаго тѣла, подняла голову съ раскрытою пастью, посмотрѣла на близкую жертву и ушла!“ Если у нашихъ ламаитовъ толпа выдѣлитъ побольше подобныхъ энергично-убѣжденныхъ дѣятелей, [1]) успѣхъ православія неминуемо встрѣтитъ новыя препоны.

Внутреннее сродство между ламами и народонаселеніемъ гораздо глубже и прочнѣе, чѣмъ это хотятъ представить. Прежде

[1]) Еще въ прошломъ столѣтіи академикъ Палласъ замѣчалъ, что «даянджи» нашихъ кочевниковъ стараются принимать посвященіе за границей (даже у Далай-ламы).

всего надо сказать, что они, по своему, положительно являются требоисполнителями и обойтись безъ нихъ не можетъ ни одна инородческая семья. Религіозный элементъ вообще царитъ надъ монголо-бурятскою жизнью. Кто въ необходимыхъ обрядахъ видитъ лукавое нововведеніе ламъ, будто бы подделывающихся подъ христіанскія понятія, съ цѣлью обманывать начальство, вѣроятно, не знаетъ, какъ близки другъ другу по духу и строю буддійское міровоззрѣніе за Байкаломъ съ тибетскимъ и даже древне-индійскимъ. Случайнаго и безпочвеннаго тутъ нѣтъ ничего. Наоборотъ, все дышетъ стариной, переноситъ воображеніе къ временамъ самого „бога-учителя". Преосвященный Нилъ Иркутскій въ своей книгѣ о сибирскомъ ламаизмѣ свидѣтельствуетъ о томъ, что обряды, нужные инородцамъ въ ихъ повседневномъ быту, могутъ быть совершаемы *всегда и вездѣ, только не въ капищахъ*. Начну хоть съ появленія ребенка на свѣтъ.

Предъ родами, около готовящейся стать матерью кладутся священное изображеніе и зажженная предъ нимъ лампада. Душа, скитающаяся отъ перерожденія къ перерожденію, вновь, за содѣянные ею раньше грѣхи, должна вступить въ міръ. Ламаитамъ этотъ страшный и роковой мигъ кажется и великимъ, и торжественнымъ. Любовно вспоминая чтимое ими преданіе о появленіи на свѣтъ Шакья-муни, инородцы окружаютъ родильницу пожеланіями такъ же легко, безболѣзненно и благополучно разрѣшиться отъ бремени, какъ родила „непорочно зачатаго" Будду добродѣтельная „дѣвственница" Майя. На порогѣ земной жизни человѣкъ уже бываетъ окруженъ различными злыми силами, толкающими его къ постепенной погибели, то-есть дальнѣйшимъ возрожденіямъ въ существахъ низшаго порядка. Для очищенія и ободренія души, снова вступающей въ міръ, надо прибѣгнуть къ издревле принятому обряду, напоминающему крещеніе. (Сибирскіе миссіонеры ошибочно пишутъ, будто лукавые языческіе жрецы только недавно придумали заимствовать его у христіанъ). Новорожденнаго Будду свѣтлый геній (*тенгрій*) Хормузда омылъ небесною влагой. Ламаиты, поручая это своимъ священнослужителямъ, рады, когда обрядъ совершается важными ламами. Въ теченіе перваго мѣсяца послѣ родовъ (по возможности въ счастливый день) призывается требоисполнитель, который, въ присутствіи только родственниковъ (чужихъ, а тѣмъ болѣе иновѣрцевъ, не желаютъ при этомъ видѣть въ юртѣ), прочитавъ

установленныя молитвы о долголѣтіи и заклинаніи, *трижды* омываетъ ротикъ, правую руку, лицо и голову младенца изъ сосуда, наполненнаго освященною водой-молокомъ (у калмыковъ водой, разбавляемою солью) и затѣмъ, по своему собственному желанію, нарекаетъ имя. Минута рожденія семьей до мельчайшихъ подробностей точно запоминается, ибо вся будущность ребенка находится астрологически въ зависимости отъ года, мѣсяца, дня и часа вступленія въ жизнь, служитъ къ дальнѣйшимъ опредѣленіямъ, чего ожидать и искать, чего избѣгать и бояться, съ кѣмъ можно связать себя брачными узами и т. д. Прежде при дацанахъ велись метрическія книги, гдѣ записывалось, когда именно кто родился, какъ его назвали, имя ламы, совершавшаго обрядъ, и даже тѣхъ, кто при этомъ присутствовалъ.

Каждый мѣсяцъ въ теченіе перваго года со дня омовенія младенца, — омовенія, имѣющаго для ламаитовъ, помимо его физической пользы, и значеніе религіозно-врачующее—родители стараются зазвать къ себѣ ламу для чтенія надъ новорожденнымъ. Чуть только дѣти начинаютъ ходить, снова нужны благословеніе ламы и произнесеніе особыхъ молитвъ, съ обрѣзаніемъ нѣсколькихъ волосъ. На шею маленькимъ вѣрующимъ надѣвается талисманъ (мѣшечекъ съ различными священными формулами, по-санскритски или тибетски, и соотвѣтствующими изображеніями) [1]. Его въ просторѣчіи называютъ „хранителемъ“ (*сахъюсу*, сокращенное изъ *сахигулсунъ*, отъ монгольскаго *сахиху*, сопутствовать). Ламаизмъ знаетъ немало такихъ талисмановъ, а поэтому всякій религіозный инородецъ, желая оградить себя противъ всевозможнѣйшихъ напастей, заводитъ у себя цѣлую коллекцію подобныхъ предметовъ и (такъ какъ со временемъ они теряютъ силу) подвергаютъ ихъ вторичному освященію.

Перехожу къ свадебнымъ обрядамъ. Ламы строго слѣдятъ, чтобы астрологическія примѣты, касающіяся каждаго человѣка, подходили и не были враждебны таковымъ же у лица, съ которымъ онъ желаетъ основать новую семью.

Иногда неблагопріятность условій считается возможнымъ устранить при помощи ламскихъ служеній. Послѣднія (такъ-называемые

---

[1]) Богатые носятъ небольшіе золотые и серебряные складни, въ которые вставляется священное изображеніе.

гурумы) должны предотвращать безплодіе, смертность дѣтей, рожденіе однѣхъ только дѣвочекъ, главенство жены надъ мужемъ, болѣзни, бѣдность, падежъ скота, и т. п. Во всякомъ случаѣ согласіе и молитвенное напутствованіе жреца необходимы для закрѣпленія браковъ. И женихъ, и невѣста сначала поочередно приглашаютъ ламу или ламъ почитать по книгамъ и помолиться предъ домашнимъ алтаремъ съ кумирами. Присутствующіе кладутъ при этомъ земные поклоны.

Русскія власти уже давно (не позже 1812 г.) возбуждали вопросъ о регулированіи инородческихъ браковъ, согласно буддійскимъ постановленіямъ. Поэтому дацаны привыкли считать себя правоуряженными надзирать за этимъ. Разводъ можетъ совершаться и чаще всего совершается безъ всякаго посторонняго вмѣшательства, исключительно по обоюдному согласію мужа и жены. Во всѣхъ спорныхъ случаяхъ, касавшихся инородческихъ семейныхъ обычаевъ, начальство въ прошломъ столѣтіи упорно обращалось за разъясненіями къ ламамъ.

„Калымъ“ не имѣетъ никакой связи съ вѣроисповѣданіемъ. „Сговорные дары“ почитаются не цѣной невѣсты, а залогомъ договора, и соразмѣряются съ количествомъ приданаго. Женихъ, выплачивая калымъ, доказываетъ, что обладаетъ достаточными средствами, дабы обзавестись отдѣльнымъ хозяйствомъ. Бурятки изъ-за этого вовсе не становятся рабынями, пользуются значительною долей самостоятельности. По словамъ восточно-сибирской миссіи и новокрещенные берутъ дары за дочерей...

Предсмертный часъ въ свою очередь требуетъ присутствія ламы, который бы далъ послѣднія наставленія, какъ избѣгнуть злыхъ перерожденій. Надъ умирающими читается своего рода „отходная“. Когда человѣкъ испуститъ послѣдній вздохъ, по внѣшнему виду покойника опредѣляютъ, можетъ-ли онъ разсчитывать на благополучное перевоплощеніе, зажигаютъ курительныя свѣчи на домашнемъ алтарѣ и начинаютъ молитвословія. Ламъ приглашается нѣсколько, смотря по средствамъ усопшаго.

Кончина представляется инородцамъ вдвойнѣ ужасною: во-первыхъ, отъ невѣдѣнія, куда душѣ суждено направиться, а во-вторыхъ, отъ увѣренности въ томъ, что мертвецы иногда, ставъ заодно со злыми духами, зловредно вліяютъ на живыхъ. Замолить хоть отчасти чужія прегрѣшенія и оградить себя — вотъ цѣль остаю-

щихся вблизи трупа. Существуетъ четыре коренныхъ способа погребенія, зависящіе отъ того, при какихъ условіяхъ родился человѣкъ съ астрологической точки зрѣнія.

1) Сжиганіе (это—удѣлъ святѣйшихъ, ибо дымъ отъ такого костра не осквернитъ неба; пепелъ и кости ихъ сохраняются, какъ объекты культа).

2) Бросаніе въ воду (иногда просто въ яму, которую сверху поливаютъ).

3) Преданіе землѣ (рѣдко).

4) Увозъ въ степь на возвышенныя мѣста, съ цѣлью оставить хищнымъ птицамъ и звѣрямъ на съѣденье (это считается актомъ милосердія по отношенію къ животнымъ).

Послѣдній обычай наиболѣе распространенъ, и происхожденіе его теряется въ дали вѣковъ. Раньше, чѣмъ разстаться съ покойникомъ, инородцы присутствуютъ при ламскомъ „отпѣваніи". Послѣ этого отъ покойника совершенно отрѣшаются. Только шесты съ развѣвающимися на нихъ, вродѣ знаменъ, начертанными на тканяхъ священными формулами указываютъ, гдѣ оставленъ трупъ. Даже кочевье стараются перемѣстить и только о душѣ продолжаютъ заботиться, дѣлая вклады въ дацаны, заказывая заупокойныя служенія. Усопшіе въ буддійскихъ писаніяхъ названы „сущими черезъ дары".

Для отвращенія различныхъ напастей, для ворожбы (въ случаѣ какихъ-либо пропажъ), для приданія религіознаго характера обычнымъ народнымъ празднествамъ и т. д., ламы также необходимы населенію. Чего только ни коснись въ жизни инородцевъ-буддистовъ, все оказывается органически связаннымъ съ ихъ вѣрой.

V.

Говоря о ламаизмѣ и его вліяніи, нельзя хоть вскользь не коснуться миссіонерскаго вопроса. Сибирь за послѣднее время все болѣе и болѣе приковывала общее вниманіе. О ней серьезно заговорили, на нее возлагаются основательныя надежды: мы хотимъ наконецъ сознательно воспользоваться плодами стихійнаго движенія

казачьей вольницы въ глубь Азіи и стать звеномъ, соединяющимъ очаги христіанской культуры съ коснѣющими въ тьмѣ языческими центрами. Но для того, чтобы эта связь была лучезарной, для того, чтобы это воздѣйствіе на Востокъ являлось разумно-упорнымъ, намъ нельзя закрывать глаза на свои немощи и недостатки, надо откровенно и своевременно указывать на нихъ, необходимо строго разграничивать сферу нашего возрождающаго инородцевъ вліянія и сферу хаотически-дикаго произвола, отъ котораго терпитъ туземное населеніе завоеваннаго неогляднаго края. Если смотрѣть на вопросъ только съ пессимистической точки зрѣнія, немало мрачныхъ картинъ возстанетъ изъ сравнительно весьма близкаго прошлаго; но такое отношеніе къ вещамъ совершенно безплодно и вредно: намъ нужны примѣры и факты, возвышающіе умъ надъ злобой дня. По нимъ можно учиться, ими вдохновляться, ихъ считать мѣриломъ того, на что̀ способна русская цивилизація на далекой окраинѣ. Посѣянное тамъ лучшими нашими дѣятелями и по смерти послѣднихъ не пропадаетъ, поддерживаетъ обаяніе русскаго имени, въ годины заблужденія напоминаетъ о прежнихъ незабвенныхъ дняхъ. Особенно въ этомъ отношеніи важны и достойны безпристрастной оцѣнки наши успѣхи въ дѣлѣ распространенія и насажденія православія.

Скончавшійся въ 1879 г. московскій святитель Иннокентій всею своею жизнью представляетъ такое знаменательное для нашего времени явленіе, что не призадуматься надъ свѣтлымъ ликомъ великаго сибирскаго проповѣдника, не отмѣтить его глубоко христіанскихъ взглядовъ на призваніе каждаго миссіонера, наряду съ жестокосердыми отзывами другихъ лицъ, избравшихъ подобную же дѣятельность,—значило бы закрывать глаза на все, чѣмъ наша Церковь богата,—и Россія можетъ справедливо гордиться.

Прошедши всѣ ступени миссіонерскаго служенія и подвига, незабвенный Иннокентій ѣдетъ въ Петербургъ и Москву, повсюду обаятельно вліяетъ на лицъ, власть имѣющихъ, и возвращается на мѣсто служенія въ санѣ архіерея: стоя во главѣ обширнѣйшей епархіи, все знаменательнѣе и властнѣе проявляетъ онъ затѣмъ свои апостольскіе взгляды на призваніе русскихъ миссіонеровъ. Чѣмъ глубже вчитываешься въ высказываемое имъ, тѣмъ убѣжденнѣе смотришь на великое дѣло проповѣди среди иновѣрцевъ. Но только для этого надо прямо смотрѣть на вещи и называть ихъ соотвѣтствующимъ образомъ, надо снять съ себя

маску ханжества и фарисейства, надо искренно сознаваться въ собственной немощи и смиренно ждать помощи свыше.

Проницательный государственный умъ Иннокентія ясно видѣлъ, что пока намъ еще нечего особенно гордиться успѣхами двигавшейся въ глушь цивилизаціи. Довольно безличная и безцвѣтная сама по себѣ, она не могла круто и радикально пошатнуть инородческаго жизненнаго строя, пересоздать его вѣками сложившееся міросозерцаніе, подчинить его благому вліянію свѣтлыхъ христіанскихъ началъ. Таковыхъ мы почти не принесли съ собою, будучи руководимы, при наступательномъ движеніи въ Сибири и дальше, лишь одними своекорыстными побужденіями. По дорогѣ туземцевъ или просто истребляли, или ослабляли водкой и заразительными болѣзнями. До сихъ поръ отрицательный характеръ взаимоотношеній между русскимъ и инородческимъ населеніемъ невольно приковываетъ вниманіе безпристрастныхъ наблюдателей. Когда въ 80-ые года на Оби къ пустынно-угрюмому берегу подходилъ пароходъ за дровами, и голодные, оборванные остяки выплывали ему на встрѣчу для продажи рыбы, — они радовались тому, что пришелъ „большой кабакъ", что у нихъ за безцѣнокъ скупятъ товаръ, а они тутъ же пропьютъ вырученныя деньги и останутся затѣмъ подъ холоднымъ, роднымъ небомъ еще болѣе озвѣрѣвшими и бѣдствующими. Число же, напр., алеутовъ, послѣ прибытія русскихъ, уменьшилось чуть-ли не въ 8—10 разъ. „Нѣтъ причины", говоритъ Иннокентій: „скрывать, что дѣлали первые наши промышленники. Прошедшаго не воротишь и не поправить".

Еслибы у насъ на окраинѣ почаще проявлялась дѣятельность такихъ же разностороннихъ по дарованію и выдающихся лицъ, какъ высокопреосвященный Иннокентій,—тамъ все бы жило въ совершенно иномъ свѣтѣ, положеніе не представлялось бы однообразно-печальнымъ, инородцы тяготѣли бы и къ православію, и къ безболѣзненному постепенному обрусѣнію. Но, увы! владыка самъ отзывался, по совѣсти, очень дурно о русскихъ элементахъ въ отдаленныхъ областяхъ Востока. Чиновники—преимущественно народъ заѣзжій, которому дома уже нечего было терять, а на чужбинѣ подавно: грабительство часто производится откровеннѣйшимъ образомъ. Коренное населеніе нетуземной крови (особенно казаки) — почти всѣ люди грубо порочные и чуждающіеся религіи. Въ Охотской церкви насчитывались даже между служащими люди православнаго происхожденія, отъ пяти до

тринадцати лѣтъ сряду не бывавшіе у исповѣди. Немудрено, что подобное отребье вредно вліяло на безвинно притѣсняемыхъ инородцевъ, которые, въ сущности, нравственно стояли гораздо выше, и отталкивало ихъ отъ сліянія съ чужою національностью. Только проповѣдники слова Божія могли смягчать этотъ разладъ и животворить сердца туземцевъ, но и на апостольскую дѣятельность не приходилось возлагать основательныхъ надеждъ.

Миссіонерство въ Сибири почти никогда не бывало въ удовлетворительномъ состояніи, хотя еще цари московскіе радѣли о томъ, чтобы на окраины, въ новоприсоединенную глушь посылались проповѣдники „добрые и учительные“ съ наставленіемъ „приводить инородцевъ къ св. крещенію безъ тщеславія и гордости, безъ оскорбленія, съ опасеніемъ, какъ-бы иными словами не отдалить строптивыхъ отъ вступленія въ лоно церкви“. Но мудрые гуманные взгляды высшаго правительства не всегда толково и добросовѣстно осуществлялись. По этому поводу о положительномъ вредѣ лжемиссіонерской дѣятельности особенно чистосердечно и безбоязненно высказался одинъ изъ даровитѣйшихъ администраторовъ Екатерининскаго времени—сибирскій губернаторъ Денисъ Чичеринъ. Вотъ что доносилъ онъ въ 1767 г.: „проповѣдники ѣздятъ на囚 коштѣ и подводахъ иновѣрцевъ; къ живущимъ близъ города большими деревнями они не заворачиваютъ и тамъ никого не обращаютъ, но стараются пробраться въ отдаленныя и дикія мѣста, гдѣ говорятъ о Христѣ по-русски дикарямъ, не разумѣющимъ нашего языка, и увѣщеваютъ креститься тѣхъ, у которыхъ больше пожитку видятъ. Обольстя награжденіемъ, напоя пьяными, или напугавши, присоединяютъ къ церкви, и затѣмъ отъѣзжаютъ въ другія мѣста на лошадяхъ и на издержкахъ новокрещеннаго, оставивъ ему написанную на бумагѣ молитву, которую этотъ инородецъ безумно почитаетъ божествомъ, а, что въ ней написано, не знаетъ. Черезъ годъ и позже проповѣдникъ возвращается для свидѣтельства новыхъ христіанъ, и тутъ великія привязки дѣлаются. Въ посты привозятъ съ собою посуду, намазанную молокомъ или масломъ, лошадиныя кости—обвиняютъ въ вѣроотступничествѣ, пугаютъ жестокими наказаніями и чрезъ то грабятъ безчеловѣчно; если же кто не даетъ, тѣхъ берутъ съ собою и на ихъ же подводахъ и коштѣ, забивши въ колодки, везутъ по другимъ жилищамъ. Кто побогаче, къ такимъ въ потаенныхъ мѣстахъ ставятъ болвановъ,

а потомъ сами же и сыскиваютъ. Кромѣ того вынуждаютъ инородцевъ откупаться за то, что хоронили кого-нибудь во время долгаго отсутствія священника, за то, что живутъ, не вѣнчавшись, и дѣтей не возили крестить за 300 в. и далѣе". Столь безотрадное положеніе обратило на себя наконецъ вниманіе въ столицѣ. Повелѣно было для обсужденія вопроса собрать комиссію, гдѣ засѣдали, между прочимъ, новгородскій митрополитъ Дмитрій и псковскій преосвященный Иннокентій. Они подали докладъ: смѣнить сибирскаго митрополита Павла за нерадѣніе, а новому дать отъ Святѣйшаго Сѵнода инструкцію для проповѣди: миссіонеръ имѣетъ три обязанности—учить, увѣщевать, напоминать; повелѣніе, угроза и строгое съ утѣсненіемъ взысканіе есть насиліе совѣсти и злочестіе. Не должно давать воли проповѣдникамъ ѣздить, куда захотятъ. Надо выбирать, для обращенія языческаго населенія, людей благонравныхъ, не корыстолюбивыхъ, трезвыхъ, разумныхъ и кроткихъ. Начинать слѣдуетъ съ ближайшихъ къ городу мѣстъ, дабы мало-по-малу вѣра расширялась. *Проповѣдникъ долженъ имѣть видъ человѣка, не по указу присланнаго, но добровольно пришедшаго,* и обязанъ за все платить инородцамъ, даже за пищу.

Какъ вѣрно тогда понимали, что̀ добраго призвана творить миссія, и какъ плохо все это до послѣдняго времени примѣнялось на дѣлѣ, въ Восточной Сибири, особенно въ Иркутской губерніи и въ Забайкальѣ! Отзывы Чичерина сто лѣтъ тому назадъ принципіально подходятъ къ переживаемой нами дѣйствительности, хотя такъ просто, легко и возможно проводить въ жизнь совершенно правильные взгляды... Примѣръ святителя Иннокентія московскаго служитъ тому яркимъ подтвержденіемъ. Послѣ того, какъ въ Сибири многіе годы въ такомъ именно апостольскомъ духѣ потрудился Иннокентій (преосвященный алеутскій, камчатскій, якутскій и амурскій) и достигъ наилучшихъ результатовъ, нельзя руководствоваться противуположными воззрѣніями на миссіонерскій вопросъ и призывать правительство къ насильственнымъ мѣропріятіямъ.

Около 1840 г. знаменитымъ іерархомъ Америки и Азіи составлено наставленіе для священниковъ, назначаемыхъ обращать иновѣрныхъ и руководствовать обращенныхъ въ христіанскую вѣру. Оно тогда же было утверждено первосвятителями Россійской Православной Церкви митрополитомъ Серафимомъ с.-петербургскимъ и Филаретомъ московскимъ, и Святѣйшимъ

Сvнодомъ, такъ что имѣетъ не только историческое, но и каноническое значенiе.

Еще недавно, въ 1884 году, одинъ духовный журналъ называлъ иннокентiевское наставленiе наилучшимъ руководствомъ миссiонеровъ и высказывалъ, что его слѣдуетъ имѣть въ достаточномъ количествѣ при каждой миссiи для назиданiя проповѣдниковъ. Между тѣмъ, этотъ драгоцѣнный памятникъ, повидимому, предается забвенiю именно тѣми, которые призваны быть проповѣдниками святыхъ и свѣтлыхъ началъ въ языческой средѣ. Поэтому необходимо почаще напоминать, чему училъ славный и многоопытный сибирскiй iерархъ, никогда во всей своей жизни не крестившiй при лукавомъ содѣйствiи земской полицiи и не оглашавшiй христiанскаго мiра громкими сѣтованiями на то, что миссiонерское дѣло плохо подвигается впередъ, исключительно благодаря тому упорству, которое оказываютъ инородцы. Преосвященный Иннокентiй думалъ иначе: „не они виновны, а мы сами“, писалъ онъ въ 1850 г. товарищу министра народнаго просвѣщенiя А. С. Норову...

Въ основу инструкцiи, написанной святителемъ для миссiонеровъ, легли слова указа 1777 г.: „проповѣднику не слѣдуетъ торопливо сподоблять крещенiя обращаемыхъ имъ, а стараться возродить ихъ духовно, безъ чего крещенiе, дикарямъ преподаваемое, едва-ли не можетъ назваться злоупотребленiемъ одного изъ величайшихъ таинствъ христiанской вѣры“. „Блаженъ тотъ“, пишетъ преосвященный Иннокентiй: „кто подвизается въ дѣлѣ просвѣщенiя инородцевъ, перенося труды и скорби, встрѣчаемыя на поприщѣ своего служенiя. Но горе тому, кто призванъ и поставленъ благовѣствовать и не благовѣствуетъ! За это онъ приметъ осужденiе какъ лицемѣрный и лѣнивый рабъ Господень“.

Иные архiереи, отправлявшiеся въ Сибирь, чтобы стать въ главѣ миссiй, мечтали сразу все переустроить въ языческомъ царствѣ. Но, когда дѣйствительность оказывалась неподатливой, они роптали на нее и жаловались. „Имѣй всегда скромное и смиренное расположенiе духа и не обѣщай себѣ самонадѣянно необычайныхъ или вѣрныхъ успѣховъ по твоему дѣлу. Таковыя обѣщанiя происходятъ отъ гордости, а гордымъ не дается благодать“, гласитъ иннокентiевская инструкцiя, основанная на убѣжденiи, что претворять вѣками сложившiяся вѣрованiя инородцевъ нельзя однимъ только голословнымъ призывомъ къ крещенiю,—осо-

бенно, когда члены миссіи относятся къ блуждающимъ во тьмѣ съ высокомѣріемъ и пренебреженіемъ, результатомъ чего являются постепенно, съ обѣихъ сторонъ открыто-враждебныя чувства. „Если проповѣдникъ не будетъ имѣть въ себѣ любви какъ къ своему дѣлу, такъ и къ тѣмъ, кому проповѣдуетъ, то и самое лучшее и красиорѣчивѣйшее изложеніе ученія можетъ остаться безъ всякой пользы, ибо токмо любовь созидаетъ“, прозорливо пишетъ преосвященный Иннокентій, ясно сознававшій, что лишь избыточествующій ею способенъ „имѣть уста и премудрость, которой не возмогутъ противитися сердца слушающихъ и которая вѣрно указуетъ, какъ, гдѣ и что говорить, если хочешь уловить ихъ расположеніе и глубоко посѣять Слово Божіе“. Просвѣтитель алеутовъ даетъ безцѣнный по достоинству совѣтъ миссіонерамъ: „отнюдь не говорите, что вы посланы правительствомъ, и не выдавайте себя за своего рода начальство, но за простыхъ людей, желающихъ ближнимъ истиннаго благополучія и пришедшихъ для того только, чтобы, по возможности, показать къ тому средства. Отнюдь не показывайте явнаго презрѣнія къ образу жизни инородцевъ и ихъ обычаямъ, какъ бы ни казались они того стоющими; ибо ничто не можетъ оскорбить и раздражить столь дикарей какъ явное презрѣніе къ нимъ и насмѣшки надъ ними и всѣмъ, что ихъ. Отсутствіемъ кротости, ласки и простоты язычниковъ легко заставить отшатнуться отъ истинной вѣры навсегда. Величавый учительскій видъ положительно вреденъ. Проповѣдникъ Евангелія не долженъ обижать тѣхъ, кто не хочетъ креститься, и обязанъ обходиться съ ними дружелюбно. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ, что имъ желаютъ блага“. Какъ разъ наперекоръ этому дѣйствовала еще недавно восточно-сибирская миссія. Въ напечатанныхъ ею при Веніаминѣ иркутскомъ „Трудахъ“, за послѣдніе 25 лѣтъ, *bona fide* высказывается, что члены ея глумятся надъ тою „поганью“, которая свята и дорога инородцамъ, не даютъ себѣ ни малѣйшаго труда вникнуть въ кругъ понятій обращаемаго населенія и весь смыслъ его жизненнаго строя, а свысока понуждаютъ его, отъ имени Государя Императора, немедленно отречься отъ религіи предковъ,—отчего, въ концѣ концовъ, въ душѣ гонимыхъ язычниковъ просыпается ненависть къ преслѣдующимъ, невольное отчужденіе отъ русской культуры, желаніе, во что бы то ни стало, крѣпко держаться своей завѣтной старины и не поддаваться разнымъ сомнительно-опаснымъ нововведеніямъ, къ которымъ власти

часто бываютъ склонны, дойдя до иныхъ выводовъ теоретическимъ путемъ и не справляясь обстоятельно съ истинными потребностями безгласнаго туземнаго населенія. Полъ столѣтія тому назадъ митрополитъ Иннокентій писалъ: „выводя дикарей изъ прежняго ихъ состоянія, надобно наблюдать благоразумную осторожность, дабы вмѣсто того, чтобы сдѣлать ихъ счастливѣе, не лишить ихъ и настоящаго счастья. Надобно стараться вывести дикаря изъ его грязной жизни, но, очищая нечистоту съ его тѣла, надобно быть осторожнымъ, чтобы не содрать съ него и природной его кожи и не изуродовать его. Надобно выводить дикарей изъ мрака невѣжества, но осторожно, чтобы не ослѣпить ихъ и, быть можетъ, навсегда, а, искореняя въ нихъ ложныя правила ихъ нравственности, не сдѣлать ихъ совсѣмъ безъ правилъ нравственности“. Въ другомъ сочиненіи великій святитель добавляетъ, говоря о медленности обращенія инородцевъ: „хотя человѣкъ не можетъ быть безъ религіи, но онъ не можетъ быть усерденъ ни къ той религіи, которую онъ совсѣмъ не постигаетъ, ни къ той, которая не выше его понятій. Въ первомъ случаѣ онъ будетъ только бояться ея, а во второмъ—не будетъ имѣть къ ней уваженія, и будетъ совершенно равнодушенъ“.

Многіе сибирскіе инородцы стояли уже на этой послѣдней ступени: поэтому каждый неумѣстный шагъ, конечно, долженъ былъ отталкивать ихъ отъ православія и мѣшать естественному сліянію съ русскою народностью...

Странно бывало развернуть „Труды восточно сибирской миссіи“ и найдти тамъ (напримѣръ, на стран. 15 перваго тома) слова самого преосвященнаго: „проѣзжая по Забайкалью, я различалъ на горахъ *обоны* (кучи кàмней и хвороста), наваленные, чтобы отгонять злыхъ духовъ отъ бурятскихъ улусовъ. И раздражашеся духъ мой и дивился я вѣротерпимости русскагó человѣка, который перстомъ не коснется суевѣрныхъ чтилищъ“. Дальше (на стр. 276) открыто разсказывается, что инородческую святыню самъ начальникъ миссіи предавалъ огню, „ибо она воздвигнута въ честь дьявола“, и т. д. Когда Иннокентій совершалъ свои путешествія, онъ, не желая никого обременять, никогда не бралъ съ собою ни чиновниковъ, ни даже казаковъ. Служители той же великой идеи въ ламайскомъ раіонѣ поступали иначе,—стараясь крестить при помощи рѣзкихъ насильственныхъ внушеній земской

полиціи (см. напримѣръ, вышеупомянутые „Труды“, т. IV, стр. 181—182): „Людямъ, незнакомымъ съ миссіонерскимъ дѣломъ, или понимающимъ его односторонне, такое содѣйствіе представляется соблазнительнымъ. Слабой волѣ инородцевъ нуженъ однако толчекъ, чтобы направить ее къ крещенію“. Иннокентій думалъ и говорилъ, что миссіонеру надо быть ангеломъ-хранителемъ окружающей мѣстности: „отдавать справедливость хорошимъ обычаямъ язычниковъ—дѣло немаловажное для успѣха проповѣдниковъ“. „Посѣщая дикарей, надо давать имъ совѣты и наставленія относительно улучшенія ихъ быта и образа жизни, но безъ всякаго принужденія и оскорбленія, чистосердечно и дружески, и всѣ таковые совѣты и наставленія должны быть сообразны съ мѣстностью и простотою ихъ нравовъ“. Это написано, точно въ предвѣдѣніи тѣхъ проектировавшихся еще недавно въ Сибири реформъ, гдѣ кочевыхъ инородцевъ сразу мечтали сдѣлать осѣдлыми. Духовныя власти на этомъ всегда настаивали, разсчитывая на скорое обрусѣніе, но совершенно забывая, какою гибелью такія мѣропріятія могутъ грозить тамъ, гдѣ это неисполнимо по климатическимъ и почвеннымъ условіямъ. „Въ разбирательство мірскихъ дѣлъ не входите!“ увѣщеваетъ Иннокентій проповѣдниковъ (что за послѣднее время составляло одно изъ главнѣйшихъ занятій каждаго празднаго сибирскаго миссіонера): „не ослабляйте ни явными, ни тайными внушеніями никакой власти, постановленной отъ начальства. И самъ Іисусъ Христосъ, живя на землѣ, никакого управленія не оскорблялъ и ничьихъ правъ собственности не касался“. Какъ знаменательно звучали иной разъ эти святыя слова для любого очевидца религіозно соціальной смуты въ инородческой средѣ!

Помнится, въ 80-хъ годахъ Б. М. Юзефовичъ писалъ въ „Русскомъ Вѣстникѣ“ о неудовлетворительныхъ успѣхахъ православія въ восточныхъ губерніяхъ европейской Россіи и свидѣтельствовалъ объ изумительномъ фактѣ: „въ то время какъ у коренного русскаго населенія невѣжество въ области религіи выходитъ тамъ изъ всякихъ предѣловъ вѣроятности, въ черемисской некрещеной деревнѣ, въ языческой школѣ, съ учителемъ-язычникомъ (питомецъ Уфимской языческой школы), въ углу—икона съ зажженной лампадой, на стѣнахъ—картины изъ Свящ. исторіи и, въ дополненіе ко всему, стройный хоръ мальчиковъ, поющихъ Достойно, Отче Нашъ, Царю Небесный и знающихъ Законъ Божій лучше русскихъ мѣстныхъ дѣтей“. Аналогичные факты

встрѣчаются въ Сибири. Ясно, значитъ, что тутъ таится какая-нибудь весьма важная причина, почему инородцамъ не желательно мѣнять вѣру... Въ твореніяхъ святителя Иннокентія есть истолкованіе столь загадочнаго явленія. Некрещенные боятся, обратившись, стать дурными людьми. И то нерѣдко общеніе съ испорченными представителями русскаго населенія замѣтно отражается на нравахъ полудикихъ сосѣдей. Недаромъ, великій сибирскій іерархъ однажды обратился съ проповѣдью къ русскимъ своей епархіи, упрекая ихъ, что туземцы, именно вслѣдствіе сквернаго примѣра, не крестятся.

VI.

Въ данную минуту не можетъ подлежать сомнѣнію, что калькутскія власти вскорѣ завяжутъ тѣсныя сношенія съ большинствомъ за-гималайскихъ правителей, откроютъ себѣ свободный торговый доступъ къ Лхасѣ и далѣе во внутренній Китай, сразу повліяютъ на характеръ всей центрально-азіатской политики. Такъ какъ у насъ по этой части процвѣтаетъ полнѣйшее невѣдѣніе, и въ печати высказываются удивительныя мнѣнія о Тибетѣ вообще, о Далай-ламѣ и т. п., то, вѣроятно, не лишнее будетъ ознакомить русскую читающую публику съ тѣми данными, которыя уже давно стали достояніемъ Запада. Тогда, пожалуй, хоть немного просвѣтлѣетъ нашъ взглядъ на истинное положеніе вещей въ центрахъ ламайскаго Востока и исчезнутъ неосновательныя иллюзіи, будто мы тамъ дѣйствуемъ въ качествѣ піонеровъ цивилизаціи, и впереди намъ улыбаются только новые, легко дающіеся блестящіе результаты... Къ несчастью, это далеко не такъ, и всякому, вникавшему въ историческій процессъ ознакомленія западныхъ путешественниковъ съ Тибетомъ, уровень *нашихъ* знаній и неопредѣленность цѣлей по отношенію къ нему, положительно должны казаться непростительно-жалкими. Если принять во вниманіе, что въ подданствѣ Россіи болѣе двухъ столѣтій считается нѣсколько сотъ тысячъ ламаитовъ, духовно тяготѣющихъ къ милліонамъ единовѣрцевъ въ предѣлахъ китайской имперіи, и провести параллель между тѣмъ, чего достигли европейскія изысканія о Тибетѣ и какъ мы долго его совершенно игнорировали,—сравненіе выйдетъ весьма невыгодное для насъ.

Съ одной стороны видишь обиліе разносторонне-цѣнныхъ фактовъ и выводовъ, съ другой—даже отсутствіе подготовки усвоить и осмыслить готовый матеріалъ, расширить область пространныхъ и вѣскихъ наблюденій.

Въ двадцатыхъ годахъ XIV в. монахъ Одорико де-Порденоне посѣщаетъ „чуждающуюся кровопролитія“ Лхасу. Тамъ еще не было тогда лица съ титуломъ Далай-ламы, но правилъ вліятельный духовный (своего рода папа въ глазахъ склоннаго къ аналогіямъ католика). Затѣмъ цѣлыхъ три столѣтія Тибетъ остается для европейцевъ terra incognita. Въ 1624 г. іезуитъ Антоніо Андрада проникъ туда изъ Индіи, и съ тѣхъ поръ начинается рядъ постоянныхъ соприкосновеній Запада съ замкнутымъ тайнохранилищемъ внутренней Азіи. Отцы того же ордена, австріецъ Груберъ и Дорвиль, прошли изъ Пекина въ Лхасу въ исходѣ 1661 г. Населеніе приняло ихъ *ласково*: братъ существовавшаго уже Далай-ламы (числомъ пятаго) милостиво отнесся къ странникамъ. Одному изъ нихъ удалось начертать портретъ великаго мѣстнаго „святаго“, пользуясь его изображеніемъ, привѣшеннымъ у входа во дворецъ. На обратномъ пути своемъ іезуиты жестоко терпѣли отъ разрѣженнаго воздуха на высотахъ и отъ запаха ядовитыхъ горныхъ растеній. *Около мѣсяца* Груберъ и Дорвиль подвигались впередъ *пѣшкомъ!* Читая о подобныхъ лишеніяхъ въ прежнее время (а настрадаться пришлось многимъ отважнымъ европейцамъ, углублявшимся въ центральную Азію!), теперешніе сравнительно лучше обставленные переходы по этимъ неизвѣстнымъ мѣстностямъ, представляются гораздо менѣе поэтичными и самоотверженными, чѣмъ два и полтора вѣка назадъ. А между тѣмъ, данныя, положенныя въ основу первыми посѣтителями Тибета, едва-ли не важнѣе въ политическомъ и культурномъ смыслѣ, нежели естествовѣдно-охотничьи экскурсіи по пустыннымъ частямъ страны, непріязненное чувство къ туземцамъ и пренебреженіе къ ихъ вѣрѣ, на которой основывается пока вся жизнь края и которой обусловливается успѣхъ или неуспѣхъ нашихъ будущихъ взаимоотношеній съ Лхасой. Нельзя забывать, что первый рисунокъ, дающій понятіе о величественномъ жилищѣ Далай-ламы, исполненъ рукою іезуита Грубера и сохраненъ въ сочиненіи „China illustrata“ тоже нѣмцемъ-іезуитомъ Кирхнеромъ. Съ тѣхъ поръ римско-католическая церковь зорко слѣдила и слѣдитъ за Тибетомъ, вѣритъ въ глубокую без-

сознательную связь между ламайскою и христіанскою обрядностью, ищетъ и жаждетъ прочнаго сближенія съ тамошней іерархіей. Каждый шагъ западныхъ путешественниковъ, по направленію къ Далай-ламскому престолу, обусловливаетъ торжество для Ватикана. Мы же пока бездѣйствуемъ и даже на своихъ буддійскихъ окраинахъ не въ состояніи видоизмѣнить инородческой жизни въ духѣ Новаго Завѣта.

Восемнадцатый вѣкъ богатъ результатами въ вышеуказанномъ отношеніи. Въ Лхасу проникли и годами стали жить въ ней миссіонеры. Раньше прочихъ туда прошли послѣ многихъ дорожныхъ лишеній Ипполито Дезидери и Мануилъ Фрейрэ (іезуиты). Власти дружественно встрѣтили пришельцевъ: увидѣвши, что вещи ихъ состоятъ не изъ дорогихъ товаровъ, а изъ книгъ религіознаго характера, правители пытливо разспрашивали иноземцевъ объ ихъ вѣрѣ и затѣмъ главный властитель выразилъ свое удовольствіе, выразившись, что повергнутое на его разсмотрѣніе въ сущности неизмѣримо цѣннѣе алмазовъ, рубиновъ и жемчуговъ. Первый изъ названныхъ миссіонеровъ провелъ въ столицѣ Далай-ламы *тринадцать лѣтъ* (1716—1729 гг.). Въ римской библіотекѣ De Propaganda Fidei и по нынѣ еще лежатъ его письма оттуда къ папѣ.

Рукописные неизданные матеріалы (нѣсколько сотъ мелко исписанныхъ страницъ), собранные Дезидери (или какъ его правильнѣе называютъ Диздери), куплены въ Италіи замѣчательнымъ англійскимъ обществомъ, которое основалось лѣтъ пятьдесятъ назадъ въ честь географа Хэклюйта. Тщательное изданіе всего этого прольетъ навѣрное самый неожиданный свѣтъ на положеніе Тибета въ прошломъ столѣтіи и дастъ вице-королю Индіи важныя историческія данныя для сужденій о томъ, какъ и чѣмъ расположить къ себѣ за-гималайскихъ буддистовъ.

Уже Диздери занимался переводами съ тибетскаго на латинскій ламскаго священнаго писанія. Капуцинская миссія, прибывшая въ Лхасу приблизительно въ то же время (сначала въ числѣ тринадцати, а потомъ еще девяти добавочныхъ монаховъ) немало потрудилась въ теченіе десятковъ лѣтъ и надъ безуспѣшнымъ дѣломъ проповѣди, и надъ изученіемъ туземнаго языка. Иные монахи умерли, другіе едва не изнемогли вдали отъ родины. Въ 1760 г., по внушенію изъ Пекина, отцы вынуждены были выселиться въ Нэпаль. Въ промежутокъ между ихъ при-

бытіемъ въ Тибетъ и отъѣздомъ, ими постоянно поддерживались сношенія съ Ватиканомъ, а въ *1738 г.* доставлено *письмо Далай-ламѣ отъ папы Климента XII.* Свѣдѣнія миссіи группировались и напечатаны въ шестидесятыхъ годахъ минувшаго вѣка августинцемъ Джіорги въ его объемистомъ и довольно хаотическомъ сочиненіи „Alphabetum Tibetanum“.

Изъ капуциновъ особенно выдѣлился и прославился Гораціо-делла-Пенна. Онъ до конца дней своихъ, разъ только съѣздивъ на родину, остался за Гималаями на стражѣ интересовъ церкви и европейской цивилизаціи. Слѣдить за всѣмъ, творящимся вокругъ и вникать въ строй мѣстной жизни, ему, конечно, приходилось на каждомъ шагу. Въ результатѣ, наблюденія его давно уже сдѣлались достояніемъ Запада, но все еще нами нигдѣ не отмѣчены. Между тѣмъ, въ нихъ—много важнаго. Напримѣръ, въ 1724 г. въ приволжскихъ степяхъ скончался торготскій (калмыцкій) ханъ. Подданнымъ его, кочевникамъ-ламаитамъ, недостаточнымъ казалось, какъ я уже выше говорилъ, получить для новаго владыки царскую санкцію изъ Петербурга. Они снарядили въ 1729 г. пышное посольство изъ знатныхъ людей съ дарами къ Далай-ламѣ, вмѣстѣ со свитой въ триста человѣкъ. Въ отчетѣ Гораціо-делла-Пенна есть упоминаніе о знакомствѣ съ пріѣзжавшими съ Волги торготами и о бесѣдахъ съ ними. Они, по его словамъ, и по-русски разумѣли, и о христіанствѣ имѣли понятіе.

Дополняя вкратцѣ сказанное капуциномъ, невольно представляешь себѣ, что впечатлѣніе, получившееся имъ отъ разговоровъ съ послами, въ общихъ чертахъ мало было въ нашу пользу. Самосознаніе правительства на берегахъ Невы не дошло еще до того, чтобы рѣшить вопросъ о томъ, какъ быть съ инородцами-ламаитами въ политическомъ и религіозномъ отношеніи.

Въ то время у насъ какъ разъ установлялась сибирская граница съ Китаемъ, опредѣлялась связь съ монгольскими племенами, являлась потребность выработать разумный *modus vivendi* со своими новыми весьма полезными подданными. Послѣдніе съ одной стороны охраняли русскія владѣнія на Крайнемъ Востокѣ и отчасти дружили съ единокровными кочевниками за рубежемъ, съ другой—способствовали усиленію нашей державы на безпокойномъ югѣ, выставляя искусное конное войско противъ сражавшихся съ русскими мусульманъ... Съ дипломатической точки зрѣнія необходимо было пользоваться и происхожденіемъ нашихъ ла-

маитовъ, и ихъ духовнымъ тяготѣніемъ къ Лхасѣ Это могло ослабить и неминуемо бы ослабило могущество маньчжурской династіи въ Азіи. Цѣли обрусѣнія и перехода въ православіе требовали внимательнаго изученія условій инородческой жизни, инородческихъ вѣрованій и природныхъ способностей. Въ области духа мыслимо было сближеніе, въ виду терпимости буддистовъ и отсутствія непріязни къ христіанству. Неторопливыя гражданскія мѣропріятія искореняли бы узко національное различіе между русскою и монгольскою народностью. И тогда уже даровитые ея представители въ нашихъ предѣлахъ быстро перенимали много хорошаго, усваивали чужой языкъ, дѣлались отличными ремесленниками, выдвигались умственно: напримѣръ, при походахъ въ предпрошломъ столѣтіи калмыки служили въ непріятельской странѣ переводчиками, такъ какъ раньше всѣхъ въ арміи привыкали говорить по-мѣстному. Безболѣзненное постепенное сліяніе съ православнымъ населеніемъ естественно должно было произойдти впереди. Но этого не вышло. Ламаитовъ приволжскихъ мало-помалу ожесточили противъ Россіи, и въ концѣ концовъ послѣдовало знаменитое бѣгство (или вѣрнѣе сказать „новѣйшее народопереселеніе") сотенъ тысячъ торготовъ въ Китай. Ихъ смутили не одни только мелкія чиновничьи притѣсненія (этимъ нельзя испугать азіатовъ!), а тревожные слухи о томъ, что вскорѣ всѣхъ будутъ насильственно крестить по Высочайшему указу, что прикажутъ вдругъ стать осѣдлыми, что свободныхъ воинственныхъ наѣздниковъ принудятъ къ строевой службѣ. И въ Тибетѣ, и въ Пекинѣ приняли къ свѣдѣнію, чего будто-бы хотѣло наше правительство, хотя это была совершенная неправда. Седьмой Далай-лама (тринадцатилѣтній мальчикъ) послалъ на Волгу благословеніе выступающимъ. Они знали, что пускаются въ длиннѣйшій путь, идутъ на страшныя лишенія и опасности, почти на смерть, и всетаки поднялись. Жалкіе изнуренные остатки (меньше половины бѣжавшихъ) дотащились на р. Или, черезъ враждебныя киргизскія степи. Чувства къ Россіи въ калмыкахъ, конечно, вырабатывались годами. Едва-ли католическій миссіонеръ не слышалъ въ Лхасѣ ничего, что бы свидѣтельствовало о нерасположеніи приволжскихъ ламаитовъ къ своей временной родинѣ и объ его причинахъ. Если же толки о томъ извѣстны были и въ тибетской столицѣ, все это очень много портило намъ въ будущемъ при возможности дипломатическихъ сношеній съ дво-

ромъ Далай-ламы. Европейцы шли надежнѣе по стезѣ ознакомленія съ внутренней Азіей. Авангардъ составляли отцы-проповѣдники, отмѣчавшіе и исторію, и вообще особенности края. Затѣмъ ужъ строили планъ для дальнѣйшихъ связей Запада съ Тибетомъ политическіе дѣятели... Матеріалы для размышленій имѣлись въ достаточномъ количествѣ. Кромѣ Россіи никто не могъ еще тогда мечтать о вліяніи въ Лхасѣ. Китай съ величайшею осторожностью и напряженіемъ добивался, чтобы тамъ признали его первенствующее значеніе. Монгольскія племена поодаль отъ ядра имперіи не любили богдыхановъ, стремились къ независимости, держали самого Далай-ламу въ нѣкотораго рода осадномъ положеніи. Въ 1717 г. калмыки даже заняли тибетскую столицу. Будь наша внѣшняя политика дальновиднѣе на Востокѣ, мы, при помощи сотенъ тысячъ подданныхъ-ламаитовъ, зная, въ какомъ хаотическомъ состояніи находится глубь Азіи, безъ труда могли склонить на свою сторону кочевниковъ, которые ненавидѣли китайцевъ и, опираясь на нихъ, съ авторитетомъ заявить о себѣ въ Лхасѣ. Тутъ рѣчь бы шла не о присоединеніи новыхъ обширныхъ земель, а исключительно о посылкѣ туда наблюдательныхъ людей и пріобрѣтеніи хоть какого-нибудь оффиціальнаго вліянія при дворѣ Далай-ламы. Пекинскія власти тогда же направили войско для отнятія тибетской столицы у калмыковъ, утвердили въ ней квази-преданнаго свѣтскаго правителя, но, по отзыву делла-Пенна, онъ благоволилъ къ миссіонерамъ, не чуждался христіанства, т. е. иными словами, быть можетъ, понималъ, что рано или поздно не избѣжать Тибету общенія съ Западомъ. Если вѣрить капуцину, результатъ католическаго воздѣйствія на ламъ и народъ выразился въ слѣдующемъ: отцы-монахи съ отвращеніемъ взирали на волшебство, въ которомъ таилась власть иныхъ буддійскихъ духовныхъ, прибѣгавшихъ къ чарамъ при всякомъ удобномъ случаѣ. Благодаря миссіонерской проповѣди, это „сатанинское“ дѣло начало будто-бы слабѣть и тускнѣть. Упадокъ язычества въ самой рѣзкой его формѣ, безъ сомнѣнія, продолжался весьма недолго, и теперь оно по-прежнему очаровываетъ Тибетъ.

Уже въ первой четверти предпрошлаго столѣтія іезуиты составляли подробную карту Небесной имперіи. Богдыханъ пожелалъ включить въ обозрѣніе страну, взлелѣявшую ламаизмъ; съ этой цѣлью, при пекинскихъ ученыхъ-духовныхъ съ Запада, двое ламъ обу-

чились искуству воспроизводить разстоянія на бумагѣ и очертили Тибетъ. Въ 1735 г. вышло географическое сочиненіе о китайскомъ государствѣ съ приложеніемъ 42 картъ, сдѣланныхъ Данвилемъ. До сихъ поръ этотъ цѣнный трудъ не устарѣлъ, особенно по отношенію къ Тибету. Сто шестьдесятъ лѣтъ назадъ нигдѣ еще съ большею точностью не были исполнены нужныя измѣренія.

Въ то же время въ Лхасу проникъ, поселился тамъ, сблизился съ ламами, вникнулъ въ туземный языкъ и пріобрѣлъ уваженіе, какъ святой человѣкъ, Самуилъ-Ванъ-де-Путте, сынъ одного голландскаго адмирала. Къ несчастью, по дорогѣ домой, онъ умеръ въ 1745 г., завѣщавши сжечь свои любопытныя записки, такъ какъ онѣ казались ему непонятно изложенными, а онъ не хотѣлъ вводить ими въ заблужденіе ученый міръ. Уцѣлѣла только и хранится въ Миддельбургѣ нарисованная Ванъ-де-Путте карта части Тибета. На примѣрѣ этого голландца и миссіонеровъ европейцамъ предстояло убѣдиться, что путь въ тибетскую столицу откроется всякому, кто съумѣетъ снискать расположеніе мѣстныхъ жителей. Прежде, конечно, легче было побѣждать нравственныя преграды доступу къ Лхасу, нынѣ же, правда, труднѣе, но за то гораздо заманчивѣе и важнѣе, въ виду накопившихся о ней данныхъ и въ виду броженія, которое все замѣтнѣе охватываетъ языческую Азію, ярко воскрешая и обостряя стародавнюю борьбу между Западомъ и Востокомъ. Отъ первыхъ странниковъ, отправившихся въ Тибетъ, почти ничего не осталось для потомства—отъ иныхъ лишь имена (напримѣръ, отъ 14 католическихъ миссіонеровъ, ушедшихъ туда послѣ Андрады въ XVII столѣтіи), но незримый слѣдъ остался и привлекъ другихъ піонеровъ нашей культуры. Они неуклонно подвигаются впередъ и съ разныхъ сторонъ разсматриваютъ сложный вопросъ о религіозно-политическомъ и торговомъ значеніи Тибета.

Со второй половины минувшаго вѣка англичане невольно заинтересовались за-гималайскими сосѣдями: до этого времени послѣдніе постоянно сносились съ Индіей, поддерживали тѣсныя коммерческія отношенія, и вдругъ связь порвалась. Въ Нэпалѣ, черезъ который ходили купеческіе караваны на сѣверъ съ юга и обратно, воинственные горкинцы завладѣли властью, смѣнили мирное правленіе неварскихъ раджей, стали во враждебное поло-

женіе къ тибетцамъ и Индіи. Другой путь къ Лхасѣ черезъ Сиккимъ попалъ въ руки честолюбиваго бутанца Дэбъ Джудхура. Англичанамъ пришлось придти съ нимъ въ столкновеніе и нанести ударъ. Тогда во главѣ британской политики въ Калькуттѣ находился извѣстный Уорренъ Гастингсъ. Едва успѣлъ посланный имъ отрядъ оттѣснить горцевъ, какъ важнѣйшій въ то время лама въ южномъ Тибетѣ (по существу не уступающій духовнымъ достоинствамъ Далай-ламы), благоговѣйно почитаемый всѣмъ ламайскимъ міромъ *Баньчень-богдо* въ монастырѣ Дашилхунбо („гора благодати") послалъ англійскому генералъ-губернатору пословъ и письмо съ предложеніемъ окончить войну съ бутанцами. „Я денно и нощно молюсь за васъ" гласили слова буддійскаго „святаго": „прослышавъ отъ путешественниковъ о вашей славѣ, мое сердце исполнено радости. Хотя и по нашимъ ламскимъ понятіямъ не слѣдуетъ причинять никому зла и стѣсненія, но, разсказываютъ, что въ справедливости и человѣколюбіи вы насъ значительно превосходите. Да продлится еще долго ваше правленіе! Дэбъ Джудхуръ получилъ уже совѣты отъ меня не возобновлять непріязненныхъ отношеній. Поступайте такимъ же образомъ, чтобы не настроить противъ себя подданныхъ Далай ламы. Прошу васъ объ этомъ, въ качествѣ духовнаго лица, обязаннаго заботиться о повсемѣстномъ распространеніи благополучія". Дальновидный англо-индійскій администраторъ немедленно ухватился за удобный случай вступить въ болѣе или менѣе тѣсное общеніе съ Тибетомъ. Съ бутанцами поступили кротко, а за Гималаи рѣшено было снарядить маленькую экспедицію. Желая ей дать осмысленныя иструкціи, Уорренъ Гастингсъ самъ принялся за изученіе того, что уже напечатано о колыбели ламаизма, и затѣмъ выбралъ для поѣздки туда одного способнаго молодого шотландца Богля. Снаряжая его, генералъ-губернаторъ предписывалъ: *„развѣдать, какія страны лежатъ между Лхасой и Сибирью и какъ онѣ сносятся, обратить вниманіе въ особенности на исторію, религію и весь строй страны, ибо, хотя всякія естествовѣдныя наблюденія тоже крайне любопытны, но не имѣютъ столь же знаменательнаго значенія"*. Англичане помнятъ объ этомъ мудромъ наставленіи и, при всемъ богатствѣ матеріальныхъ средствъ, которыми они располагаютъ, путешественники съ береговъ Альбіона никогда не станутъ жертвовать крупныя суммы исключительно съ натуралистическими от-

влеченно-научными цѣлями, а на первомъ планѣ прежде всего озабочены группировкою фактовъ, цѣнныхъ и съ торговой, и съ политической, и съ культурной точки зрѣнія. Инструкція Уорренъ Гастингса написана 16-го мая 1774 г. Чѣмъ объяснить, что, сто тридцать лѣтъ спустя, нами ничего не предпринято и не надумано vice versa?

Выборъ англо-индійскаго генералъ-губернатора былъ весьма удаченъ. Богль проникся его взглядами и въ своемъ блестящемъ отчетѣ старался не упустить изъ виду ни одной характерной подробности, касающейся вѣры и быта страны. Оттого-то боглевское повѣствованіе и ярко красками, оттого-то изъ него и можно почерпнуть много данныхъ о духѣ народа, о ламствѣ, о почитаніи олицетворенныхъ святыхъ существъ, о внѣшности и внутреннемъ убранствѣ различныхъ выдающихся построекъ... Туземцы такъ и тѣснились вокругъ молодого шотландца и сопровождавшаго его доктора Гамильтона. Они оба, по мѣрѣ силъ, не тяготились этимъ, не избѣгали постояннаго дружелюбнаго общенія, и въ результатѣ расположили къ себѣ бутанцевъ, черезъ землю которыхъ ѣхали, и приближенныхъ Баньчень-богдо. Послѣдній особенно оказался радушнымъ и симпатичнымъ во всѣхъ отношеніяхъ. Хотя передъ нимъ преклонялись милліоны разноплеменныхъ единовѣрцевъ и почитали его за воплощенное божество, онъ въ обращеніи своемъ былъ обаятельно простъ. Иногда Богль приходилъ къ нему въ гости,—великій лама вставалъ съ кресла и начиналъ гулять по комнатѣ, поясняя смыслъ развѣшанныхъ по стѣнамъ религіозныхъ картинъ, разспрашивая о Дальнемъ Западѣ, и т. д. Молодому шатландцу чуть-ли не ежедневно и въ продолженіи цѣлыхъ часовъ удавалось присутствовать при ламскихъ служеніяхъ и при благословеніи богомольцевъ самимъ Баньчень-богдо. Послу Уорренъ Гастингса довелось увидѣть Дешерингай, мѣстопребываніе великаго ламы поодаль отъ главнаго монастыря, и Даши-лхунбо, и нѣкоторыя окрестности. Должно быть, тогда еще не находили нужнымъ скрываться передъ иностранцами. Богль близко сошелся съ роднею Баньчень-богдо, впослѣдствіи переписывался даже со своими тибетскими пріятелями, вынесъ немало свѣтлыхъ воспоминаній о за-гималайскомъ краѣ. Завѣса надъ этимъ почти невѣдомымъ и доселѣ еще загадочнымъ міромъ какъ-будто приподнялась тогда, чтобы потомъ опять надолго опуститься. По крайней мѣрѣ, со времени посѣщенія Богля

ни одинъ путешественникъ въ Тибетъ не представилъ болѣе связнаго и любопытнаго разсказа. Благодаря англійскому географу Мэркхэму, онъ уже переизданъ съ соотвѣтствующими дополненіями и примѣчаніями. Образъ Баньчень-богдо возстаетъ весьма выпукло. Сверхъестественное существо по рожденію и значенію среди окружающихъ, онъ въ частной жизни является человѣкомъ въ лучшемъ смыслѣ этого слова: соприкосновеніе съ Западомъ ему не страшно (молодой шотландецъ оставилъ въ Даши-лхунбо записку о состояніи Европы сто тридцать лѣтъ назадъ, особенностяхъ правленія и быта во Франціи и за Ламаншемъ), фанатизма въ ламѣ не видно и слѣда. Считать олицетворенныхъ буддійскихъ „святыхъ“ только какими-то куклами лишено всякаго основанія. Напротивъ, съ нихъ-то и надо начинать дѣло общенія съ новѣйшей культурой. Наблюденія Богля не единичны. Такого же мнѣнія держатся нѣкоторые другіе изслѣдователи ламайскаго міра, имѣвшіе случай говорить съ такъ-называемыми „перерожденцами“ (совершенными людьми, которые, по своей волѣ, послѣ смерти возвращаются на землю и вселяются въ тѣла дѣтей, съ цѣлью рости для наставленія и спасенія грѣшнаго человѣчества). Богль отмѣчаетъ набожность Баньчень-богдо: онъ падалъ ницъ передъ статуями „бога-учителя“ (Будды), священнодѣйствовалъ передъ ними. Вѣротерпимость великаго ламы доходила до того, что онъ держалъ при себѣ и кормилъ около 30 мусульманскихъ факировъ и 120 индійскихъ аскетовъ, хотя и тѣ и другіе не раздѣляли его міровоззрѣнія. О христіанствѣ онъ отзывался сочувственно, но не одобрялъ католическихъ миссіонеровъ, которые въ 1760 г. должны были покинуть Лхасу, потому что они занимались интригами больше, чѣмъ религіей. Для насъ важно знать, что Баньчень-богдо интересовался Россіей, зналъ объ ея боевомъ могуществѣ, о мудрой императрицѣ Екатеринѣ II. Одинъ изъ сановниковъ „святаго“ ламы высказывалъ Боглю, что симпатизируетъ граничащей съ Китаемъ европейской державѣ, ибо ея граждане не похожи на коварныхъ подданныхъ богдыхана. Къ дашилхунбскому и далай-ламскому двору нерѣдко приходили караваны съ богомольцами изъ смежной намъ Халхи и даже изъ Сибири. Послу Уорренъ Гастингса доводилось съ ними бесѣдовать. Въ числѣ ихъ выдѣлялся пришлецъ изъ Урги (недалеко отъ Кяхты), который самъ былъ родомъ изъ Ладака, но жилъ на сѣверѣ при мѣстномъ необыкновенно

чтимомъ перерожденцѣ Чжебцзунъ-дамба-хутухтѣ, по смерти въ Монголіи появляющемся вновь въ Тибетѣ, откуда его торжественно везутъ и водворяютъ близко къ нашей границѣ. Ургинскій лама оказался очень разговорчивымъ и сообщилъ молодому шотландцу о своихъ поѣздкахъ въ Сибирь и долгомъ тамъ пребываніи. Дѣло въ томъ, что, почти непосредственно передъ тѣмъ, иркутскіе инородцы, подъ вліяніемъ пришлыхъ единоплеменниковъ и буддійскихъ духовныхъ, стали укрѣпляться въ недавно насажденной ламайской вѣрѣ. Буряты и тунгусы, какъ я уже говорилъ, охотно ее принимали взамѣнъ шаманства, отправлялись учиться за границу, у себя лелѣяли наставниковъ изъ Халхи и Тибета. Если встрѣченный Боглемъ лама дѣйствительно зналъ восточно-сибирскій край, то бесѣды съ посломъ Уорренъ Гастингса положительно неоцѣнимы по значенію. Мы же параллельно съ этимъ дремали, не хотѣли пальцемъ пошевелить, чтобы взять то, что само напрашивалось къ намъ въ руки...

Полнѣйшимъ довѣріемъ Баньчень-богдо пользовался въ то время его двадцатилѣтній чашникъ (Сойбунъ Чумбо), родомъ едва-ли не изъ русскихъ владѣній, такъ какъ онъ бывалъ на берегахъ Байкала, въ Халхѣ, въ Китаѣ, зналъ тамошнія нарѣчія. Предположить это легко въ виду того, что такой юноша не случайно же посѣтилъ въ раннемъ возрастѣ эти края, а кромѣ того извѣстно, что наши инородцы всегда играли и теперь играютъ нѣкоторую роль въ Тибетѣ, по своимъ природнымъ отличнымъ способностямъ и въ качествѣ людей бывалыхъ, опытныхъ, разностороннихъ.

Богль проницательно открылъ, на чемъ могутъ обосноваться взаимоотношенія между ламами и Индіей. За Гималаями памятна связь буддизма съ родиною „бога-учителя“, гдѣ еще лѣтъ восемьсотъ назадъ процвѣтало его ученіе, откуда радіусами разошлась въ отдаленнѣйшія страны возвѣщенная имъ премудрость. Исламъ насильственно искоренилъ въ Индіи буддійскую вѣру. У Баньчень-богдо возникла мысль, нельзя ли при содѣйствіи и подъ покровительствомъ англичанъ, возстановить прошлое. Уорренъ Гастингсъ съ удовольствіемъ согласился. Подлѣ Калькутты построилась кумирня въ честь „бога-учителя“. Сюда пріѣхало нѣсколько ламъ, съ цѣлью пожить на священной землѣ и пробраться въ другія мѣста, прославленныя буддійскими преданіями.

На бѣду для англичанъ, благоволившій къ нимъ Баньчень-богдо вскорѣ отправился въ Пекинъ и въ 1780 г. умеръ отъ оспы. Дашилхунбцы извѣстили калькутскаго генералъ-губернатора, что преемникъ возродился и найденъ. Уорренъ Гастингсъ снарядилъ опять посольство (изъ своего родственника, офицера Тэрнера, и врача Саундерса). Они возобновили хорошія отношенія съ родней покойнаго и съ Сойбуномъ Чумбо, затѣмъ посѣтили полуторагодового Баньчень-богдо въ монастырѣ Терпалингѣ, съ изъявленіемъ чувства горести генералъ-губернатора, когда онъ узналъ о кончинѣ великаго ламы въ Китаѣ, и радости, когда дошли слухи объ его счастливомъ возрожденіи. „Мы надѣемся, что нынѣшній Баньчень-богдо еще долго будетъ озарять вселенную“, закончилъ Тэрнеръ свою льстивую рѣчь. Удивительно красивый ребенокъ выслушалъ ее, сидя на престолѣ и какъ бы осмысленно кивая головой. Послѣ отъѣзда Гастингсова уполномоченнаго въ Тибетѣ остался англійскимъ дипломатическимъ агентомъ нѣкій индусъ, по имени Пурунгиръ, знавшій страну и сопровождавшій прежняго Баньчень-богдо въ Пекинъ.

Въ 1785 г. прекратилась административная дѣятельность предпріимчиваго Уорренъ Гастингса. Въ Лхасѣ, подъ давленіемъ изъ Пекина, еще со времени Богля, недовѣрчиво смотрѣли па дружбу дашилхунбцевъ съ англичанами. Новый генералъ-губернаторъ, лордъ Корнваллисъ, не съумѣлъ поддержать связи съ южнымъ Тибетомъ. Вдобавокъ, воинственные горкинцы въ Нэпалѣ, движимые надеждами на богатую добычу, пошли на владѣнія Баньчень-богдо. Вмѣсто того, чтобы за него заступиться, калькуттское правительство равнодушно отнеслось къ разгрому ламскихъ святилищъ. Когда же китайцы явились на помощь и отбросили враговъ на западъ, лордъ Корнваллисъ чуть не послалъ отрядъ на помощь нэпальцамъ. Только письмо Далай-ламы, съ увѣщаніемъ не дѣлать этого, обусловило англійскій нейтралитетъ. Расположеніе къ европейцамъ быстро охладѣло за Гималаями. Пограничныя недоразумѣнія съ бутанцами усилили отчужденіе. Британскимъ властямъ пришлось шагъ за шагомъ, съ удручающей медленностью, но не ослабѣвающей энергіей изучать горныхъ сосѣдей, иногда относиться къ нимъ ласково, иногда запугивать ихъ, иногда подкупать и неуклонно при этомъ имѣть въ виду одно—путь въ Лхасу съ политической цѣлью и оттуда во внутренній Китай для сбыта товаровъ.

Неемотря на замкнутость Тибета съ конца минувшаго столѣтія, англичанину Мэннингу удалось въ 1811 г. проникнуть въ Лхасу и прожить тамъ нѣсколько мѣсяцевъ. Ему посчастливилось даже лицезрѣть семилѣтняго Далай-ламу (восьмаго числомъ). По бѣдности, путешественникъ поднесъ ему всего двадцать долларовъ и нанкинскаго чаю. Идя на поклонъ, Мэннингъ взошелъ къ Будалѣ, возвышенному дворцу „святаго", по лѣстницѣ, высѣченной въ гранитѣ, съ 400 ступеней, и трижды простерся передъ очень милымъ, обворожительно улыбавшимся мальчикомъ. Квази-богомольцу позволено было сѣсть около престола и бесѣдовать съ небороднымъ перерожденцемъ. Въ результатѣ, Мэннингъ вынесъ изъ Лхасы впечатлѣніе, что тибетцы тяготятся владычествомъ китайцевъ, что изъ Небесной имперіи сюда посылаются худшіе люди, озлобляющіе народъ и грубые по отношенію къ Далай-ламѣ и прочимъ сановникамъ. Еслибы явились новые завоеватели и порядки перемѣнились къ лучшему, туземцы охотно согласились бы подчиниться. Все это англичане знаютъ и при первомъ удобномъ случаѣ обратятъ въ свою пользу. Самый замѣчательный изъ современныхъ католическихъ миссіонеровъ въ Тибетѣ аббатъ Дэгодэнъ, послѣ долголѣтнихъ наблюдеденій, пришелъ къ тому выводу, что простонародье, зная про богатства Индіи и политическое могущество англичанъ, инстинктивно тяготѣетъ къ нимъ: и законы, и условія жизни подъ эгидой европейской державы его прельщаютъ. Побывавшіе въ Калькуттѣ и безъ всякаго стѣсненія выгодно тамъ торговавшіе тибетцы, вернувшись на родину, пробуждаютъ въ единоплеменникахъ симпатію къ англичанамъ. Одинъ тягостный вопросъ смущаетъ туземцевъ: какъ поступятъ съ ихъ вѣрой? Судя по аналогіи съ тѣмъ, въ какомъ положеніи находятся индусы и цейлонцы, ламаитамъ нечего бояться гоненія. Жречество, конечно, не желаетъ поступиться ни малѣйшими правами и преимуществами,— въ случаѣ же европейской оккупаціи, оно бы не могло ладить съ британцами столь же успѣшно, какъ съ китайскими чиновниками. Въ этомъ пока коренится едва-ли не главная причина сопротивленія наступательнымъ замысламъ Англіи и нежеланія пускать въ Тибетъ путешественниковъ съ запада. Говорятъ, будто ламы заплатили представителямъ Небесной имперіи въ Лхасѣ сумму въ 240.000 франковъ, чтобы они не пустили туда венгерскаго графа Сэчени нѣсколько лѣтъ тому назадъ, хотя онъ

имѣлъ паспортъ и необходимое разрѣшеніе изъ Пекина. Тѣмъ не менѣе, безъ сомнѣнія, недалекъ часъ, когда доступъ во внутрь страны неминуемо откроется. Въ Калькуттѣ располагаютъ для этого достаточнымъ тактомъ, обширными свѣдѣніями, связями и средствами.

Съ 1816 г. англичане поселили въ Катманду, столицѣ Нэпаля, своего резидента. На поприщѣ сношеній съ туземцами, наблюденія за торговыми условіями во внутренней Азіи, изученія мѣстнаго быта и религіи неувядаемую славу пріобрѣлъ оріенталистъ Бріанъ Ходжсонъ. Онъ прожилъ тамъ двадцать три года, первый открылъ въ Гималаяхъ буддійскіе литературные памятники на санскритскомъ языкѣ, снабдилъ копіями съ нихъ ученыя общества въ Лондонѣ и Парижѣ. Письменно снесшись съ Далай-ламой, англійскій резидентъ получилъ отъ него остатки книгъ и бумагъ капуцинской миссіи и, кромѣ того, полное собраніе священнѣйшихъ тибетскихъ сочиненій.

Желая гдѣ-нибудь стать твердой ногой, поближе къ религіознымъ центрамъ Тибета, британское правительство уже въ тридцатыхъ годахъ прошлаго столѣтія рѣшило устроить себѣ важную стоянку въ Дарджилингѣ, во владѣніяхъ слабаго сиккимскаго раджи, откуда считалось немного дней пути до Даши-лхумбо. Въ 1835 г. это мѣстечко уступлено было англичанамъ съ обязательствомъ платить по 300 фунт. стерл. въ годъ. Позаботиться о развитіи Дарджилинга поручили доктору Кэмпбелю. Онъ съ 1840 г. по 1862 г. радѣлъ объ этомъ пунктѣ, важномъ и съ санитарной, и съ торговой, и съ политической точки зрѣнія. Вскорѣ все тутъ запестрѣло пришлымъ съ горъ населеніемъ: осѣли тысячи жителей, завелись чайныя плантаціи, открылась ярмарка для за-гималайскихъ сосѣдей. Сиккимцевъ же англичане при удобномъ случаѣ обуздывали за своеволіе и склоняли деньгами на свою сторону. Значеніе Дарджилинга непомѣрно возросло, когда окончилась постройка связывающей его съ Калькуттой желѣзной дороги. Мало-по-малу европейцы ознакомились съ характеромъ природныхъ преградъ между Индіей и Тибетомъ, инженеры провели къ горамъ и поддерживаютъ хорошую дорогу, изъ проходовъ намѣтили какъ наиболѣе удобный Джэлепскій, ведущій въ долину Чумби [1]). По договору съ рад-

---

[1]) Именно здѣсь разыгралось въ 1888 году кровавое столкновеніе англичанъ съ тибетцами, кончившееся пораженіемъ послѣднихъ.

жей, калькутское правительство вправѣ высылать изъ Сиккима непріязненно настроенныхъ жителей. Туземный князь пріѣзжалъ уже въ Дарджилингъ знакомиться съ европейскими обычаями. Что ни день, стѣна консерватизма и искусственно поддерживаемой замкнутости колеблется и готова рухнуть! Тибетцы недоумѣваютъ, ждутъ будущаго въ какомъ-то полуоцѣпенѣніи, заразъ и непрочь отдѣлаться отъ китайцевъ и на рѣшительный образъ дѣйствій англичанъ смотрятъ съ крайней боязнью... Иные, особенно ламы, посѣщаютъ Калькутту, куда отъ Дарджилинга всего сутки ѣзды и билетъ стоитъ семь рупій (около четырехъ серебряныхъ рублей). Купеческіе караваны, изъ Нэпаля слѣдующіе черезъ Тибетъ, во множествѣ распространяютъ индійскія газеты. Какъ народъ преимущественно торговый, подданные Далай-ламы и Баньчень-богдо мысленно стоятъ за расширеніе района коммерческихъ сношеній. Китайцы уже не продаютъ въ странѣ своихъ произведеній, потому что туземцы сами за ними отправляются на западъ, находя это гораздо выгоднѣе. Въ Кулькутту каждую осень ѣздятъ съ такой же цѣлью свыше тысячи тибетцевъ и остаются тамъ цѣлыя недѣли. Путь изъ Индіи черезъ Нэпаль въ Лхассу вдвое длиннѣе и труднѣе, чѣмъ Джэлепскимъ проходомъ. Отъ Сиккима караваны ходятъ недѣлю до Даши-лхунбо и оттуда къ столицѣ еще быстрѣе.

Англія, въ виду значительныхъ пошлинъ, наложенныхъ Россіей, не находитъ прежняго хорошаго сбыта индійскихъ чаевъ въ западный Туркестанъ. Въ Кашгарѣ наши товары весьма успѣшно конкуррируютъ съ британскими. Изысканія, произведенныя Кэреемъ относительно возможности направить грузы изъ Индіи черезъ мѣстности на востокъ отъ Ярканда, привели къ отрицательному результату: тамъ тянутся такіе грозные пустыри, что никакіе культурные замыслы неисполнимы. Остается лучшая и кратчайшая дорога въ долину Чумби изъ Дарджилинга. Торговля и теперь уже немаловажна, а со временемъ обѣщаетъ разростить до крупныхъ размѣровъ. Недаромъ въ Даши-лхунбо и Лхасѣ сходятся многочисленныя нити, соединяющія ламаитовъ Россіи, Монголіи и нагорныхъ странъ съ имъ главнѣйшими религіозными центрами. Самый необходимый и дорогой предметъ ввоза изъ Китая—кирпичный чай. Онъ такъ высоко стоитъ въ цѣнѣ, что, хотя и потребляется въ большомъ количествѣ, но недоступенъ простонародью. Англичанамъ это какъ разъ кстати.

Плантаторы въ Ассамѣ и у Дарджилинга изъ чайныхъ остатковъ и отбросковъ думаютъ изготовлять именно то, что требуется Тибету, и притомъ съ дешевизной, которая сразу подорветъ доставку изъ Китая и дастъ возможность всѣмъ туземцамъ покупать себѣ излюбленный внутренней Азіею напитокъ. Затѣмъ явится значительный спросъ на индійскій рисъ, который по цѣнѣ также будетъ гораздо доступнѣе китайскаго, на табакъ, на разнообразнѣйшія европейскія издѣлія, на драгоцѣнные камни. Въ свою очередь Тибетъ станетъ платить своими естественными сокровищами—золотомъ, серебромъ и другими металлами, которыхъ пока еще въ странѣ видимо-невидимо, обильною солью, чистѣйшимъ мускусомъ, крайне дешевымъ скотомъ и драгоцѣнной по качествамъ шерстью, лѣкарственными травами и т. д. Разъ что общеніе завяжется, и туземцы, и англичане скоро поймутъ, чѣмъ они могутъ быть другъ другу полезны и пріятны. Въ концѣ концовъ, разумѣется, пришельцы съ запада изъ равноправныхъ друзей обратятся въ господъ и желѣзной волей заставятъ уважать каждое свое желаніе.

Британское правительство не одно ополчается и идетъ на Тибетъ. Рядомъ съ нимъ дѣйствуютъ симпатизирующіе британцамъ миссіонеры. Въ то время какъ мы даже на родныхъ окраинахъ, гдѣ русская кровь смѣшана съ инородческой, въ дѣлѣ проповѣди не достигаемъ желаемаго, Западъ послалъ своихъ предвозвѣстниковъ христіанской культуры въ глубь Азіи. Моравскіе братья, жившіе прежде въ Царипынѣ для обращенія калмыковъ и затѣмъ нами удаленные, нашли дружественный пріемъ въ Индіи. Поселившись въ Гималаяхъ, они не только вникаютъ въ ламаизмъ, но и обладаютъ въ совершенствѣ знаніемъ тибетской рѣчи. Калькутское правительство воспользовалось этимъ для изданія лучшихъ словаря и грамматики, составленныхъ однимъ изъ миссіонеровъ Іешке. Священное Писаніе на монгольскомъ языкѣ распространяется среди кочевниковъ также англичанами. Чуждые фанатизма туземцы его охотно *покупаютъ*. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ ревнитель этого дѣла, по фамиліи Гильмоуръ, пріѣзжалъ черезъ буддійскія степи въ Забайкалье исправлять надгробные памятники надъ англійскими миссіонерами, четверть вѣка трудившимися среди бурятъ. Бельгійскіе проповѣдники свободно пытаются укоренять въ Монголіи вліяніе Ватикана. Въ Тибетъ съ двухъ сторонъ направляютъ свои усилія католическіе

миссіонеры, насчитывающіе уже мучениковъ на этомъ довольно неблагодарномъ пока поприщѣ: во-первыхъ отъ китайской восточной границы, во-вторыхъ отъ Сиккима.

Въ глуши католическіе миссіонеры дѣйствуютъ совершенно такъ же, какъ незабвенный сибирскій апостолъ митрополитъ Иннокентій: они становятся простыми рабочими для назиданія туземцевъ, приводятъ въ цвѣтущее состояніе окружающую мѣстность, учатся, входятъ въ дружественныя отношенія съ невѣрными. Понимая, что буддизмъ — религія разумныхъ, а не темныхъ, и потому въ немъ положительно нѣтъ никакихъ демократическихъ элементовъ, проповѣдники съ запада покупаютъ рабовъ, группируютъ вокругъ себя обездоленный людъ, воспитываютъ дѣтей. Съ той минуты, что язычники на практикѣ видятъ осуществленіе Новозавѣтныхъ началъ (въ той мѣрѣ, какъ это достижимо для слабыхъ силъ человѣческихъ), уваженіе къ піонерамъ христіанской цивилизаціи должно рости и крѣпнуть. Хотя послѣдніе съ нѣкоторымъ весьма понятнымъ предубѣжденіемъ относятся къ ламству, иногда терпѣли отъ воздвигаемаго имъ гоненія, но въ концѣ концовъ и они отдаютъ дань уваженія вѣротерпимости буддійскаго жречества, добродушію простыхъ духовныхъ и „перерожденцевъ“, и неразъ обязаны были помощью именно своимъ же соперникамъ—ламамъ...

Важно отмѣтить, что заступаться за тибетскихъ миссіонеровъ всегда приходилось Англіи. Когда ихъ обижали, за нихъ замолвили слово даже нэпальцы, по наущенію изъ Калькутты. Этихъ сосѣдей въ Дашилхунбо и Лхасѣ очень боятся. Тамъ готовы дорого дать, чтобы не имѣть вооруженныхъ столкновеній со страшными горкинцами. Англичане давно ужъ подмѣтили эту особенность и искусно ею пользуются...

Они снаряжали во внутреннюю Азію для изысканій индусовъ, хорошо награждая ихъ за сообщенія... У насъ гораздо больше людей годныхъ для сношеній съ Тибетомъ (и теперь тамъ живетъ немало бурятъ, не порывающихъ связи съ родиной),— между тѣмъ, мы равнодушны къ этому. Инородцы въ теченіе двухъ вѣковъ успѣли уже заявить себя примѣрными вѣрноподданными. Среди нихъ найдется не мало обрусѣвшихъ, выдающихся по способностямъ, отслужившихъ въ строю, представителей. Неужели этимъ обстоятельствомъ не пора, наконецъ, воспользоваться? Неужели первый русскій образованный путешественникъ проѣдетъ

въ Лхасу черезъ Дарджилингъ, подъ покровительствомъ и съ разрѣшенія англійскаго правительства?

VII.

Раньше чѣмъ вкратцѣ перейти къ новѣйшимъ путешествіямъ въ Тибетъ, не могу не оговориться, что до поѣздки нашего молодого восточника, бурята Цыбикова, въ Лхасу, большинство изъ нихъ надо было считать сравнительно малоцѣнными, такъ какъ ѣздившіе туда и писавшіе про любопытную страну недостаточно старались вникать въ духъ туземной культуры, а безъ этого само собой умаляется и значеніе энергіи, потраченной на знакомство со столь далекою чужбиной...

Сказанное особенно относится къ намъ—русскимъ.

Нельзя идти слѣпыми по Центральной Азіи! Нужны знанія, ярко освѣщающія ея внутренній міръ... Необходимо изслѣдовать, какъ можно обстоятельнѣе, что такое ламаизмъ, какова его истинная политическая роль, настоящее и будущее. Надо зажечь факелъ, чтобы хоть отчасти озарить обступающій тамъ мракъ. Безъ пониманія господствующей у туземцевъ религіи немыслимо углубляться въ монголо-тибетскія пустыни, немыслимо бороться съ язычествомъ на сибирскихъ окраинахъ, немыслимо вступать въ разумное и тѣсное общеніе съ правителями въ буддійскихъ земляхъ. Раньше чѣмъ излагать, какими способами легко было бы, при нѣкоторомъ добромъ желаніи, помочь этой бѣдѣ, важно и поучительно остановиться на одномъ разительномъ примѣрѣ того, что способенъ сдѣлать образованный человѣкъ, проникнутый сознаніемъ своего долга послужить великой идеѣ ознакомленія цивилизованнаго міра съ тайнохранилищами Азіи. Рѣчь идетъ о знаменитомъ венгерцѣ Александрѣ Чома (изъ мѣстечка Кэрэса), который первый прочно обосновалъ область нашего вѣдѣнія относительно Тибета и порожденнаго имъ ламаизма. До тѣхъ поръ изысканія производились ощупью, были случайнаго характера и отличались хаотичностью сгруппированнаго матеріала. Недостатки эти обусловливались неподготовленностью въ лингвистическомъ отношеніи. За изученіе предмета слѣдовало взяться филологу въ самомъ

[1]) См. № 3 *Русск. Обозрѣнія* за 1892 г. моя статья «Тибетскій буддизмъ и наша окраина».

широкомъ смыслѣ этого слова. Чома вполнѣ удовлетворялъ требованію. Онъ являлся однимъ изъ наиболѣе развитыхъ людей прошлаго вѣка.

Знатокъ и цѣнитель классической поэзіи, ученикъ извѣстнаго гэттингенскаго оріенталиста Эйхгорна, глубоко и разностороннее начитанный, молодой венгерецъ начинаетъ задумываться надъ тѣмъ, какъ загадочно прошлое отдаленнаго Востока (откуда, бытьможетъ, пришли его предки), насколько замкнута для европейцевъ настоящая духовная жизнь въ центрально-азіятскихъ степяхъ и горахъ, что̀ можно открыть въ этихъ малонаселенныхъ, но всетаки по своему культурныхъ странахъ. Первая мысль Чомы — проникнуть туда чрезъ Сибирь. Для устраненія препятствій по дорогѣ онъ принимается за славянскія нарѣчія Австріи и русскій языкъ. Средствъ на путешествіе нѣтъ. Если уже рѣшиться на него, то надо удовольствоваться ничтожною суммой. Дома улыбается обезпеченное положеніе профессора,—внѣ Европы ждутъ страшнѣйшія лишенія, болѣе чѣмъ вѣроятный неуспѣхъ, смерть... И вотъ Чома, тридцати шести лѣтъ отъ роду, послѣ долгихъ размышленій и занятій, навсегда уходитъ на чужбину... Маршрутъ избирается иной, чѣмъ предполагалось раньше. Венгерецъ ѣдетъ въ Египетъ, Сирію и Персію. Кое-гдѣ пришлось подвигаться впередъ пѣшкомъ. Въ ноябрѣ 1821 г. онъ достигъ грозной для иноземцевъ Бухары, затѣмъ пробрался въ Кашмиръ и Ладакъ.

Въ общихъ чертахъ освоившись съ тибетскимъ, при помощи персидскаго, Чома провидѣлъ его громадное значеніе для науки будущаго и посвятилъ всѣ свои силы этому трудному языку, на которомъ во внутренней Азіи создалась цѣлая священная литература. Безъ сомнѣнія, интересъ къ сѣверному буддизму, близъ его нѣкоторыхъ главнѣйшихъ центровъ, особенно побудилъ Чому избрать именно такую, а не какую-нибудь другую спеціальность.

Онъ трижды удалялся въ ламскіе монастыри, расположенные на порогѣ Тибета, руководствовался совѣтами туземныхъ духовныхъ, шагъ за шагомъ неуклонно совершенствовался въ знаніи ихъ письменности и пониманіи религіи. Доведя всѣ свои внѣшнія потребности до минимума, поразительно воздержный въ ѣдѣ и питьѣ, твердо убѣжденный въ необходимости работать безъ устали, — пока только обстоятельства позволяютъ,—съ душой, вѣчно согрѣваемою лучами истины, самоотверженный венгерецъ казался мѣстнымъ жителямъ какимъ-то существомъ высшаго порядка, олице-

твореніемъ буддійскаго идеала святости. По словамъ путешественниковъ, посѣтившихъ впослѣдствіи уголки, гдѣ прожилъ великій подвижникъ Чома, ламы не забыли его, съ благоговѣніемъ отзываются о немъ и, вѣроятно, позаботились прославить его имя по буддійской Азіи. По крайней мѣрѣ, буряты разсказываютъ объ иностранцѣ Ѳомѣ, который научился тибетскому языку, сталъ аскетомъ, перешелъ въ ихъ вѣру и т. д. Послѣднее, должно-быть,—сказка; но любопытно отмѣтить, какъ въ ламайскихъ краяхъ зорко и чутко относятся ко всему, что извнѣ затрогиваетъ область религіи. Между Ладакомъ и Восточною Сибирью — безконечные пустыри, и, несмотря на это, черезъ необъятную ширь доносится вѣсть объ европейцѣ, съ любовью подступившемъ къ туземнымъ источникамъ образованности,—откуда раздался умиротворяющій душу глаголъ древняго ученія: „Не будь порочемъ! живи добродѣтельно! окончательно подави свои желанія! это—заповѣди Будды. Кто имъ слѣдуетъ, освобождается отъ роковыхъ перерожденій. *Внимайте изреченію учителя* и не забывайте: *чего себѣ не желаешь, того и другому не причиняй!*“ Немудрено, если Чомѣ симпатиченъ былъ нравственный міръ лучшихъ туземцевъ-ламаитовъ.

Англичане начали покровительствовать удивительному венгерцу, какъ только узнали объ его стремленіяхъ. Онъ, однако, бралъ всегда у правительства очень мало денегъ, потому что довольствовался самою неприхотливою обстановкой и тратилъ ихъ исключительно на пріобрѣтеніе еще бо́льшихъ знаній у мѣстныхъ духовныхъ. Единственною заботой его было обогатить науку новыми данными о тибетскомъ языкѣ и буддизмѣ, который, покидая Индію и уходя на сѣверъ въ горы, взялъ туда съ собою разныя санскритскія сочиненія, съ тѣхъ поръ изчезнувшія на родинѣ, но существующія за Гималаями. Для расширенія филологическихъ изысканій, Чома усиленно занялся санскритомъ и нѣкоторыми индусскими нарѣчіями, поселился въ Калькуттѣ съ цѣлью печатать свои труды. Они изданы по-англійски, на пользу нынѣшнимъ властителямъ Индіи, ближайшимъ сосѣдямъ Далай-ламы. Тутъ есть какая-то таинственная историческая связь съ однимъ фактомъ. Знаменитый тибетологъ воспитывался въ Наги Эніэдѣ. Въ прошломъ столѣтіи, при военныхъ смутахъ, этотъ городъ страшно пострадалъ. Жители обнищали. Не было возможности учить подростающую молодежь. Когда въ Англіи узнали о

столь печальной участи, лондонцы собрали 11.000 фунт. стерл. на основаніе и поддержку новаго нагіэніэдскаго училища. Тамъ, черезъ десятки лѣтъ, выросъ и развился юноша, весь отдавшійся той области оріентализма, которая болѣе и болѣе становится важна для англичанъ. Въ 1842 г., *послѣ двадцатидвухлѣтняго пребыванія на Востокѣ, Чома, наконецъ, рѣшился ѣхать въ Лхасу*, но по дорогѣ заболѣлъ и умеръ. Въ его маленькой походной библіотекѣ, въ числѣ любимыхъ книгъ нашлись *русское Евангеліе и русская грамматика.*

Скоро полвѣка пройдетъ со времени этой кончины: неужели у насъ не найдется энергичныхъ продолжателей великаго дѣла, завѣщаннаго даровитымъ венгерцемъ? Вѣдь мы — народъ, все далѣе углубляющійся въ Азію, призванный пошатнуть ея вѣковой строй, дохнуть на него чѣмъ-то возрождающимъ. Наши истинные піонеры должны сознательно входить въ эту глушь, отдавать себѣ отчетъ въ томъ, что̀ ихъ окружаетъ. У Россіи есть сотни тысячъ подданныхъ-буддистовъ, за ними колышется цѣлое море единовѣрныхъ кочевниковъ, сибирскіе инородцы находятся въ безпрерывномъ общеніи съ Тибетомъ, — а много ли мы объ этомъ знаемъ? Предвижу встрѣчный вопросъ: что̀ же собственно любопытнаго представляетъ культура Центральной Азіи? Стоитъ ли изъ-за нея обрекать себя на жертвы, учиться у ламъ, посѣщать ихъ религіозные центры, вникать въ бытъ туземнаго буддійскаго населенія?

Все, что относится къ вѣрованіямъ человѣчества, что свидѣтельствуетъ о наилучшихъ его стремленіяхъ, все идеальное безусловно достойно вниманія мыслителей-изслѣдователей. А въ Монголіи и Тибетѣ религія полновластно царитъ надъ жизнью, наполняетъ собою существованіе туземцевъ, примиряетъ ихъ съ печальною дѣйствительностью. Крайне суровый климатъ, кочевой или рѣже полуосѣдлый бытъ, величіе обступающихъ пустынь подавляющимъ образомъ вліяютъ на душу буддистовъ. Богатый представленіями о божествѣ и весьма сложный внутренній міръ таится ими отъ взора европейцевъ. Не пора-ли вглядѣться въ него, наконецъ, теперь, когда вѣкъ, въ своемъ поспѣшномъ движеніи куда-то впередъ, все быстрѣе проникается матеріалистическими тенденціями? Соприкосновеніе съ вѣрующимъ Востокомъ неминуемо вольетъ въ насъ свѣжую, бодрящую струю, и, безъ сомнѣнія, уяснитъ намъ многое въ родныхъ святыняхъ, сближая съ явленіями сверхъестественнаго порядка.

Пока внутренняя Азія останется замкнутою, всякое шарлатанство можетъ ссылаться на то, что откровеніе имъ получается съ невидимыхъ тибетскихъ горъ. Если побольше людей, подобно Чомѣ, узнаютъ, каковъ тамошній строй,—вскорѣ наступитъ конецъ мороченью легкомысленной толпы въ столичныхъ городахъ, и тогда уже образованнѣйшіе богословы освѣтятъ цѣнный матеріалъ, добытый на мѣстѣ въ странахъ, гдѣ такъ силенъ буддизмъ. Теперь приходится обо всемъ судить по догадкамъ. Ничего нельзя обобщать. Многое кажется и дикимъ, загадочнымъ. *Ламское искусство врачеванія*, съ его обширною литературой и чудесными результатами,—это знаніе, передаваемое съ древнихъ временъ изъ рода въ родъ,—также начинаетъ интересовать Европу, въ виду возможной, хотя и не доказанной связи (черезъ Индію) съ Египтомъ и Элладой [1]). Чома серьезно смотрѣлъ на буддійскую медицину и, насколько могъ, характеризовалъ ее. Туземные цѣлители особенно привлекаютъ тѣмъ, что, по требованіямъ религіи, *лишь добрые, милосердные, безупречные ламы смѣютъ практиковать съ надеждой на успѣхъ*. Монастыри всюду разсыпаны въ значительномъ количествѣ, поражаютъ обиліемъ предметовъ культа, обрядностью и присутствіемъ „перерожденцевъ", то-есть такихъ лицъ, которыя за добродѣтельную жизнь въ правѣ покинуть нашъ грѣшный міръ навсегда, но не хотятъ этого сдѣлать изъ любви ко всему живущему, а для спасенія тварей послѣ смерти постоянно возрождаются...

Въ 300 верстахъ отъ Кяхты, на караванной дорогѣ въ Китай, расположенъ городъ-монастырь Урга, со своимъ великимъ „перерожденцемъ" (хутухтой) и тысячами ламъ,—одинъ изъ важнѣйшихъ центровъ сѣвернаго буддизма. Сюда отовсюду стекаются богомольцы, здѣсь живутъ и учатся тѣ наши инородцы, которые не прямо ѣдутъ въ Тибетъ. Кругомъ, на нѣкоторомъ разстояніи, расположены другія интересныя кумирни. Въ бурятскую глушь Забайкалья теперь весьма легко проникать отъ желѣзной дороги, и

[1]) Замѣчательно, что къ числу церковныхъ людей въ древней Руси причисляется *лѣчецъ*—лѣкарь: это, конечно, потому, что при церквахъ жили лица, могущія подавать врачебную помощь, чтобы отучить новопросвѣщенныхъ язычниковъ отъ ихъ обычая обращаться къ знахарямъ и ворожеямъ.

Интересно выяснить, не заимствованъ-ли нами встарь этотъ обычай со дней монгольскаго ига. У сѣверныхъ буддистовъ есть такіе medical men (эмчи), которые по завѣтамъ своей вѣры издавна выступаютъ, въ качествѣ искусныхъ врачей, на борьбу съ дикостью необращеннаго еще въ ламаизмъ сосѣдняго населенія и съ его великими волхвами-шаманами.

тамъ—тоже почти непочатая область для разнаго рода изысканій. Если нужно расширить кругъ наблюденій, и до Пекина не Богъ вѣсть какъ далеко. Вездѣ можно исподволь освоиваться съ мѣстными нарѣчіями, непосредственно вникать въ значеніе ламаизма съ разныхъ точекъ зрѣнія, постепенно подготовляться къ осмысленной поѣздкѣ въ Тибетъ. Въ религіозномъ центрѣ Орумба-гыгенъ-хитѣ (довольно близко отъ нашей границы) всегда временно живутъ монахи-тибетцы. У нихъ всего удобнѣе научиться разговорному языку. Только съ разумно добытыми, мало-по-малу оформленными знаніями стоитъ идти въ Лхасу.

VIII.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ совершена замѣчательная попытка проникнуть въ столицу Тибета. Туда отправился изъ Пекина американецъ Уилльямъ Вудвиль *Рокхиль* (Rockhill), предварительно подготовлявшійся къ этому въ теченіе четырехъ лѣтъ путемъ постояннаго общенія съ ламами въ тамошнихъ монастыряхъ, поддерживаемыхъ богдыханомъ, и съ пришлыми туземцами изъ болѣе восточныхъ предѣловъ имперіи. Обдумывая планъ своей любопытной поѣздки, энергичный иностранецъ исподволь знакомился также съ географическими и антропологическими данными, заключающимися въ чисто китайскихъ источникахъ, которые еще долго будутъ проливать главный свѣтъ на значеніе многихъ обычаевъ, названій и т. п. Только послѣ долгихъ занятій Рокхиль, бывшій въ Пекинѣ секретаремъ американскаго посольства, рѣшился направиться вглубь Азіи, имѣя въ виду пройдти около десяти тысячъ верстъ и притомъ отчасти по мѣстностямъ, гдѣ еще не ступала нога ни одного европейски образованнаго человѣка, если не считать, что иныхъ пунктовъ коснулось описаніе покойнаго Пржевальскаго или снаряжаемыхъ англо-индійскими властями пандитовъ. Это путешествіе является однимъ изъ характернѣйшихъ за послѣдніе годы, на немъ стоитъ подробнѣе остановиться, — такъ какъ изъ обрисовываемаго имъ положенія вещей до наглядности ясно, какъ легко было тогда и до сихъ поръ еще не трудно входить въ самое тѣсное соприкосновеніе съ тайниками нагорной Азіи. Элементы населенія ея, особенности ихъ быта, весь колоритъ этого своеобразнаго строя,—все это про-

ходитъ передъ нами, какъ въ панорамѣ, такъ и просится на полотно огромной, яркой картины... Когда-то такія книги будутъ писаться и русскими изслѣдователями?!

...Время отправленія Рокхиля въ путь пришлось на декабрь 1888 года. Предпріимчивый американецъ одѣлся китайцемъ, захватилъ съ собой сравнительно небольшой багажъ, нанялъ слугу (который ранѣе того сопровождалъ начинавшаго прославляться лейтенанта Іонгхэсбанда, извѣстнаго смѣлымъ переѣздомъ изъ Маньчжуріи на Кашмиръ, а нынѣ уже стоящаго во главѣ грозной экспедиціи на Лхасу) и въ тряской неуклюжей телѣгѣ, запряженной двумя мулами (непосредственно сзади слѣдовалъ второй столь же первобытный экипажъ), ночуя, или, точнѣе сказать, слегка отдыхая въ придорожныхъ харчевняхъ, на продолжительный срокъ распрощался со столицей богдыхана. Рокхилевская книга „The land of the lamas" изобилуетъ такими любопытными бытовыми подробностями, что ими поневолѣ хочется подѣлиться, хотя это косвенно лишь связано съ моей задачей сказать, что своевременно, о столь опасно пренебрегаемомъ нами Тибетѣ. Утратить тамъ окончательно всякое вліяніе не трудно, вернуть потерянное—вопросъ далекаго будущаго...

Передъ Рокхилемъ потянулся Китай: густолюдный, примѣрно воздѣланный, медлительный во всемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ величаво-спокойный. По условію съ извозчиками они за каждый день проволочки платили Рокхилю около 4 рублей; наоборотъ, за каждый выгаданный день онъ имъ прибавлялъ соотвѣтственно. Чуть позволялъ лунный свѣтъ, путники не мѣшкали и пользовались имъ какъ желаннымъ союзникамъ,—тѣмъ болѣе что кругомъ пошаливали разбойники, и это не дозволяло довѣряться темнотѣ.

На ночлегахъ было мало удобства и пріятности: приходилось въѣзжать въ широкій дворъ, переполненный крикливымъ народомъ гостиницы, съ кухней на улицу и комнатками для проѣзжающихъ внутри, дворовымъ навѣсомъ для распряженныхъ животныхъ, неумолкающимъ гамомъ и острымъ зловоніемъ. Отъ накаливаемой жаровни въ закрытомъ помѣщеніи просто становилось душно.

Вотъ и „Великая Стѣна",—на порогѣ Шансійской провинціи,—осталась позади одинокого изслѣдователя. Показалась мѣстность, богатая углемъ и желѣзомъ, но бѣдная водой и неподдающаяся

правильному орошенію. Жители неутомимо обрабатываютъ всякій годный клочекъ земли и все-таки голодное бѣдствіе часто повторяется. Благодатная лёссовая почва (желтоземъ) есть, но отсутствіе влаги положительно пагубно. Кое-гдѣ убогое населеніе гнѣздится въ пещерахъ на предгорьяхъ, жалко по образу жизни и зависимости отъ дождей. Опасенія засухи, вѣроятно, развили въ шансійцахъ бодрый коммерческій духъ, заставившій ихъ раскинуть свою торговую дѣятельность далеко по Монголіи и Тибету. Рокхиль хвалитъ туземную привѣтливость, общительность.

Подвигаясь на западъ, онъ обогналъ посольство, состоявшее изъ нэпальцевъ, которые возвращались на далекую родину изъ Пекина. Инородцы туда охотно ходятъ (якобы на поклоненіе богдыхану), потому что это даетъ имъ право безпошлинно привозить и увозить много товаровъ, да кромѣ того долго жить на счетъ китайскаго правительства. Такой исконный обычай привораживанія окраинныхъ обитателей издавна существуетъ въ Небесной имперіи.

Американецъ-путешественникъ свыше мѣсяца ѣхалъ отъ столицы до Лань-чжоу-фу, главнаго города провинціи Гань-су. Разстояніе равнялось приблизительно половинѣ дороги до Лхасы, то-есть свыше двухъ тысячъ верстъ. На всемъ этомъ громадномъ протяженіи полуголодные пѣшіе погонщики муловъ то и дѣло удивляли Рокхиля незнаніемъ того, что̀ значитъ усталость. Добравшись сюда, онъ пріютился у прекрасно устроившагося бельгійскаго миссіонера и началъ вглядываться въ окружающія условія. Пунктъ оказался крайне интереснымъ.

Здѣсь—узелъ, связывающій стратегическую дорогу въ Туркестанъ (который еще недавно отсюда управлялся), телѣжную дорогу въ Кашгаръ, Кульджу, Кобдо, наконецъ, наиудобнѣйшую дорогу въ Тибетъ, хотя ею почему-то очень мало пользуются.

Въ главномъ городѣ области, куда понемногу все больше и больше проникаетъ европейская цивилизація, китайцы попытались завести оружейный и пушечно-литейный заводы со своими техниками, обучавшимися въ Европѣ или Америкѣ. Въ городѣ же до послѣдняго времени существовала обширная суконная фабрика, изготовлявшая простыя сукна и разныя грубыя матеріи для снабженія войскъ, расположенныхъ въ отдаленнѣйшихъ частяхъ имперіи, на западныхъ инородческихъ окраинахъ.

Мѣстный генералъ-губернаторъ пытался оживить промышленность края обработкой громаднаго количества очень дешевой шерсти, которую можно скупать у монголовъ и тибетцевъ. Съ этой цѣлью и была построена упомянутая фабрика, съ этою цѣлью ее и снабдили машинами. Но беззаботность, въ связи съ нечестностью предпринимателей, окончательно погубили это дѣло.

Въ провинціи Гань-су только русскіе въ концѣ 80-хъ годовъ являлись иностранными купцами. Послѣ того какъ наша торговля съ успѣхомъ пустила корни въ Монголіи и въ Китайскомъ Туркестанѣ, иные изъ нашего болѣе предпріимчиваго купечества открыли склады въ пяти главнѣйшихъ городахъ вышеуказаннаго района: въ Су-чжоу, [1]) Гань-чжоу, Лянь-чжоу, Сининѣ и въ самомъ Лань-чжоу; но мѣстныя власти и мѣстное купечество слишкомъ непріязненно взглянули на эту инициативу, и въ моментъ проѣзда Рокхиля всѣ эти склады оказывались закрытыми повсюду, кромѣ главнаго города области...

Случилось это будто бы потому, что китайцы требовали отъ нашихъ купцовъ уплаты тѣхъ же самыхъ податей, какія платили и туземцы за право торговли. Но мы отъ этого отказывались, и въ надеждѣ, что нашъ посланникъ въ Пекинѣ заключитъ болѣе выгодное условіе съ китайцами о пересмотрѣ трактатовъ, примирились съ временнымъ закрытіемъ нашихъ складовъ. Изъ русскихъ товаровъ въ провинціи сбывались: красное, синее и фіолетовое сукна, платки, мѣдныя произведенія, спички, зеркала и т. п. Торговля не принимала никогда большихъ размѣровъ, такъ какъ ни одна изъ нашихъ фирмъ не торговала въ годъ болѣе чѣмъ на двадцать четыре тысячи рублей. Затрудненіе завязывать здѣсь прочныя коммерческія сношенія заключалось, между прочимъ, и въ томъ, что въ краю почти нечего покупать для экспорта, кромѣ ревеню и мускуса, и поэтому нашимъ коммерческимъ агентамъ приходилось просто отсылать вырученныя деньги чеками въ Ханькоу. Хотя англичане и выражали опасенія (напримѣръ, полковникъ Маркъ Белль въ очеркѣ: *The great Centr. As. trade route*, напечатанномъ въ *Proceedings of the Royal geogr. soc.*), будто наши товары грозятъ вытѣснить англійскіе изъ провинціи Гань-су, но едва ли это возможно, потому что всѣ англійскіе, американскіе и нѣмецкіе товары,

[1]) Этотъ пунктъ намъ открытъ по С.-Петербургскому трактату 1881 г.

въ томъ числѣ и наши, въ сущности проникаютъ въ область морскимъ путемъ и черезъ Ян-цзы-цзянъ.

Самую интересную часть (около четверти) населенія въ Гань-су составляютъ магометане. Они когда-то были гораздо многочисленнѣе, но страшныя послѣдствія возстанія на десятки тысячъ уменьшили ихъ число. Паника отъ кровавой правительственной расправы такъ велика и гнетъ до того силенъ, что цѣлыя семейства и теперь не рѣшаются вернуться домой, на старое пепелище. Эти магометане въ вѣроисповѣдномъ отношеніи—довольно странный народъ; религіи своей они почти не знаютъ и только въ немногихъ житейскихъ обычаяхъ руководятся требованіями „пророка" (напримѣръ, воздерживаются отъ свинины, отъ мяса животныхъ, убитыхъ иновѣрцами, отъ опіума и отчасти отъ вина). Надо замѣтить, что мѣстные мусульмане до сорокалѣтняго возраста не даютъ отростать бородамъ, чтобы не придавать себѣ слишкомъ солиднаго, патріархальнаго вида.

Обучаютъ среди нихъ ахуны, умѣющіе читать и писать по-арабски, но знаніе это очень неполно и Корана въ подлинникѣ они почти не понимаютъ, ограничиваясь переводомъ его на китайскій. Очень немногіе изъ нихъ ежедневно творятъ установленную молитву и совершаютъ установленное омовеніе. Такіе люди—въ большомъ почетѣ между своими единовѣрцами. Ганьсуйскіе мусульмане раздѣлены на два толка, извѣстные какъ бѣлошапочные и черношапочные. Странно сказать, но одна изъ причинъ раздѣленія заключается въ несогласіи относительно того, въ какомъ часу дня можно нарушать постъ Рамазана. Бѣлошапочные возжигаютъ куренія, по исконному китайскому обычаю, что черношапочными считается за идолопоклонническую ересь. Послѣдніе насчитываются главнымъ образомъ среди тюркскаго элемента, болѣе преданы исламу и болѣе фанатичны. Ихъ толкъ зародился въ прошломъ столѣтіи, будучи занесенъ къ нимъ однимъ проповѣдникомъ съ Запада; остальные же ихъ единовѣрцы живутъ у инородческой окраины Гань-су, по меньшей мѣрѣ съ XV вѣка. Множество магометанъ имѣетъ совершенно не китайскій типъ: орлиные носы, длинныя, овальныя лица и большіе глаза. О томъ, что происхожденіе ихъ чисто инородческое, достаточно, впрочемъ, свидѣтельствуетъ и безъ того историческая и этнографическая литература Небесной имперіи. [1]) Правительства они не

---

[1]) Это—средневѣковые «уйгуры», это—«салары» миньской династіи, смѣнившей монгольскую.

любятъ, часто возмущаются и причиняютъ вообще очень много хлопотъ мѣстному чиновничеству. Нашъ путешественникъ Г. Н. Потанинъ сообщалъ уже любопытныя свѣдѣнія объ этихъ мусульманахъ, видѣнныхъ имъ въ 24 деревняхъ на южномъ берегу Желтой рѣки, гдѣ они извѣстны подъ названіемъ „саларовъ" и состоятъ изъ остатковъ нѣкогда тамъ осѣдавшаго тюркскаго племени. Языкъ, на которомъ они говорятъ, вполнѣ понятенъ и звучитъ какъ родной для купцовъ, пріѣзжающихъ туда изъ далекой Кашгаріи. Нѣтъ-нѣтъ и заѣдетъ къ нимъ изъ Средней Азіи, изъ Самарканда или Бухары, а то и откуда-нибудь подальше, какой-нибудь ученый мулла. Особенно уважаются ими выходцы изъ Турціи, которую они называютъ Тарпатіей. На такого человѣка туземцы взираютъ положительно съ благоговѣніемъ; они почему-то думаютъ, что тамъ, гдѣ правитъ падишахъ, народъ пользуется безусловнымъ благополучіемъ, что тамъ не знаютъ о существованіи убійствъ и грабежей. Китайскіе мусульмане смотрятъ поэтому на дальніе, единовѣрные края, какъ на рай земной. Не тѣмъ-ли объясняется нѣкоторый все усиливающійся наплывъ китайскихъ богомольцевъ, направляющихся въ Мекку (такъ-называемыхъ хаджи), которые часто встрѣчаются, впрочемъ, и на линіи Закаспійской желѣзной дороги. Нѣсколькихъ таковыхъ мнѣ лично пришлось тамъ видѣть осенью 1889 года. Этотъ элементъ надо имѣть въ виду, если обратить рано или поздно вниманіе на пути, ведущіе отъ сферъ нашего вліянія къ Тибету.

Когда Рокхиль достигъ Лань-чжоу, какъ разъ близился китайскій Новый годъ и ему затруднительно было двигаться дальше, по направленію къ городу Синину, но на проволочку онъ не жаловался, такъ какъ съ пользою провелъ время, бесѣдуя съ управляющимъ русскаго склада, долго жившимъ въ Монголіи и хорошо ее знавшимъ. Разговоръ между нашимъ соотечественникомъ и американскимъ путешественникомъ происходилъ по-китайски.

Наконецъ, когда празднество миновало и смолкъ шумъ, обычный для этого времени года, Рокхиль нанялъ трехъ муловъ для своего багажа и купилъ себѣ пони. Январь уже былъ на исходѣ. Цѣль путешественника была гдѣ-нибудь дальше организовать маленькій караванъ и двинуться хухунорскою степью по направленію къ Тибету. Послѣ долгихъ переѣздовъ въ тряской телегѣ, въ которой пришлось ѣхать изъ Пекина, ѣзда верхомъ произвела

на Рокхиля самое хорошее дѣйствіе. Одинъ бельгійскій миссіонеръ отправился его проводить недалеко отъ Лань-чжоу, до Желтой рѣки.

Мѣстность приняла уже совершенно другой характеръ, во многихъ пунктахъ была совершенно негодна для земледѣльческой культуры и даже вовсе не имѣла жителей; гдѣ же они встрѣчались, тамъ повсюду виднѣлись слѣды ирригаціи и ясно было, что приложенъ громадный человѣческій трудъ для обработки скудной и мало благодарной почвы. Хотя Рокхиль слѣдовалъ по области, уже успѣвшей значительно отдохнуть отъ прежнихъ возстаній, но всетаки нерѣдко чернѣли развалины, какъ скорбный памятникъ жестокаго разрушенія.

...И опять потянулась предъ путешественникомъ вдоль Желтой рѣки часть той же Великой стѣны. Мѣсто, гдѣ онъ находился (еслибы кто-нибудь провелъ линію съ сѣвера на югъ) представляло раздѣльную линію, гдѣ кончался чисто-китайскій составъ провинціи Гань-су и начиналась такъ-сказать полуинородческая территорія.

Китайцы селятся здѣсь въ городахъ и большихъ долинахъ, инородцы же въ горахъ и падяхъ, невдалекѣ отъ двухъ большихъ горныхъ цѣпей, пересѣкающихъ край съ востока на западъ.

Проѣхавъ немного на юго-западъ отъ Лань-чжоу, Рокхиль послалъ въ горы человѣка съ письмомъ къ одному рекомендованному ламѣ, который могъ впослѣдствіи служить полезнымъ проводникомъ. Этотъ лама жилъ въ сунь-хуа-тинскомъ горномъ приставствѣ и замѣчателенъ былъ тѣмъ, что раньше сопровождалъ нашего путешественника Потанина въ теченіе двухъ лѣтъ. Этотъ лама будто бы хорошо зналъ всю мѣстность около Хуху-нора (Синяго озера).

Къ сожалѣнію, Рокхиль не распространяется подробнѣе о жителяхъ названнаго приставства, такъ какъ они представляютъ изъ себя любопытный образчикъ вышедшаго изъ Ордоса (къ сѣверу отъ Шэньсійской провинціи) монгольскаго племени, на которомъ въ религіозномъ отношеніи сильно отпечатлѣлась тибетская культура, хотя населеніе усвоило и языкъ и одежду жителей Небесной имперіи. Тѣмъ не менѣе по праздникамъ тамошнія женщины облекаются въ монгольскій нарядъ.

Посѣтившій эти края аббатъ Хюкъ (правда, довольно давно) находилъ туземцевъ людьми буйными и кровожадными, но Рокхиль

отзывается о нихъ, какъ о крайне миролюбивыхъ людяхъ и думаетъ, что приведенный отзывъ аббата проистекалъ отъ недоразумѣнія, кѣмъ собственно населено сунь-хуа-тинское приставство, такъ какъ подобный отзывъ примѣнимъ лишь къ близь живущимъ тибетцамъ у Ганьсуйскаго рубежа. Жители приставства, въ количествѣ отъ полутора до двухъ тысячъ человѣкъ,—ревностные буддисты и имѣютъ нѣсколько монастырей. Ихъ главный доходъ заключается въ разведеніи пользующихся извѣстностью муловъ. Тамъ живъ еще былъ въ 1888 г. прославившійся въ европейской литературѣ путешествій Санданъ Джимба (тогда уже старикъ), сопровождавшій Гюка на его пути въ Лхасу, а также и Г. Н. Потанина. Этотъ туземецъ считался (вѣроятно, лишь номинально) христіаниномъ...

Мѣстами на пути Рокхилю попадались золотоискатели, но говорятъ, что промывка драгоцѣннаго металла даетъ имъ весьма малые барыши, такъ что, по мнѣнію народа, лишь тотъ берется за это занятіе, кому уже нечего терять, кто все испробовалъ.

Тибетъ и вообще Центральная Азія изобилуютъ золотомъ: несмотря на первобытные способы его промывки, въ общемъ идетъ въ обращеніе немало мѣстнаго драгоцѣннаго металла. И китайцы, и ламы неодобрительно смотрятъ на добываніе золотого песка, считая, что это вредно вліяетъ на разные земные флюиды. Такое туземное воззрѣніе еще въ средніе вѣка было извѣстно посѣтившему Монголію монаху Рубруквису.

Слѣдуя изъ Лань-чжоу, чрезъ городъ Нянь-бо, къ городу Синину, Рокхиль встрѣтился и соединился въ одномъ мѣстѣ съ караваномъ, шедшимъ отъ Урги. Есть основаніе предполагать, что, такъ какъ въ числѣ ѣхавшихъ оттуда были монголы (изъ предѣловъ, близкихъ нашему Забайкалью), американцу попались въ спутники, между прочимъ, и наши буряты, въ значительномъ количествѣ направляющіеся къ тибетскимъ святынямъ. Предположеніе это тѣмъ основательнѣе, что Рокхиль говоритъ о большой состоятельности этихъ богомольцевъ, о богатыхъ подаркахъ, которые они везли съ собою, о томъ, что онъ и дальше, на своей дорогѣ, навѣрно встрѣчалъ имъ подобныхъ во всѣхъ главныхъ монастыряхъ. Приношенія этихъ монголо-бурятъ заключались въ серебрѣ, верблюдахъ, коняхъ, бархатѣ и т. п.

Вскорѣ американецъ прибылъ въ городъ Си-нинъ, центръ области, откуда расходятся важныя дороги къ Хуху-нору и Тибету, къ Желтой рѣкѣ и провинціи Сы-чуань.

Уже Марко Поло говоритъ о Си-нинѣ, какъ о важномъ пунктѣ. Но только почти всѣ путешественники, упоминая о немъ (въ томъ числѣ и жившій въ Тибетѣ предпрошлаго вѣка миссіонеръ Гораціо делла Пенна), называютъ городъ по тибетско-монгольскому произношенію не Си-нинъ, а Силинъ.

Очень курьезныя свѣдѣнія сообщаются Рокхилемъ о положеніи торговли въ Си-нинѣ. Она будто бы столь убога, что только двѣ-три фирмы выручаютъ въ годъ до двухъ тысячъ рублей, а большинство торговцевъ довольствуется ежегоднымъ барышемъ въ сто рублей или въ двѣсти. Торгуютъ тамъ преимущественно сырьемъ (шерстью, мускусомъ, ревенемъ, овчинами, мѣхами, золотомъ и солью изъ Цайдама),—между прочимъ находятъ нѣкоторый сбытъ и русскій сафьянъ, называемый по-тибетски и монгольски „булгарь“, писчая бумага, перья и ручки для нихъ, особенно цѣнимыя ламами.

Въ этомъ раіонѣ населеніе уже болѣе проникнуто духомъ ислама. Здѣсь впервые Рокхилю пришлось увидать, что женщины закрываютъ лицо темно-синимъ или чернымъ покрываломъ (точно въ старомусульманскихъ странахъ), что гостя привѣтствуютъ, принося ему пищу, выпивая съ нимъ вина, ведя его коня подъ уздцы (въ моментъ пріѣзда и отъѣзда), держа ему стремя, помогая ему сѣсть верхомъ,—то-есть, иными словами, держась такихъ обычаевъ, которые чужды китайцамъ.

Въ Си-нинѣ и по сосѣдству съ нимъ есть особый классъ людей, такъ-называемыхъ торговыхъ посредниковъ между тибетцами и монголами, языкомъ которыхъ они владѣютъ вполнѣ, дѣлами которыхъ они издавна завѣдуютъ, тѣсныя сношенія съ которыми ими издавна поддерживаются. Классъ этотъ—почти наслѣдственный. Вліяніе, которымъ они пользуются среди тибетцевъ и монголовъ (въ связи съ умѣньемъ эксплоатировать свое знаніе инородческихъ обычаевъ) весьма велико. Рокхиль приналялъ себѣ даже человѣка изъ этого класса и очень остался доволенъ его практическими указаніями.

Въ Си-нинѣ есть свой губернаторъ (амбань), завѣдующій инородцами при Хуху-норѣ. Онъ—родомъ маньчжуръ, и представитель императорской власти, чуть только рѣчь заходитъ объ управленіи краемъ и о представительствѣ на разныхъ торжествахъ религіознаго характера, гдѣ присутствуютъ инородческіе вожди. Власть его простирается не только на вышеназванное

озеро, но и на Цайдамъ и на весь сѣверо-восточный Тибетъ, до верховьевъ Голубой рѣки.

При этомъ губернаторѣ—цѣлый штатъ чиновниковъ, весьма тяжелымъ бременемъ ложащійся на окрестное населеніе, такъ какъ имъ поручено развозить повсемѣстно приказанія начальства, улаживать ссоры между племенами, собирать дань и т. д. Имъ полагается ничтожное жалованье (около 4 руб. въ мѣсяцъ) и потому (а конечно, еще болѣе въ силу обычая) эти мелкіе чиновники ухитряются высасывать каждый ежегодно по нѣскольку тысячъ рублей изъ народа. Средства, которыми они для этого пользуются, довольно простыя: чиновникъ, отправляющійся по казенной надобности куда-нибудь за предѣлы внутренняго Китая, долженъ получать отъ инородцевъ извѣстное число провожатыхъ, верховыхъ и вьючныхъ животныхъ, ночлегъ и прокормленіе; ему нѣтъ надобности пользоваться столь большимъ количествомъ выставляемыхъ людей и животныхъ, взамѣнъ чего съ жителей прямо берется опредѣленное количество денегъ; вдобавокъ, командированный везетъ много разнаго товара, не платитъ ничего за провозъ и продаетъ вещи съ громаднымъ барышемъ. Такіе разъѣзды длятся иногда чуть-ли не годъ.

Есть, впрочемъ, и другой источникъ грубой наживы. По распоряженію правительства, китайцы, желающіе торговать съ инородцами за предѣлами провинціи Гань-су, должны брать паспортъ у амбаня, платя по 4 руб. за каждаго приказчика, котораго они намѣрены взять съ собою. Срокъ паспорта истекаетъ послѣ сорока дней: значитъ, имъ невозможно уходить далеко въ сторону и раскидывать сѣть своихъ коммерческихъ операцій,— иначе чиновники конфискуютъ все имущество купцовъ, да еще тяжело оштрафуютъ провинившихся. Чтобы не попадаться, торгующіе китайцы дарятъ штатъ амбаня...

Результатъ такого рода административныхъ дѣйствій налицо. Во-первыхъ, нерѣдко случается, что измученные вѣчными постоями туземцы возмущаются противъ своихъ притѣснителей и приходится для усмиренія ихъ прибѣгать къ военной силѣ. Во-вторыхъ, гнетъ, наложенный на купечество, фактически почти убилъ открытую торговлю между провинціей Гань-су и смежными инородцами, развивъ въ то же время контрабанду въ сѣверо-западной части провинціи Сы-чуань, причемъ оттуда тайно провозится особенно много чаю.

Самъ амбань рѣдко переходитъ за черту инородческихъ владѣній,—и то для посѣщенія буддійскихъ монастырей, и однажды въ годъ—для пріема монгольскихъ князей... Тогда онъ распредѣляетъ между ними, отъ имени богдыхана (согласно стародавнимъ установленіямъ) бархатъ, вышитые халаты, ножи и т. п., убѣждая инородческихъ вождей сохранять вѣрность престолу. Они обѣщаютъ это, взирая по направленію къ Пекину, и приглашаются на пиръ, нарочно устраиваемый по этому случаю. Это называется „отдавать малую дань"; „большою" же называется та дань, когда они разъ въ три года сами ѣздятъ въ Пекинъ съ подарками и лично присягаютъ на вѣрность императору.

Иногда близь одной снѣжной вершины къ сѣверу отъ Хухунора амбань возноситъ молитвы и совершаетъ жертвоприношенія въ честь духовъ озера. При этомъ присутствуютъ монгольскіе вожди, за что̀ ихъ соотвѣтственно отдариваютъ.

IX.

Когда Рокхиль былъ въ Си-нинѣ, губернаторомъ былъ нѣкій чиновникъ, ранѣе занимавшій постъ, такъ-сказать, министра резидента въ Лхасѣ и отличавшійся крайнею непріязнью къ иностранцамъ. Осторожность требовала отнюдь не попадаться ему на глаза, и потому американскаго путешественника непріятно поразило появленіе въ занятой имъ гостиницѣ трехъ полицейскихъ, съ приказаніемъ ему заявить начальству, откуда онъ, куда ѣдетъ, чѣмъ занимается и т. д. Разгласить это значило бы разстроить свои дальнѣйшіе дорожные планы и потому Рокхиль чуть свѣтъ поспѣшилъ покинуть Си-нинъ, чтобы въ степи сразу почувствовать себя на свободѣ.

Отправляясь туда, Рокхиль снарядился уже монголомъ. Онъ одѣлъ неуклюжій костюмъ кочевника и мѣховую шапку, гладко выбрилъ какъ голову, такъ и лицо. Сопровождавшіе его раньше монголо-буряты и тутъ оказались желанными спутниками американца.

...Китай точно совсѣмъ отошелъ отъ нихъ куда-то въ даль. Перемѣна была просто разительная. На пути уже не попадались одѣтые въ синее китайцы, съ длинными косичками. Народъ, одежда,—все стало иное. По сторонамъ виднѣлись монголы на коняхъ или верблюдахъ, въ бараньихъ тулупахъ, въ большихъ

мѣховыхъ шапкахъ, или же въ желтыхъ и красныхъ ламскихъ халатахъ. Постоянно встрѣчались богомольцы изъ Тибета, жители сѣверныхъ отъ Си-нина долинъ, одѣтые въ бѣлое шерстяное платье, подобранное до колѣнъ.

Женщины, по внѣшности ничѣмъ почти не отличавшіяся отъ мужчинъ, приближаясь къ обозначавшемуся впереди монастырю Гумбуму, кокетливо принарядились въ зеленые атласистые халаты и навѣшали себѣ на шею и на голову множество серебряныхъ украшеній. Мѣстность приняла оригинально-живописный характеръ. На фонѣ тянулись длинною, темною грядой обнаженныя и зубчатыя вершины горной цѣпи, называемой на европейскихъ картахъ южно-хухунорскимъ кряжемъ. Пройдя около двадцати трехъ верстъ, путники свернули къ вышеназванному монастырю, издали уже посвѣчивавшему золотыми крышами храмовъ, пестрѣвшему краснымъ и зеленымъ цвѣтомъ стѣнъ. Низкіе дома, съ плоскими крышами, на половину скрытые за бѣлыми оградами, правильными линіями сгруппировались вокругъ кумиренъ; это были дома тѣхъ *трехъ тысячъ* ламъ, которые постоянно обитаютъ въ Гумбумѣ. Тутъ же виднѣлась деревня съ китайско-тюркскимъ населеніемъ. Она называется Люзаръ, насчитываетъ приблизительно 800 жителей.

Густая толпа двигалась по базару между селеніемъ и монастыремъ; цѣлыя вереницы тибетскихъ яковъ и ряды верблюдовъ постоянно проходили на этомъ пространствѣ, усѣянномъ палатками прикочевывающаго и откочевывающаго народа.

Люзаръ на половину населенъ мусульманами и сталъ значительнымъ пунктомъ лишь за послѣднія сорокъ лѣтъ. Этимъ объясняется, что о немъ умалчиваетъ аббатъ Хюкъ, посѣтившій Гумбумъ въ 50-хъ годахъ. Рокхиль яркими красками рисуетъ картину оживленнаго монастыря, въ которомъ сходятся разноязычные и разноплеменные элементы (отъ богомольцевъ и ламъ до нищихъ и купцовъ), въ самыхъ разнообразныхъ одеждахъ и головныхъ уборахъ.

...Красныя шапки, отороченныя овчинкой, то и дѣло мелькаютъ около лисьихъ шапокъ и темно-красныхъ тюрбановъ. Одежды, отороченныя шкурой леопарда или тигра, постоянно выдѣляются около цвѣтныхъ, темно-красныхъ и зеленыхъ женскихъ кафтановъ. Въ лѣвомъ ухѣ мужчинъ нерѣдко можно видѣть круглыя, серебряныя кольца, украшенныя бирюзой и кораллами. Одинаковыя украшенія, но только гораздо болѣе массивныя, излюблены

туземными женщинами, у которыхъ волосы заплетены въ громадное количество мелкихъ косъ, ниспадающихъ имъ на плечи. Въ видѣ головнаго убора къ волосамъ прикрѣплены три широкія атласныя ленты краснаго цвѣта съ серебряными привѣсками и небольшими раковинами (привозимыми изъ Индіи, чрезъ Лхасу), а также съ бирюзой, кораллами или стеклянными бусами. И мужчины, и женщины носятъ на шеѣ металлическіе талисманы. [1]) У нѣкоторыхъ женщинъ на головѣ—красные платки.

Дикіе, длинноволосые и невообразимо-грязные „кхамба“ (т. е. жители области Кхамъ) изъ восточнаго Тибета, съ большими прямыми мечами и четками на шеѣ, сурово поглядываютъ по сторонамъ, вращаясь среди пестрой, шумной толпы. Къ числу пришельцевъ издалека надо причислить высокихъ тибетцевъ изъ Лхасы и отдаленнѣйшаго Тибета, съ китайскою косичкой и въ темной одеждѣ, отороченной леопардовою шкурой. Безчисленные ламы, въ красномъ платьѣ, съ обнаженными правыми руками, съ накидками на бритыхъ головахъ (для огражденія себя отъ солнца) попадались положительно на каждомъ шагу и въ лавкахъ, и на улицѣ. Оказывается, что къ нимъ постоянно (зачастую, на разстояніи мѣсяца пути) съѣзжаются родственники и друзья. Вся эта сбродная, довольно праздная, скученная толпа наводняетъ базаръ, смотритъ у торговцевъ выставляемые на продажу предметы, колокольчики и трубы, для совершенія различныхъ кумиренныхъ служеній, мѣдныя чашечки для безкровной жертвы богамъ, и всякую иную кумиренную утварь. Если кому надоѣстъ на это смотрѣть, онъ идетъ, гдѣ продаются прочные кожаные сапоги и всякіе другіе привозные товары...

Появленіе каждаго новаго человѣка до того незамѣтно этой простодушной толпѣ, что Рокхиль часами бродилъ между ними и никто не обращалъ на него никакого вниманія. Иные принимали его за мусульманина, другіе за монголо-бурята или вообще за выходца изъ русскихъ предѣловъ. О чемъ онъ кого ни спрашивалъ, всѣ ему отвѣчали вѣжливо, никто не дѣлалъ относительно его никакихъ непріятныхъ замѣчаній, словомъ, онъ чувствовалъ себя тутъ, въ глуши Азіи, пожалуй, еще сохраннѣе, чѣмъ въ приморскомъ китайскомъ городѣ. Даже и китайцы, проживающіе

---

[1]) Сенъ-Хединъ въ своемъ послѣднемъ путешествіи по Тибету тоже, кромѣ буддійскихъ четокъ, надѣлъ себѣ на шею «гаво» (Amulettfuteral) съ бурханомъ.

здѣсь, за все то время, что Рокхиль пробылъ въ Гумбумѣ (а онъ жилъ около полутора мѣсяца), и тѣ относились къ нему крайне привѣтливо. Благодаря своему знанію китайскаго языка, американецъ имѣлъ полную возможность выпытывать все то, что ему хотѣлось знать относительно задуманнаго путешествія.

Разгуливая съ толпой по базару, Рокхиль не забывалъ заходить иногда въ черту храмовыхъ построекъ и дѣлать видъ, что такъ же, какъ и толпа, съ благоговѣніемъ относится къ святыни. Съ этою цѣлью онъ вращалъ такъ-называемыя „молитвенныя колеса“, большіе металлическіе цилиндры (при кумирняхъ), наполненные священными формулами. Каждый поворотъ такого „колеса“, по мнѣнію буддистовъ, служитъ къ спасенію души вращающаго. Формулы, заключенныя въ подобныхъ цилиндрахъ, якобы сами собою читаются за ревнителя и освобождаютъ его отъ иныхъ содѣянныхъ прегрѣшеній. Рокхиль рѣшилъ, что чисто механическое участіе въ простодушномъ культѣ народа нисколько не умалитъ его собственнаго достоинства, какъ образованнаго европейца.

Благодаря своему инкогнито, онъ имѣлъ возможность видѣть Гумбумъ и съ его яркихъ, и съ его неприглядныхъ сторонъ,—тѣмъ болѣе что путешественникъ охотно отрывался отъ наблюденій за уличною жизнью и въ чертѣ храмовъ сразу вступалъ въ совершенно другой міръ, который открывался передъ очами, чуть только прямо за ней посѣтитель находилъ бѣлые, съ позолотой субурганы, то-есть своего рода памятники, воздвигнутые благочестіемъ буддійскаго населенія, — чуть только непосредственно близко подымались златоверхія кумирни...

Довольно странное чувство нужно было испытывать, удаляясь отсюда (изъ тишины ограды, гдѣ въ таинственномъ покоѣ пребывали буддійскія божества) снова на базаръ въ суету и оживленіе, гдѣ торговцы выгодно сбывали легковѣрнымъ инородцамъ четки и зеркальца, маленькихъ бурхановъ и пуговицы, шелкъ и куренія, соль и деревянныя чашечки для нераздѣльныхъ пищи и питья. Иностранныхъ товаровъ почти не замѣчалось,—если не считать коробочекъ съ плохими спичками, русской кожи, японскихъ фотографій,—европейскихъ иголокъ. Толпа любила сдвигаться вокругъ лавочки, гдѣ продавалась всякая аптечная снѣдь, до которой тибетцы и монголы—большіе охотники. По временамъ народъ разбѣгался въ стороны, при появленіи нѣсколькихъ ламъ, съ черными значками на лбу и правыхъ рукахъ. Они выходили на торжище, по

приказанію духовнаго начальства, вооруженные тяжелыми бичами, и немилосердно били встрѣчавшихся по дорогѣ. Это были такъ-называемые гысгуи (или гэбгуи), ламы — блюстители, обязанные надзирать за кумиреннымъ порядкомъ и за поведеніемъ подчиненныхъ мѣстному духовному начальству лицъ, посвятившихъ себя Буддѣ. Появленіе ихъ среди народа свидѣтельствовало о томъ, что глава монастыря провѣдалъ, вѣроятно, о ведущейся гдѣ-нибудь тайно азартной игрѣ или иномъ непорядкѣ и послалъ наказать виновныхъ. Быстрая расправа въ подобныхъ случаяхъ обыкновенна.

Рокхиль съ пользой провелъ шесть недѣль при Гумбумѣ; ибо, благодаря своему инкогнито, вглядываясь въ строй народной жизни, ежеминутно видѣлъ ее съ самыхъ разнообразныхъ сторонъ (даже въ ея потаеннѣйшихъ уголкахъ). Только такъ и важно изучать малоизслѣдованныя части азіятскаго міра. Всякое иное отношеніе къ нимъ нерѣдко ведетъ къ до-нельзя ошибочнымъ и обманчивымъ сужденіямъ.

Въ златоверхомъ мѣстномъ храмѣ высились громадные бурханы изъ позолоченной бронзы: по срединѣ—Готама Будда, то-есть, самъ „богъ-учитель", налѣво Дипанкара [1]) Будда („свѣтозарный" бурханъ, проповѣдовавшій міру до появленія Шакья-муни), направо Цзонхава (или какъ тоже произносятъ Цзонхаба, Зонхова) великій реформаторъ сѣвернаго буддизма, жившій съ XIV на XV столѣтіе, и извѣстный въ Гумбумѣ подъ названіемъ „Чжэ — риньпочэ". Эти три объекта культа съ трудомъ можно было разсмотрѣть среди слабо освѣщеннаго и закрытаго для посѣтителей зданія. Американецъ увидѣлъ ихъ съ дворовой площадки, на которой ламы издали падали ницъ передъ „бурханами". По наблюденію Рокхиля, внѣшній и внутренній видъ здѣшнихъ храмовъ одинаковъ съ тѣмъ, которымъ отличаются буддійскіе монастыри сѣвернаго Китая. Архитектурный стиль китайскій.

Близъ златоверхаго капища помѣщается другое, съ зеленою крышей и красноэелеными стѣнами. Предъ нимъ среди „молитвенныхъ колесъ", за деревянною оградой растетъ „священное бѣлое сандаловое дерево" (занданъ гарбо). Въ кумирнѣ находится высокій престолъ съ изображеніемъ реформатора Зонховы [2])

---

[1]) Это—его санскритское названіе: по-тибетски —Мармезадъ. Одно произнесеніе столь священнаго имени должно очищать отъ многихъ грѣховъ.

[2]) Ламаиты его величаютъ «Богдо Зонхова».

(въ половину роста человѣческаго, изъ чистаго золота) и расположеннымъ у его подножія алтаремъ, на которомъ воспламенены безчисленныя лампады, лежатъ приношенія изъ сластей и сушеныхъ фруктовъ, стоятъ чашечки съ водой. Съ потолка свѣшиваются обыкновенные въ этихъ краяхъ „хадаки", — шелковые платки самаго разнообразнаго качества и величины, которые дарятся въ знакъ искренняго привѣта и любви. Маленькіе платочки постоянно сюда приносятся ревнителями для того, чтобы класть ихъ на руки глубокочтимаго „бурхана". Съ цѣлью принятія такихъ даровъ къ нему приставленъ особый лама.

Рокхиль довольно много времени посвящалъ осмотру буддійскихъ храмовъ. Обходя ихъ извнѣ, онъ всегда оставлялъ „святыню" справа, такъ какъ обходить ее иначе, по-туземному обычаю, считается оскорбленіемъ ея. Китаецъ-слуга, привезенный путешественникомъ съ собою, чуть не попалъ въ бѣду, потому что не обратилъ вниманія на это важное для населенія правило: отправившись разъ мимо кумирни, имѣя ее отъ себя съ лѣвой стороны, онъ не успѣлъ сдѣлать нѣсколькихъ шаговъ, какъ ревнители съ негодованіемъ остановили нечестивца и начали уяснять ему всю непристойность его поступка.

Въ Гумбумѣ есть удивительная достопримѣчательность, находящаяся въ небольшомъ дворикѣ, за высокою оградой. Тамъ — три дерева, выросшія изъ одного корня, окруженныя кумирнями и имѣющія около 25—30 футовъ высоты. На листвѣ средняго [1]), вотъ уже нѣсколько столѣтій, появляются изображенія разныхъ Буддъ и Зонховы, на корѣ же виднѣются тибетскія буквы, образующія то или иное заклинаніе. Въ 1887 г. я привезъ изъ-за Байкала данный мнѣ въ Цугольскомъ дацанѣ (Агинскаго вѣдомства) престарѣлымъ ламою Тарба Ивановымъ кусочекъ знаменитаго дерева, который теперь переданъ мною въ этнографическій музей при Императорской Академіи Наукъ и заботливо сохраняется подъ витриной, завернутый въ желтоватую шелковую тряпицу. Если ее развернуть и внимательно вглядѣться въ сухую потрескавшуюся кору, то на ней, дѣйствительно, какъ жилки проступаютъ странныя очертанія. Другой гораздо бо́льшій *прекрасно сохранившійся кусокъ* я досталъ черезъ десять лѣтъ, и онъ теперь на-

---

[1]) Наши инородцы говорятъ, что чудесное дерево бѣлый кипарисъ; но это, кажется, невѣрно.

ходится въ этнографическомъ отдѣлѣ музея Императора Александра III. Рокхилю удалось (хотя и съ большимъ трудомъ) купить нѣсколько старыхъ сломанныхъ листьевъ, но на нихъ ничего не замѣтно [1]). Однако, по свидѣтельству магометанъ, видѣвшихъ дивное дерево, когда оно зеленѣетъ (а магометанъ этихъ врядъ-ли можно заподозрить въ желаніи преувеличивать значеніе языческой святыни), на листвѣ будто бы дѣйствительно проступаютъ изображенія бурхановъ. Аббатъ Хюкъ утверждаетъ, что самъ видѣлъ на деревѣ письмена. Въ 1577 г. Далай-лама (какъ я слышалъ отъ бурятъ) лично соорудилъ при немъ кумирню, пожертвовавъ на это много серебра.

Рядомъ съ оградой, вокругъ описанной достопримѣчательности, стоитъ сокровищница гумбумскаго монастыря. При входѣ въ ея дворъ, на воротахъ обозначаются нарисованныя человѣческія руки, ноги, головы и кожа со струящеюся кровью. Далѣе подъ широкимъ навѣсомъ мелькаютъ картины божествъ — хранителей (въ грозномъ для грѣшниковъ, отвратительномъ видѣ) со змѣями, черепами, кожами, содранными съ людей, костями и пламенемъ, причемъ подлѣ этихъ страшилищъ еще красуются ихъ спутники, съ головами быковъ, псовъ и орловъ.

Сокровищница представляетъ изъ себя зданіе малыхъ размѣровъ, довольно темное внутри, — такъ что Рокхиль едва могъ различать скопленныя тамъ рѣдкости: серебряныя чаши, золотыхъ, серебряныхъ и бронзовыхъ кумировъ, живописныя произведенія фантастически-религіознаго характера, великолѣпно разрисованныя рукописи, ковры, парчу, вазы cloisonné и курильницы. Всего такъ много, что положительно можно бы составить цѣлый музей.

Американцу показали большую серебряную чашу, пробитую пулей въ періодъ послѣдняго мусульманскаго возстанія окрестъ, когда жители монастыря, вооруженные саблями и ружьями, оборонялись отъ нападавшихъ иновѣрцевъ и сотнями умирали на порогѣ своихъ кумиренъ или предаваемыхъ пламени жилищъ. Мятежники почему-то снисходительнѣе обошлись съ Гумбумомъ, чѣмъ съ другими религіозными центрами, пощадивъ и внутренность

[1]) По словамъ бурятъ, буквы на листьяхъ выпуклы и очень ясны, пока осенью послѣднія не опадутъ, собираемыя ревнителями.

храмовъ, и загадочныя деревья, даже не содравъ золотую оболочку съ крыши богатаго святилища.

Наблюденія Рокхиля надо всѣмъ видѣннымъ имъ такъ любопытны и цѣнны съ культурно-исторической точки зрѣнія, что на каждомъ шагу является возможность освѣщать различные вопросы и факты при помощи весьма значительной эрудиціи путешественника. Напримѣръ, говоря о теперешнемъ обычаѣ ламаитовъ ходить мимо кумирень, непремѣнно имѣя ихъ съ правой стороны (такъ какъ иначе грозитъ неблагополучіе), Рокхиль тутъ же кстати замѣчаетъ, что одинаково поступали и римляне, шествуя мимо своихъ храмовъ, при празднествахъ. Существующая въ Тибетѣ „бонбская" религія, исшедшая изъ принциповъ шаманизма, оказывается противуположною буддизму въ разныхъ отношеніяхъ,— между прочимъ, сравнительно и въ мелочахъ: напримѣръ, въ вопросѣ о томъ, какой руки держаться при обходѣ своихъ „святилищъ", ея жрецы,—подобно друидамъ и вообще народностямъ кельтской расы, — оставляютъ почитаемое мѣсто по лѣвую руку, ламаиты же,—какъ и древніе римляне, по правую.

До сихъ поръ полагали, что существованіе и культъ почти сказочнаго гумбумскаго дерева—нѣчто неслыханное; но по изысканіямъ Рокхиля, еще въ XIV столѣтіи арабскій путешественникъ Ибнъ-Батута упоминаетъ, что на Малабарскомъ берегу въ Индіи, во дворѣ одной мечети было дерево, называвшееся туземцами „свидѣтельствомъ вѣры". Ежегодно на немъ будто бы появлялся листъ съ начертаніемъ, сдѣланнымъ сверхъ-естественною силой и гласившимъ: „нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ посланникъ Божій". Прикосновеніемъ къ этой религіозной драгоцѣнности мѣстные мусульмане врачевали больныхъ. По словамъ бурятъ, въ Гумбумѣ тоже придаютъ цѣлебныя свойства сухимъ листьямъ тамошняго чудеснаго дерева. Для этого ихъ варятъ въ водѣ и пьютъ наваръ.

Наступалъ уже февраль мѣсяцъ, а Рокхиль все еще не успѣвалъ собраться въ дальній путь на Лхасу и невольно тяготился отсутствіемъ желаннаго разнообразія въ монастырской жизни, которая отмѣтилась лишь празднованіемъ въ Гумбумѣ 15-го числа перваго луннаго мѣсяца. Туда пріѣхалъ сининскій амбань, а съ нимъ нѣсколько другихъ вліятельныхъ китайскихъ чиновниковъ,

съ цѣлью присутствовать при освѣщеніи оригинальныхъ масляныхъ барельефовъ. Изготовленіемъ ихъ далеко славится монастырь. Они дѣлаются величиной въ 200 квадратныхъ футовъ, поддерживаются деревянною рамой, обставляются рядами маленькихъ лампочекъ. На лоснящемся и ярко озаренномъ фонѣ нарисованы (и притомъ крайне искусно) боги, картины различныхъ райскихъ жилищъ и адскихъ мученій. Посрединѣ непремѣнно выдѣляется какая-нибудь фигура въ половину роста человѣческаго, позади же въ еще меньшемъ масштабѣ—многолюдныя процессіи, сраженія и т. п. Мѣстные художники съ удивительною заботливостью трудятся надъ выясненіемъ всякой мелкой подробности, соотвѣтственно съ тѣмъ, чего требуетъ довольно вычурное туземное воображеніе. По бокамъ отъ барельефовъ развѣшиваются безчисленныя буддійскія хоругви и пестрые китайскіе фонарики.

Настоятель монастыря, съ братіей, пѣшкомъ вышелъ встрѣчать амбаня. Дорога окаймилась тысячною толпой сидящихъ ламъ. Китайскій сановникъ показался въ „зеленыхъ" носилкахъ, причемъ впереди несли желтый зонтикъ, цвѣтомъ обозначавшій высокое званіе окраиннаго представителя богдыханской власти. Доброконная свита, вооруженная копьями, по временамъ трубила въ рога, которымъ, по мѣрѣ приближенія шествія, зычно вторили длинныя монастырскія трубы и музыкальныя раковины.

Художники-ламы работаютъ иногда около трехъ мѣсяцевъ надъ изготовленіемъ масляныхъ барельефовъ, и все это дѣлается исключительно для того, чтобы заслужить похвалу окружающаго населенія и въ крайне рѣдкихъ случаяхъ получить маленькую денежную награду, въ видѣ преміи за высокое искусство. Ежегодно придумываются новые рисунки, и новые затѣйливые художники пытаются удивить народъ своею изобрѣтательностью. Хотя праздникъ освѣщенія такихъ барельефовъ пользуется повсемѣстнымъ распространеніемъ (разумѣется и у бурятъ), но нигдѣ даже въ Лхасѣ, не умѣютъ такъ обставить его, какъ въ Гумбумѣ. Правда, въ тибетской столицѣ, а именно въ мѣстопребываніи Далай-ламы, въ Будалѣ [1]), одинъ изъ храмовъ хранитъ якобы неизгладимые отпечатки въ маслѣ отъ руки и ноги великаго реформатора Зонховы. Богомольцы поклоняются имъ, какъ святымъ, и огромныя лампады постоянно горятъ предъ ними. Такого рода

---

[1]) Точнѣе писать «Потала»: рядъ чертоговъ на горѣ у Лхасы.

достопримѣчательность, конечно, по своему можетъ спорить съ заманчивостью, которую являютъ собой толпѣ искусно создаваемые гумбумскіе барельефы. Изготовляющіе ихъ ламы съ этою цѣлью ходятъ изъ монастыря въ монастырь и если кто-нибудь изъ нихъ уже пользуется заслуженною извѣстностью, то несомнѣнно можетъ разсчитывать повсюду на сердечный пріемъ, кровъ и угощеніе.

Китайскіе писатели дѣлятъ инородцевъ, обитающихъ вдоль границъ провинціи Гань-су, на кочевниковъ и осѣдлыхъ. Населеніе это по крови и языку скорѣе тибетское. Вліяніе монголо-тюркской и китайской народностей сравнительно не такъ уже велико и сильно сказывается только мѣстами. Для правительства Небесной имперіи этотъ инородческій элементъ, даже и при наклонности къ земледѣльческому быту, все-таки—ничто иное какъ „варвары“, „западные, черные, дикіе варвары“, Монголы называютъ ихъ „кара-тангутами“ (черными тибетцами), что обусловливается, можетъ-быть, жизнью въ палаткахъ такого цвѣта. Страна, населяемая этими инородцами, извѣстна подъ названіемъ Амдо,—отчего они и сами себя называютъ Амдо-ва, подраздѣляясь на цѣлый рядъ клановъ, подъ управленіемъ наслѣдственныхъ вождей, отвѣтственныхъ предъ сининскимъ амбанемъ за дѣйствія подданныхъ. Нѣкогда предки тангутцевъ жили у Алтайскихъ горъ, считались хорошими кузнецами, умѣли выдѣлывать шлемы, напоминаніе о чемъ можно усмотрѣть еще до сихъ поръ на головномъ уборѣ туземцевъ, сосѣднихъ Хуху-нору.

Иные изъ вождей получаютъ отъ амбаня извѣстный чинъ и шарикъ по степени ихъ важности. Часть инородцевъ въ этомъ краю обитаетъ въ сравнительно плодородныхъ долинахъ, другіе же, среди степей и возвышенностей, вкругъ упомянутаго „Синяго озера“. Обитающіе отъ него къ сѣверу стянуты подъ властью такъ-называемаго Конса-ламы, имѣющаго данный амбанемъ голубой шарикъ. Горцы къ югу отъ Хуху-нора въ сущности совершенно независимы и, когда среди нихъ появляется какой-нибудь китайскій чиновникъ, они отказываютъ ему во всякой подставѣ и ничего не платятъ. Хухунорскіе тибетцы не малы ростомъ и довольно худощавы; женщины среди нихъ часто выше мужчинъ. По характеру населеніе это безпечно, пре-

дано удовольствіямъ, понятливо и честно. Если туземецъ далъ слово, на него можно положиться. Обладая живымъ и повелительнымъ характеромъ, мѣстные инородцы бываютъ склонны къ ссорамъ и, подъ вліяніемъ опьяненія, которому они любятъ предаваться, доводятъ ихъ иногда до плохой развязки.

При свойственныхъ имъ коммерческихъ способностяхъ, они являются весьма серьезными конкурентами китайскихъ купцовъ, продавая въ значительномъ количествѣ овчины, шерсть, кожи яковъ, мускусъ, рысьи и лисьи мѣха, ревень и рога оленей. Хухунорцы рѣдко ходятъ торговать въ Си-нинъ, предпочитая сбывать товаръ на ярмаркахъ при своихъ ламскихъ монастыряхъ. Хотя сосѣди, китайцы и монголы, считаютъ здѣшнее тибетское населеніе богатымъ, но богатѣйшій между ними Конса-лама Арабтанъ имѣетъ всего имущества приблизительно на тридцать тысячъ рублей и оно состоитъ исключительно изъ лошадей, рогатаго и мелкаго скота. Любопытны, между прочимъ, мѣстныя цѣны: лошадей можно покупать за 20—100 р., яка—за 12, овцу—за 2 р. Верблюдовъ у хухунорскихъ тибетцевъ почти нѣтъ, такъ какъ эти животныя плохо уживаются въ гористой мѣстности и съ пользой могутъ быть замѣнены въ краю или яками, или такъ-называемыми „дзо", помѣсью между коровой и якомъ. Длинная и густая шерсть этихъ прекрасныхъ вьючныхъ животныхъ доставляетъ туземцамъ необходимый матеріалъ для ихъ палатокъ. На якѣ не только можно возить тяжести, но и ѣздить верхомъ. Чрезъ ноздри его продѣвается деревянное кольцо и чрезъ послѣднее проводится веревка, посредствомъ которой животнымъ управляютъ и за которую его привязываютъ по ночамъ.

Тибетскія палатки у Хуху-нора—очень большихъ размѣровъ. Крыши ихъ плоски, съ большими отверстіями для свѣта и дыма. Аббатъ Хюкъ, всматриваясь въ устройство и постановку этихъ оригинальныхъ жилищъ, сравниваетъ ихъ съ исполинскими черными пауками на длинныхъ тоненькихъ ножкахъ, въ данномъ случаѣ замѣняемыхъ веревками, прикрѣпляющими палатку къ столбамъ и землѣ. Порою, для обороны отъ вѣтра и снѣга, жилье обносится невысокою стѣной изъ глины и камней, или сухого навоза, хотя снѣгъ у Хуху-нора довольно рѣдкое явленіе и отъ него незачѣмъ особенно оберегаться.

Благодаря религіозности населенія и тутъ, какъ во всей ламайской Азіи, то и дѣло видишь около людскихъ обиталищъ,

кусочки тканей, прикрѣпленныхъ на шестахъ, съ начертанными на этихъ лоскутахъ молитвами къ богамъ, причемъ, когда ихъ колеблетъ вѣтеръ, подобныя благочестивыя движенія служатъ на пользу вызвавшимъ ихъ, угодны небесамъ, отгоняютъ демоновъ и отстраняютъ всякое несчастіе. Такія развѣвающіяся заклинанія называются „вѣтрогонными, воздушными конями“ (по-тибетски „лунь-да“) и распространены повсюду, гдѣ есть ламайская вѣра. Мнительные путешественники запасаются таковыми въ качествѣ надежнаго талисмана, прикрѣпляемаго къ ружью.

Разъ уже зашла рѣчь объ оружіи, нельзя не упомянуть, что мѣстные тибетцы сами по мѣрѣ возможности изготовляютъ его, а также порохъ и фитили, свинецъ же покупается у китайцевъ (зачастую прямо на вѣсъ серебра). Туземцы—хорошіе стрѣлки на близкомъ разстояніи, хотя Рокхиль никогда не видалъ, чтобъ они попадали въ движущійся предметъ. Холодное оружіе—не въ столь большомъ употребленіи, какъ, напримѣръ, въ восточно-тибетской провинціи Камдо, и если имѣется, то китайскаго происхожденія въ деревяныхъ ножнахъ.

Хухунорскіе тибетцы и большинство единоплеменныхъ имъ сосѣдей преимущественно питаются чаемъ и сухимъ поджареннымъ ячменемъ (цамбой). Въ видѣ лакомства къ этой ѣдѣ прибавляется кислое молоко, сыръ и вареная баранина. Кирпичный чай, истолченный въ порошокъ, бросается въ котелъ, въ кипящую воду, и варится около пяти минутъ (съ примѣсью небольшого количества соли). Живущіе въ палаткѣ собираются вокругъ очага, вынимаютъ изъ-за пазухи деревянныя чашечки (тѣ самыя, изъ которыхъ они очень рѣдко и умываются) и наполняютъ ихъ отваромъ. Взявъ пальцами щепотку масла изъ бараньяго желудка, наполненнаго имъ, это масло они опускаютъ въ свою чашечку и прибавляютъ еще туда же горсть цамбы. Послѣдняя смѣшивается съ чаемъ и съ масломъ въ катышокъ, который ѣдятъ, запивая отваромъ. Котелъ въ жилищѣ почти цѣлый день стоитъ полный, чтобы всякій, кто хочетъ, во всякое время могъ утолять голодъ. Если трапеза роскошна и судьба, напримѣръ, дала возможность полакомиться бараномъ, то положительно обглодываютъ всѣ косточки и только бараньи лопатки оставляются для ворожбы по линіямъ на костяхъ. По степени умѣнья у каждаго человѣка обгладывать кости тибетцы судятъ о томъ, насколько онъ практиченъ и что-нибудь изъ себя представляетъ. Засален-

нія руки потомъ обтираются о лицо, или же ими смазываются сапоги.

Среди населенія преимущественно развито единобрачіе, такъ какъ имѣть нѣсколькихъ женъ слишкомъ дорого стóитъ кочевникамъ, среди которыхъ за невѣсть уплачивается калымъ, по временамъ очень значительный (напримѣръ, за иную красавицу платится до 300 овецъ, 10 лошадей и 10 яковъ). Семьи немногочисленны: больше трехъ дѣтей рѣдко бываетъ. Старики не пользуются особеннымъ уваженіемъ, считаются обузой для своихъ близкихъ, влачатъ очень жалкое существованіе въ ожиданіи смерти. Умирающихъ прямо боятся и зачастую спрашиваютъ, не вздумается ли имъ, пожалуй, вернуться обратно: въ случаѣ утвердительнаго отвѣта, на голову несчастнаго набрасывается кожаный мѣшокъ для удавленія, ибо иначе есть основаніе предполагать, будто покойникъ и вправду возвратится съ цѣлью мучить оставшихся въ живыхъ. Мертвецовъ увозятъ куда-нибудь поодаль на возвышенности, въ мѣста, выбранныя ламами. Тѣла быстро пожираются звѣрями и хищными птицами, и это считается признакомъ того, что усопшій былъ человѣкъ добродѣтельный. Если трупъ долго остается не растерзаннымъ, возникаютъ подозрѣнія относительно глубокой порочности покойника.

По части ремеслъ хухунорскіе тибетцы почти ничего не производятъ, только обшивая себя и выдѣлывая овчины. Когда имъ нужны какія-нибудь металлическія издѣлія, на помощь являются странствующіе кузнецы-китайцы, и тутъ же въ кочевьяхъ мастерятся сѣдла, ножи, сабли, котлы и деревянныя чашечки. Какъ ихъ дѣлать—подсказываетъ, впрочемъ, вкусъ самихъ туземцовъ.

Маленькія лошади Хуху-нора славятся по всей Монголіи и всему сѣверному Китаю, отчасти въ виду ихъ скораго бѣга, но особенно по причинѣ ихъ рѣдкой выносливости. Хотя восточныя монгольскія лошади столь же быстры, но хухунорскія замѣчательны тѣмъ, что не требуютъ безусловно никакого ухода. Хозяева никогда ихъ не кормятъ, даже въ пути никогда не снимаютъ съ нихъ сѣделъ. Когда лошадь совершенно замучена, ей для подкрѣпленія дается мелко истолченная сухая говядина, или же чайные листья, пополамъ съ цамбой и масломъ. По ночамъ

бѣдныхъ животныхъ привязываютъ гдѣ-нибудь по близости отъ костра, и даже тутъ не выпускаютъ ихъ на приволье.

Рокхиля интересовалъ вопросъ, насколько можетъ быть велико населеніе Амдо, но при всемъ желаніи придти къ какому-нибудь точному опредѣленію, это ему не удалось. Одно можно сказать, что если уже въ 1725 году сининскій амбань насчитывалъ здѣсь свыше пятидесяти тысячъ душъ, то и теперь народу далеко не меньше, ибо однихъ ламъ насчитывается въ мѣстныхъ монастыряхъ отъ 25 до 30 тысячъ. Правда, что этотъ край славится особенною „святостью" религіозныхъ центровъ. Есть монастыри съ довольно значительнымъ населеніемъ. До мусульманскаго возстанія въ Гумбумѣ было около семи тысячъ ламъ.

Въ Амдо наиболѣе процвѣтаетъ такъ-называемая „желтая вѣра", то-есть реформированный (съ XIV на XV вѣкъ буддизмъ, вызванный къ жизни знаменитымъ реформаторомъ Зонховой, который, по версіи Рокхиля, родился въ мѣстечкѣ Зонха, недалеко отъ Гумбума, около 1360 года. Родители посвятили семилѣтняго мальчика Буддѣ, причемъ въ моментъ постриженія, когда его волосы упали на землю, изъ нихъ выросло бѣлое знаменитое дерево, съ вышеописанными примѣтами. Мальчикъ росъ, почитаемый за чудо премудрости, и шестнадцати лѣтъ отъ роду, не находя себѣ въ Амдо достойныхъ по знанію учителей, ушелъ въ Лхасу. Всѣ отрасли буддійскаго знанія были имъ пройдены съ одинаковымъ успѣхомъ. Множество почитателей сгруппировалось вокругъ него, и выдающійся лама положилъ начало возрожденію, какъ тибетскаго духовенства, которое тогда находилось въ состояніи упадка, такъ и выясненію истинъ исконнаго вѣроученія. Въ то время буддійская вѣра въ Тибетѣ грозила сильно измѣниться, подъ вліяніемъ религіозныхъ принциповъ шиваизма и шаманства. Сторонники Зонховы получили прозвище „послѣдователей добродѣтели". Въ мѣстности, гдѣ явился реформаторъ, зародился монастырь. Названіе Гумбума („сотня тысячъ изображеній") произошло будто бы отъ появленія чудесныхъ изображеній и буквъ на листвѣ и корѣ. [1]) Зонхова остался въ памяти народа, какъ новый богъ, подъ названіемъ Чжэ-риньпочэ („драгоцѣнный владыка"). Слава монастыря, возникшаго въ память чудеснаго постриженія, долетѣла до Китая.

---

[1]) По словамъ бурятъ, прототипомъ явившихся въ Гумбумѣ «ста тысячъ изображеній» послужили два типа Зонховы, начертанные имъ самимъ далеко отъ родины и посланные туда въ утѣшеніе престарѣлой матери и сестры.

Богдыханы стали покровительствовать тамошнимъ ламамъ и скоро сдѣлали этотъ религіозный центръ однимъ изъ вліятельнѣйшихъ въ цѣлой имперіц. Уже въ XVI вѣкѣ сюда пріѣзжалъ Далай-лама. Въ 1708 году здѣсь даже поселился другой его преемникъ, въ ожиданіи пока стихнутъ внутреннія неурядицы, волновавшія тогда страну, и пока китайское войско проведетъ его обратно въ покинутую столицу. Зимой 1779—1780 года въ Гумбумѣ же четыре мѣсяца гостилъ „святѣйшій“ изъ „возрождающихся ламъ“ Бань-чень-эрдени, на пути своемъ въ Пекинъ.

Хотя тибетскіе религіозные центры отнюдь не имѣютъ такого отпечатка глубокой старины, какой безспорно присущъ Утайшаню въ Шансійской провинціи (гдѣ буддизмъ пустилъ корни, повидимому, еще въ первомъ столѣтіи послѣ Рождества Христова), но тѣмъ не менѣе, по интенсивности религіознаго чувства, важнѣйшіе монастыри Тибета едва ли не обладаютъ гораздо большею сферою вліянія, чѣмъ разсадники той же вѣры въ собственномъ Китаѣ.

Изслѣдователи тибетскаго буддизма неоднократно пытались точно опредѣлить подраздѣленіе мѣстныхъ духовныхъ на „желтошапочныхъ“ и „красношапочныхъ“, что однако весьма не легко, такъ какъ оба эти направленія во многомъ соприкасаются и подчасъ сливаются. Рокхиль замѣтилъ, что съ внѣшней стороны въ данное время красный цвѣтъ, какъ менѣе маркій, получилъ преобладающее значеніе. Къ тому же довольно трудно достать желтыя ткани, вслѣдствіе этого доступныя почти исключительно сановнымъ ламамъ.

Важнѣйшіе монастыри получаютъ ежегодныя субсидіи отъ богдыхана, причемъ всѣ лица, занесенныя въ штатъ духовенства (то-есть получившія извѣстнаго рода образованіе, которое бы имъ давало возможность участвовать въ религіозныхъ церемоніяхъ), получаютъ зерно и муку, въ такомъ однако количествѣ, что однимъ этимъ нельзя прокормиться и въ дополненіе очень кстати приношенія мірянъ, деньги изъ родной семьи и отъ почитателей, плата за совершеніе служеній и т. д. У многихъ духовныхъ есть своя недвижимая собственность. Нѣкоторые находятъ подспорье въ сдачѣ части своихъ помѣщеній или другимъ, менѣе состоятельнымъ ламамъ, или посѣтителямъ монастыря. Кромѣ того, ис-

точниками дохода служатъ довольно распространенное ростовщичество и поѣздки съ торговыми цѣлями въ предѣлы внутренняго Китая или даже въ Пекинъ, въ Ургу, въ бурятскія степи и, конечно, въ Лхасу.

Во главѣ каждаго монастыря стоитъ такъ-называемый хамба, который или избирается самими ламами, или присылается для управленія ими изъ другого болѣе значительнаго религіознаго центра. У такого хамбы—цѣлый рядъ помощниковъ. Такъ какъ китайцы подозрительно относятся къ мятежному духу, который несомнѣнно гнѣздится противъ нихъ въ ламскихъ монастыряхъ, то туда отъ китайскихъ властей иной разъ назначается чиновникъ, подъ предлогомъ оказанія помощи хамбѣ, но въ сущности съ цѣлью высматривать и доносить, каково тамъ истинное настроеніе.

X.

Въ европейской печати довольно распространено мнѣніе, будто въ буддійскихъ монастыряхъ нѣтъ достаточной дисциплины; но по отзыву путешественниковъ, которымъ нѣтъ основанія не довѣрять, дисциплина эта, напротивъ, скорѣе строга, и во всякомъ случаѣ налагаетъ извѣстнаго рода узду на всѣхъ, кто рѣшился принять добровольно обѣты буддійскаго духовнаго. Рокхиль именно въ этомъ смыслѣ отзывается о монастырскомъ строѣ и категорически говоритъ, что въ случаѣ нарушенія младшею братіей установленныхъ религіозныхъ обычаевъ она тотчасъ подвергается тѣлесному наказанію, одиночному заключенію или же прямо изгнанію изъ религіознаго центра. Конечно, это относится болѣе или менѣе исключительно къ проступкамъ сравнительно маловажнымъ; когда же совершаются тяжелыя преступленія, то будто бы есть возможность откупаться отъ кары дорогою цѣной. Очевидно, послѣдніе случаи крайне рѣдки,—да и мало найдется ламъ достаточно богатыхъ, для достиженія такого исхода изъ бѣды.

Духовное начальство имѣетъ надъ своими подчиненными (даже въ предѣлахъ внутренняго Китая) власть жизни и смерти. Гражданскія власти не могутъ или не находятъ нужнымъ вмѣшиваться въ монастырскія дѣла и такъ-сказать молчаливымъ со-

гласіемъ одобряютъ постановленія верховныхъ ламъ. Послѣ хамбы главную роль повсюду играютъ слѣдящіе за порядкомъ „засакъ и гэбгой—ламы", затѣмъ, такъ-называемый, „дрониръ", пекущійся о пріѣзжихъ, „нэрба", завѣдующій хозяйствомъ и „ундзады" (или „омзады"), упряжающіе ходъ богослуженій. Выдающіеся духовные назначаются на эти должности хамбой, срокомъ на нѣсколько лѣтъ. Наряду съ извѣстнаго рода іерархіей, въ каждомъ сколько-нибудь замѣтномъ религіозномъ центрѣ непремѣнно живетъ „перорожденецъ" (хубилганъ), на котораго населеніе и стекающіеся богомольцы смотрятъ съ безусловнымъ благоговѣніемъ. Въ Амдо, около Хуху-нора и въ Цайдамѣ насчитывается 48 такихъ своеобразно вѣчныхъ „святыхъ", изъ коихъ 30 являются на свѣтъ изъ Гумбума и лишь остальные изъ средняго Тибета. Существа эти обладаютъ различною степенью совершенства и въ связи съ этимъ пользуются далеко неодинаковымъ почетомъ. Эти загадочныя для толпы лица будто бы возносятъ немолчное молитвословіе за благо всего одушевленнаго въ ихъ округѣ. Простолюдины обращаются къ нимъ чаще всего съ цѣлью узнать будущее по ихъ безупречному и великому волхвованію. Хубилганы дѣлятся по монгольской терминологіи на „хутухтъ, шабarановъ и гыгеновъ".

Рокхиль приложилъ къ описанію своего путешествія образчикъ ламскихъ нотъ, которыми жречество руководится при совершеніи служеній. Волнистая линія, идущая по письменамъ, въ опредѣленные моменты указываетъ, когда слѣдуетъ протрубить въ раковину, или ударить въ колотушку. Оба эти инструмента для большей ясности обозначены на туземныхъ нотахъ. Нельзя не подивиться столь любопытному явленію, такъ какъ во всей Центральной Азіи, Китаѣ, Кореѣ и Японіи, кажется, нѣтъ ничего подобнаго [1]).

Въ мірѣ сѣвернаго буддизма (съ его сложною обрядностью и глубоко таинственнымъ культомъ) и сами предметы, употребляемые при служеніяхъ, до крайности своеобразны и даже, пожалуй, страшны. Что̀ сказать, напримѣръ, о колотушкѣ (дамару), дѣлаемой иногда изъ дѣтскаго черепа, обернутаго змѣиною кожей? Что думать, когда видишь эту священную для туземцевъ вещь рядомъ со столь же священнымъ „колокольчикомъ" (хонхо) и

[1]) Впервые указалъ на это Гораціо делла Пенна, миссіонеръ, жившій въ Тибетѣ около начала XVIII-го столѣтія.

магическимъ жезломъ (очиромъ), который есть, такъ-сказать, характернѣйшій остатокъ громоваго жезла древне-арійскаго бога Индры? Выходитъ, что знаменитая „вачжра“, бывшая прибѣжищемъ и спасеніемъ боровшагося съ мрачными врагами народа Ведъ,—здѣсь, въ ламскомъ служеніи снова является таинственною, несокрушимою силой въ чисто психическомъ соприкосновеніи съ началами тьмы...

Древній міръ доисторическаго міросозерцанія неопредѣлимо отразился тутъ на цѣломъ строѣ до сихъ поръ еще жизненныхъ воззрѣній и упованій. Оттого-то у ламъ и встрѣчаются въ употребленіи трубы изъ человѣческихъ костей, какіе-то мистическіе треугольники для заклинаній, сосуды со священною водой (бумба), сферическія зеркала, на которыя выливается освященная вода, и многое тому подобное.

Цѣнные кумиры на алтаряхъ нерѣдко бываютъ закутаны въ желтыя ткани, книги религіознаго содержанія также не оставляются безъ покрововъ, дабы ихъ не коснулось ничто нечистое.

Остается сказать нѣсколько словъ о раздѣленіи ламъ на настоящихъ (верховныхъ, выдающихся по учености и вліянію, сравнительно не особенно многочисленныхъ) и на массу такъ-называемыхъ духовныхъ, которые въ сущности ничѣмъ почти не отличаются отъ прочихъ мірянъ, развѣ только бритою головой и соблюденіемъ пяти низшихъ буддійскихъ обѣтовъ (не убивать и т. д), одеждой краснаго цвѣта и временнымъ проживаніемъ при монастыряхъ.

Въ восточномъ Тибетѣ такихъ ламъ называютъ „драба“. Они занимаются книгопечатаніемъ, смотрятъ за монастырскимъ скотомъ и табунами, собираютъ навозъ для топлива, варятъ пищу, чистятъ кумирни, заправляютъ лампады.

Этому классу ламъ далеко до положенія „гэлуновъ“,—жрецовъ, давшихъ обѣты безбрачія, нестяжанія, отказа отъ всякихъ удовольствій, куренія и вина. Только изъ такой среды могутъ набираться „истинно священнодѣйствующіе“ ламы. Низшая братія нерѣдко жената, въ извѣстное время года уѣзжаетъ домой отъ кумирень, проданная суетной заботѣ о своемъ хозяйствѣ. Весьма ошибочно и по меньшей мѣрѣ странно, указывая на это явленіе, обобщать его и такимъ путемъ получать характеристику всего ламскаго сословія. То, что они, то-есть эти послѣдніе, ничѣмъ

не отличаются отъ мірянъ (харà), еще не исчерпываетъ вопроса о степени нравственной чистоты, доступной гэлунамъ.

Рокхиль—того мнѣнія, что между послѣдними немало есть достигшихъ весьма высокаго совершенства; изъ нихъ наибольшимъ уваженіемъ пользуются получившіе посвященіе или въ Лхасѣ у Далай-ламы, или, что̀ еще важнѣе, у Баньчень-богдо въ Даши-лхунбо (ближе къ индо-тибетской границѣ). Какъ извѣстно, этотъ послѣдній „перерожденецъ", по своимъ религіознымъ заслугамъ, выше Далай-ламы и даже посвящаетъ его самого при достиженіи пятнадцатилѣтняго возраста.

Когда Рокхиль прибылъ въ Гумбумъ, къ нему туда выѣхалъ на встрѣчу изъ сунь-хуа-тинскаго приставства нѣкій „Цэрэнъ-лама", вызванный для переговоровъ еще изъ Си-нина. Этотъ туземецъ оказался человѣкъ лѣтъ пятидесяти, по внѣшности скорѣе тибетцемъ, чѣмъ монголомъ и, повидимому, съ немалою житейскою опытностью по отношенію къ иностранцамъ. Ее онъ пріобрѣлъ, путешествуя въ теченіе двухъ лѣтъ съ Г. Н. Потанинымъ, довѣріе котораго будто бы обманывалъ неразъ. Первый вопросъ Цэрэнъ-ламы былъ, имѣетъ-ли Рокхиль паспортъ отъ китайскихъ властей, такъ какъ въ случаѣ неимѣнія таковаго слишкомъ рисковано пускаться въ дальнюю дорогу. Она, кажется, вообще не слишкомъ притягивала Потанинскаго спутника, не ожидавшаго извлечь большую выгоду отъ общенія съ разсчетливымъ и крайне осторожнымъ Рокхиломъ. Между прочимъ, Цэрэнъ-лама говорилъ слугамъ послѣдняго, что, слѣдуя за русскимъ путешественникомъ, нажился въ такой мѣрѣ, какъ если бы трудился десять лѣтъ.

Пытаясь запугать американца, сунь-хуа-тинецъ наговорилъ ему всякихъ ужасовъ о замѣчательномъ огнестрѣльномъ искусствѣ тибетцевъ, объ ихъ снаровкѣ грабить проѣзжихъ, о холодныхъ, рѣзкихъ вѣтрахъ (господствующихъ въ пустынныхъ мѣстностяхъ между Хуху-норомъ и Лхасой, куда американецъ направлялся); о вредномъ дѣйствіи попадавшейся тамъ воды для питья, объ одуряющихъ испареніяхъ, поднимающихся отъ безплодной почвы. По словамъ Цэрэнъ-ламы, дерзавшихъ углубляться въ Тибетъ ожидаетъ почти неотвратимая гибель.

Рокхиль неспособенъ былъ отказаться отъ намѣченной цѣли и поэтому энергичнѣе, чѣмъ когда-нибудь, сталъ снаряжаться къ путешествію изъ Гумбума далѣе на западъ. Хлопоты, однако, по-

требовали нѣсколькихъ недѣль. Всякая ничтожная покупка отнимала безконечно много времени. Добродушный народъ ласково все обѣщалъ, улыбаясь, на все былъ согласенъ, и въ результатѣ ничего нельзя было достать. Для примѣра достаточно указать, что американцу понадобились двѣ маленькія палатки и въ теченіе цѣлыхъ трехъ недѣль туземцы только приготовлялись приступить къ ихъ изготовленію, а затѣмъ почти столько же времени работали надъ ихъ отдѣлкой. Чтобы достать пять верблюдовъ, пришлось побывать повсюду окрестъ, да и то покупка таковыхъ (очень здѣсь рѣдкихъ и недешево продававшихся) оказалась непрактичною, такъ какъ, въ предположенный путь слѣдовало брать исключительно мѣстныхъ лошадей и яковъ.

Нельзя не удивляться терпѣнію Рокхиля, когда слышишь, какъ однозвучно тянулись для него дни въ Гумбумѣ, безусловно походя другъ на друга, все безцвѣтнѣе и отчасти безплоднѣе...

...Чуть свѣтъ, со сторожевой башни надъ селеніемъ Лузаръ, обитающій въ ней старый лама оглашаетъ окрестность трубнымъ гласомъ въ раковину. Пора проснуться, пора провѣдать лошадей, — и затѣмъ ужъ нѣтъ дѣла. Остается цѣлыми часами ходить отъ лавки въ лавку, переспрашивая торгующихъ про разноплеменные и разноязычные элементы, съ которыми имъ удавалось приходить въ соприкосновеніе. Безхитростные разсказы и совѣты очевидцевъ должны были предоставлять съ этнографической точки зрѣнія крайне богатый и неисчерпаемый матеріалъ, еслибъ имъ спеціально заняться, въ него вдумываться; но Рокхиля сжигало стремленіе двинуться впередъ, попытать свою удачу на желанномъ поприщѣ, проникнуть въ заповѣдную даль, достигнуть того, что для столь многихъ путешественниковъ являлось и является запретнымъ плодомъ. Оставалось слѣдить съ сердитымъ безпокойствомъ за медлительностью туземцевъ, которые изготовляли ему палатки, томительно ждать и угадывать будущее.

По словамъ Рокхиля, въ Амдо насчитывается четырнадцать горныхъ вершинъ, изъ которыхъ каждая при своемъ названіи имѣетъ прозвище „предка“. Китайцы, тибетцы и монголы молятся на нихъ, причемъ господствуетъ глубокое убѣжденіе, будто тамъ въ нѣдрахъ навѣрно скрыто какое-нибудь сокровище. Говорятъ, что по близости отъ Гумбума въ одной горѣ—богатыя залежи

бирюзы, къ которымъ никто не умѣетъ и не можетъ проникнуть

Постоянное несчастіе Рокхиля составляло дурное поведеніе его взятаго изъ Пекина слуги. Въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго, если принять во вниманіе, что далеко не лучшіе элементы въ Китаѣ соглашаются поступать въ услуженіе къ тамошнимъ иностранцамъ, которые вообще сами по себѣ грубы и съ туземцами очень дурно обращаются, да, вдобавокъ, далеко не симпатичны коренному населенію. А разъ что такіе худые люди близко становятся къ путешественникамъ съ Запада, послѣдніе, видя ихъ пороки, переносятъ свое непріязненное чувство на цѣлый народъ, и такимъ образомъ анекдотическіе случаи должны свидѣтельствовать о полной испорченности и безнравственности всего китайскаго народа.

Когда, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ вліятельный иностранецъ (чуть-ли не графъ Сэчэни) ѣхалъ по Небесной имперіи, направляясь въ Тибетъ, иноземца сопровождалъ отрядъ, приставленный властями для почета и огражденія въ дорогѣ. Богатый проѣзжій часто давалъ своему старшему слугѣ-китайцу значительную сумму денегъ на распредѣленіе между многочисленно-безполезными тѣлохранителями. Такимъ образомъ было пройдено довольно большое разстояніе до тибетской границы, гдѣ мѣстному начальству заявили о намѣреніи столько же платить конвою и впредь.

На это получился отвѣтъ, что до сихъ поръ нигдѣ ничего не уплачивалось. По разслѣдованію оказалось, что слуга дѣйствительно утаивалъ деньги и успѣлъ уже скопить себѣ капиталъ въ нѣсколько тысячъ рублей. Виновнаго почему-то не нашли нужнымъ преслѣдовать и онъ преспокойно могъ уѣхать къ морю въ гор. Шанхай, гдѣ, ставъ оборотливымъ купцомъ, и по-днесь занимаетъ почетное мѣсто среди согражданъ.

Китаецъ изъ Пекина, сопровождавшій Рокхиля любилъ выпить и при этомъ нерѣдко выбалтывалъ ему всѣ свои завѣтныя тайны. Между прочимъ, онъ самъ про себя разсказалъ, какъ ему удавалось обманывать почти такимъ же образомъ (какъ былъ обманутъ вышеуказанный иностранецъ) лейтенанта Іонгхэсбанда на его пути изъ Китая въ Индію. Например, когда баринъ поручалъ нанять телѣги и муловъ,—слуга прозорливо пріобрѣталъ ихъ въ свою полную собственность и затѣмъ отдавая ихъ ему-же въ

наймы какъ чужую собственность по очень дорогой цѣнѣ въ теченіе шестимѣсячнаго путешествія пріобрѣлъ значительную сумму.

Рокхилю прислали изъ Си-нина съ рекомендаціей двухъ магометанъ, соглашавшихся сопровождать американца въ его неопредѣленно-опасномъ странствованіи. Одинъ былъ погонщикъ муловъ, проведшій всю жизнь на пути изъ провинціи Гань-су въ Сы-чуань, а другой—молодой торговый посредникъ между Сининомъ и туземцами, обитающими къ сѣверу отъ Хуху-нора. Предстояло найдти и имѣть еще спутникомъ какого-нибудь ламу. Съ этою цѣлью Рокхиль отправился въ недалеко расположенный отъ Гумбума монастырь, извѣстный еще Пржевальскому и австрійцу Кройтнеру (ѣздившему съ графомъ Сэчэни) подъ названіемъ „Алтынъ-Гомба", но Рокхилемъ названный „Серкокъ". [1]) Тамъ жилъ знакомый американцу (еще по Пекину) богатый „Бу-лама". Религіозный центръ оказался обнесеннымъ стѣной и укрѣпленнымъ, что вызывалось недавнею смутой въ краѣ.

Пекинскій пріятель съ крайнимъ радушіемъ встрѣтилъ Рокхиля. Будучи весьма зажиточнымъ человѣкомъ, Бу-лама пользовался значительнымъ вліяніемъ въ монастырѣ, имѣлъ лучшія и просторнѣйшія постройки (въ китайскомъ вкусѣ), поддерживалъ у себя въ домѣ чрезвычайную чистоту и опрятность. Мѣдная посуда положительно сверкала отъ старательной чистки. Домочадцы Бу-ламы то и дѣло ходили и стирали гдѣ-нибудь пыль.

.Верхній этажъ его жилища представлялъ изъ себя маленькую кумирню. По стѣнамъ выдѣлялись живописные боги, въ маленькихъ нишахъ помѣщались любимые бурханы. Здѣсь хозяинъ ежедневно молился имъ, призывая благополучіе на себя и на своихъ. Не получивъ самъ религіознаго образованія, онъ не щадилъ расходовъ на угожденіе братству Будды. Въ извѣстные молитвенные дни домъ Бу-ламы преобразовывался въ ожиданіи дорогихъ и желанныхъ гостей. Наблюденія за опрятностью усиливались. Для приглашенныхъ ламъ заготовлялось хорошее угощеніе, а они въ свою очередь являлись съ благою цѣлью, какъ можно ревностнѣе и продолжительнѣе помолиться. Снявъ сапоги, священнодѣйствующія лица приступали къ чтенію, къ напѣвамъ, установленному хлопанью въ ладоши и т. д. Каждые полчаса церемонія прерывалась, и ламы пили кирпичный чай, приправленный мас-

---

[1]) Буряты произносятъ «Серконгъ ринбоши».

ломъ. Въ это время на дворѣ, гдѣ высился каменный алтарь, на него нагромождались приношенія изъ мяса, молока, вина и чая; разставлялись сласти и плоды.

По Бу-ламѣ легко видѣть, насколько симпатиченъ типъ монголо-тибетскаго ревнителя буддійской вѣры. Этотъ туземецъ хорошо зналъ, кто Рокхиль, нисколько не удивлялся его научнымъ стремленіямъ, со своей стороны готовъ былъ предложить полную помощь для снаряженія его въ далекій путь. Недаромъ хозяинъ путешествіями расширилъ свой кругозоръ: недаромъ въ жилищѣ Бу-ламы по стѣнамъ висѣли картины мѣстностей, имъ посѣщенныхъ, его собственный фотографическій портретъ и портретъ Рокхиля, снятые въ Пекинѣ, а въ качествѣ рѣдкости маленькая оловянная труба, которую нѣсколько лѣтъ предъ тѣмъ подарила доброму Бу-ламѣ маленькая дочь Рокхиля, тоже жившая тогда въ столицѣ Китая. Разспросы маленькаго серкокскаго креза вращались преимущественно около того, какъ поживаетъ семья его европейскаго друга, каковы его теперешніе интересы и планы проникнуть далѣе въ Тибетъ.

Ученые ламы, посѣщавшіе хозяина и знакомые съ Лхасой, ни мало не удивлялись любознательности иностранца, напротивъ, какъ бы сочувственно относились къ ней, совѣтовали ему идти въ заповѣдную столицу Тибета, задавали ему *немало вопросовъ касательно Индіи и Россіи, которую они называли „бурятскимъ царствомъ“*. На памяти этихъ ламъ Пржевальскій и графъ Сэчэни посѣтили ихъ монастырь, но, не зная по-тибетски, не могли вступать въ общеніе съ его обитателями.

Серкокъ былъ разрушенъ во время мусульманскаго возстанія и съ тѣхъ поръ не вполнѣ оправился, хотя святость проживавшаго тутъ „перерожденца“ (хубилгана) и стеченіе богомольцевъ, все подавало надежду вернуть прежнее благосостояніе. Въ монастырѣ живетъ около 700 ламъ. Родомъ почти всѣ они—тибетцы... Этотъ религіозный центръ считается однимъ изъ лучшихъ къ сѣверу отъ Си-нина. Когда Бу-лама объяснилъ своимъ ученымъ единовѣрцамъ, что Рокхиль перевелъ на англійскій языкъ часть изъ ихъ „священнаго писанія“ (Ганьчжура), и когда самый отпечатанный переводъ, полученный отъ автора въ Пекинѣ, имъ былъ показанъ, они взяли книгу, подняли ее къ челу въ знакъ благоговѣнія и заявили, что гость-иноземецъ долженъ быть „великій пундибъ“ (то-есть пандита, ученый). Любопытство ихъ

было настолько затронуто, что пошли безконечные вопросы о положеніи буддизма за границей, и нельзя передать удивленія, когда собесѣдники узнали, что ихъ религія почти исчезла изъ собственной Индіи, подавленная тамъ уже нѣсколько вѣковъ тому назадъ, что теперь на островѣ Цейлонѣ „правая вѣра", по мнѣнію ученыхъ, будто бы удерживаетъ свою архаическую форму. Когда Рокхиль разсказалъ о нынѣшнемъ распространеніи въ Европѣ и Америкѣ теософическаго общества и такъ-называемыхъ „необуддистовъ", которые думаютъ получать откровеніе отъ тибетскихъ махатмъ, вступающихъ съ ними въ сношенія изъ-за Гималаевъ,—сама мысль о такомъ таинственномъ общеніи показалась ламамъ въ высшей степени забавною и малопонятною. Они заявили, что въ очень давнія времена въ Тибетѣ еще водились великіе мудрые волхвы и чародѣи, [1]) такъ-называемые „уржайнисты", отдаленно быть можетъ напоминающіе махатмъ нашего „необуддійскаго" направленія,—но что теперь такихъ существъ не найдется...

Желая быть точнымъ до мелочей, Рокхиль подробно отмѣчаетъ, что̀ онъ видѣлъ внутри главной кумирни въ Серкокѣ. По описанію видно, что она съ этой стороны поразительно похожа на большія бурятскія капища, а именно: при входѣ въ дверь языческаго святилища встрѣчаешь ряды крытыхъ подушками (олбоками) сидѣній съ узкими, низкими столиками предъ каждымъ сидѣньемъ, на которые можно класть магическій жезлъ, колокольчикъ, колотушку и листы изъ имѣющей быть прочитанною книги. По стѣнамъ висятъ живописныя изображенія боговъ или же, зачастую, сцены изъ жизни самого „бога-учителя" (бурханъ-бакши), крайне любопытныя по выполненію и новой художественной концепціи. По близости отъ этого мѣста для служеній находится кухня съ большими котлами для варки кирпичнаго чая и запасными чашами, изъ которыхъ пьютъ священнодѣйствующіе ламы.

Если подняться во второй этажъ кумирни, тамъ откроется великое множество кумировъ изъ серебра, бронзы, дерева и глины.

---

[1]) Напримѣръ, ученики славнаго ламы Бадма Самбхавы будто бы ѣздили на солнечныхъ лучахъ, воскрешали мертвыхъ или обращали трупы въ золото, принимали на себя любой образъ, проникали всюду, подобно воздуху, могли летать, плавать по-рыбьему, заклинали звѣрей, заставляли воды течь вспять, стрѣляли молніями, читали чужія мысли и т. д.

Безконечною вереницей тянутся они вдоль стѣнъ и обыкновенно лишены даже чего-нибудь похожаго на алтарь съ жертвоприношеніями.

Письменность тибетскаго буддизма очень обширна и, чтобы прочесть всѣ священныя книги, нужно немало времени: между тѣмъ, прочтеніе таковыхъ считается не только желательнымъ, но и способствующимъ благополучію. Съ этою цѣлью, въ кумирню или рѣже на домъ, богатѣйшими мірянами приглашается цѣлая толпа опытныхъ въ чтеніи ламъ, которые разсаживаются по своимъ сидѣньямъ и скороговоркой или же нараспѣвъ, изрѣдка прерывая чтеніе чаепитіемъ, съ удивительною быстротой прочитываютъ каждый листовъ по сорока сразу. Этихъ послѣднихъ въ тибетскомъ „канонѣ“ насчитывается до сорока пяти тысячъ, изъ чего уже видно, до какой степени великъ долженъ быть сонмъ читающихъ, когда хотятъ въ непродолжительный срокъ пройдти всю туземную библію.

Нѣкоторые изъ ламъ только тѣмъ и живутъ, что вѣчно читаютъ священныя книги на благо ревнителямъ. Рокхиль зналъ одного такого чтеца, который за опредѣленную сумму могъ въ полгода прочесть 108 томовъ Ганьчжура. Буддійскіе монахи Китая (не ламы) не имѣютъ подобнаго обыкновенія.

Въ драгоцѣнныхъ путевыхъ замѣткахъ средневѣкового арабскаго географа Ибнъ-Батуты есть указаніе на то, что аналогичное ламамъ обыкновеніе извѣстно было въ его дни (то-есть въ XIV столѣтіи) дервишамъ Каира: точно такимъ же способомъ тамъ послѣ утренней молитвы прочитывался Коранъ, причемъ всякій чтецъ имѣлъ предъ собою опредѣленный отрывокъ.

Какъ бы свидѣтельствуя о глубокой связи, объединяюшей далеко раскинутыхъ буддистовъ, на стѣнахъ ламскихъ святилищъ часто встрѣчаются изображенія главнѣйшихъ религіозныхъ пунктовъ [1]), на которыхъ съ любовью любятъ останавливаться внимательные взоры ревнителей: въ Серкокѣ Рокхиль видѣлъ картину далай-ламской Поталы (въ Лхасѣ), картину Даши-лхумбо (гдѣ Баньчень-богдо), Гайи въ Индіи (гдѣ, сидя на алмазномъ престолѣ—Ваджрасана—всѣ Будды достигали наивысшаго просвѣтлѣнія), у пятиглавой горы У-тай-шаня въ Шансійской провинціи (гдѣ постоянно пребываетъ бурханъ Маньчжушри и въ высѣчен-

---

¹) Эти рисунки отчасти подобны нашимъ лубочнымъ изданіямъ.

ныхъ кельяхъ спасаются „созерцатели“), наконецъ, самаго Пекина, гдѣ для ламаитовъ издавна былъ безконечно дорогъ „Занданъ-джо“, кумиръ, чудесно возникшій будто бы еще при жизни „учителя“, на утѣшеніе вѣрующихъ, тосковавшихъ, когда Шакьямуни временно удалился на небо проповѣдывать спасительное ученіе [1]). При вандальскомъ разгромѣ Пекина союзниками въ 1900 г. солдаты-католики, руководимые миссіонерами съ епископомъ Фавье во главѣ, разрушили и сожгли до тла это на рѣдкость художественное по инвентарю святилище. Ламъ, совершавшихъ въ то время служеніе, звѣрски убили; сокровища расхитили, изваяніе Будды исчезло безслѣдно...

По словамъ Рокхиля, этотъ Занданъ-джо и два другіе „джо“ въ Лхасѣ и въ Гумбумѣ (послѣднее не подтверждается показаніями бурятъ) должны олицетворять въ глазахъ народа три таинственныхъ тѣла Будды (санскрит. Kayḷraya), принятыя имъ въ силу особенныхъ свойствъ его необыкновенной природы. Рѣчь идетъ о тѣлѣ закона (причемъ почитаемый бурханъ изображаетъ „учителя“ въ позѣ проповѣдника), о тѣлѣ блаженства (когда олицетворенъ созерцающій Будда), наконецъ, о магическомъ тѣлѣ, присущемъ Шакья-муни послѣ его погруженія въ нирвану.

Бу-лама, показывая Рокхилю внутренность храма въ Серкокѣ, спросилъ гостя, не находитъ-ли онъ нужнымъ возжечь лампады предъ подобіемъ одного „джо“, находившимся въ осматриваемой кумирнѣ. Американецъ охотно согласился и далъ ламѣ-прислужнику кусочекъ серебра, стоимостью примѣрно въ 80 копѣекъ.

Принося лампаду въ жертву извѣстному кумиру, вѣрующіе имѣютъ обыкновеніе засвѣтить и поднять ее предъ бурханомъ обѣими руками на нѣкоторую высоту, послѣ чего даръ ставится на алтарь. Изъявивъ желаніе поступить такимъ же образомъ и совершить жертвоприношеніе, Рокхиль совершенно позабылъ, насколько дешево стóитъ каждая подобная жертва и потому положительно ужаснулся, когда лама-прислужникъ постепенно сталъ ему передавать,—въ обмѣнъ на кусочекъ серебра,—и передалъ въ общей сложности около 75 лампадъ... Но было уже поздно, и пришлось ихъ всѣ засвѣтить, всѣ поднять и поставить, причемъ окружающіе туземцы съ одобреніемъ констатировали фактъ его благоговѣнія къ святынѣ.

---

[1]) Буряты вѣрятъ, что Занданъ-чжо сдѣланъ на утѣшеніе магадійскаго царя Бимбасары.

Надо замѣтить, что, путешествуя, Рокхиль вездѣ держался туземныхъ обычаевъ: или возжигать свѣтильники, или приносить въ даръ платки (хадаки), какъ знакъ привѣта и любви.

Бу-лама нашелъ для Рокхиля спутника-ламу и оставаться въ Серкокѣ не представляло болѣе необходимости. Поэтому американецъ попрощался съ этимъ религіознымъ центромъ, взявъ на память отъ добродушныхъ туземныхъ пріятелей нѣсколько бараньихъ желудковъ, наколненныхъ масломъ и другіе подарки. Съ Рокхиля взято было обѣщаніе, что онъ со временемъ опять вернется сюда обратно, чтобы подольше пожить.

Несмотря на данное обѣщаніе, спутникъ, найденный Бу-ламой, въ послѣднюю минуту отказался и взамѣнъ его пріѣхалъ другой человѣкъ, знакомый американцу еще по Пекину, и сразу заявилъ, что идти въ Лхасу невозможно, такъ какъ дойдти туда, можетъ быть, и мыслимо, но тамъ всякаго иноземца, вмѣстѣ съ его слугами, неминуемо ожидаетъ казнь, предотвратить которую не властенъ даже находящійся въ тибетской столицѣ амбань. Говорившій жилъ въ ней около пяти лѣтъ и его рѣчь, понятно, смущала слугъ Рокхиля. Тѣмъ не менѣе переубѣждаемый благоволившими къ нему людьми, онъ и самъ въ свою очередь всячески переубѣждалъ ихъ. Въ результатѣ день отъѣзда въ Тибетъ все-таки въ концѣ концовъ наступилъ.

Приблизительно въ это время въ Гумбумъ прибылъ одинъ восточно-монгольскій хубилганъ („перерожденецъ", называемый окружающими Чойчжинъ-ламой). [1]) Онъ помнилъ Рокхиля по Пекину, зналъ Тянь-цзинь и нашу Кяхту, вообще, повидимому неразъ имѣлъ случай встрѣчаться съ европейцами. Американецъ называетъ его родиной Паринъ (должно быть хошунъ Баринъ-вана, невдалекѣ отъ Долонъ-нора?).

Хубилганъ находился на пути въ Лхасу, куда хотѣлъ выступить, дождавшись пріѣзда большой толпы соплеменныхъ монголовъ, и убѣждалъ Рокхиля двинуться впередъ вмѣстѣ (что, очевидно, усугубило бы возможность успѣха). Но американецъ спѣшилъ, стѣсненный нѣкоторымъ безденежьемъ; мѣшкать, значило тратить и безъ того таявшія деньги, да къ тому же это шло въ разрѣзъ со свойственною западному человѣчеству торопливостью.

---

[1]) Такъ величаютъ духовныхъ низшей степени, имѣющихъ медіумическія свойства.

Азіатамъ некуда было безудержно стремиться, Рокхиль же изнемогалъ отъ гнетущаго ожиданія...

... И вотъ онъ, наконецъ, покидаетъ Гумбумъ, направляется къ самому западному пограничному городу провинціи Гань-су: къ Танкару, откуда идутъ дороги на Хуху-норъ.

Число тамошнихъ горожанъ (китайцевъ и тибетцевъ) не превышаетъ десяти тысячъ. Кромѣ того, есть гарнизонъ изъ 200 человѣкъ, подъ начальствомъ полковника. Въ періодъ мусульманскаго возстанія Танкаръ сильно потерпѣлъ. Почти всѣ его прежніе жители были истреблены ворвавшимися въ городъ императорскими войсками, и съ тѣхъ поръ ни одинъ мусульманинъ не имѣетъ права поселиться въ городѣ, или даже войдти въ него, если за благонадежность прибывшаго не поручится какой-нибудь почтенный горожанинъ.

Сюда, какъ въ довольно значительный торговый центръ (бывшій, впрочемъ, ранѣе того болѣе значительнымъ), изъ Лхасы и отдаленнаго Тибета привозятся разноцвѣтныя и разноцѣнныя шерстяныя ткани, курительныя свѣчи, кашмирскій шафранъ, буддійскія книги, коричневый сахаръ и сушеные финики изъ Индіи; оттуда же раковины (считающіяся необходимыми предметами для ламскаго служенія), янтарь, мѣха и т. п. Раковины, привозимыя въ Тибетъ, преимущественно чрезъ посредство жителей Нэпаля, достигаютъ цѣны въ тысячу рублей и приравниваются къ драгоцѣннымъ каменьямъ, если только завитокъ повернутъ направо, а не налѣво, какъ у большинства раковинъ.

Китайцы также очень отличаютъ подобныя рѣдкости. Въ Лхасѣ хранится одна такая бѣлая раковина, въ которую будто бы стоитъ только потрубить и видишь слабый отблескъ необычайнаго свѣта, исходящаго отъ великаго хранителя Тибета— монгольскаго Аріабало (санскритскаго Авалокитешвара, тибетскаго Чанрэзи или, какъ произносятъ буряты, Чанрэнзикъ).

Изъ Танкара вывозятся на западъ лошади и мулы, бархатъ, шелкъ, золотая парча, китайскій фарфоръ и т. п.

Надо замѣтить, что тибетцы предпочитаютъ дѣлать большія закупки не здѣсь, въ Танкарѣ, а дальше, въ самомъ Китаѣ и его столицѣ, гдѣ дороже платятъ и за буддійскія книги, привозимыя изъ-за горъ, и за мѣха. Торговые обороты Танкара едва ли превышаютъ 300 тысячъ рублей ежегодно. Съѣзжающіеся сюда въ незначительномъ количествѣ жители восточнаго Тибета (кхамба)

сбываютъ мускусъ, кожи и овчины. Цайдамскіе монголы привозятъ въ городъ много соли, но такой грязной и такого низкаго качества, что за нее въ провинціи Гань-су почти ничего не даютъ, хотя и очень сильно въ ней нуждаются. Хуху-норскіе тибетцы свозятъ въ Танкаръ большіе запасы доброкачественной шерсти и могли бы еще больше привозить, если бы только нашелся выгодный сбытъ. Съ пріѣздомъ Рокхиля въ городъ совпалъ пріѣздъ агента одной иностранной фирмы, для закупки шерсти на сумму въ двадцать слишкомъ тысячъ рублей. Изрѣдка тутъ появляются торговцы изъ Хотана и Кашгара, привозя изъ китайскаго Туркестана виноградъ и сушеныя дыни, но ничего существеннаго. Эти люди здѣсь извѣстны подъ названіемъ „черныхъ варваровъ“ или еще чаще „народа въ чалмахъ“.

Такъ вообще называются въ западномъ Китаѣ придерживающіеся именно этого головного убора мусульмане, которые уже очень давно поселились, между прочимъ, и у Танкара (въ XIV столѣтіи, при миньской династіи). Тибетцы и цайдамскіе монголы, не различая мусульманскихъ народностей, всѣхъ ихъ называютъ однимъ общимъ именемъ „кашмирцы“.

Книга миссіонера *Desgodins* о Тибетѣ по многимъ вопросамъ могла считаться до послѣдняго времени весьма компетентнымъ источникомъ. Рокхиль, однако, внесъ въ нее замѣтныя поправки: напримѣръ, онъ (сколько мнѣ извѣстно первый) указываетъ на то, что чай главнымъ образомъ доставляется въ Тибетъ изъ провинціи Сычуань, тогда какъ по даннымъ французскихъ миссіонеровъ именно изъ Танкара и Си-нина ежегодно будто бы направляются огромнѣйшіе чайные караваны на Лхасу. Американецъ это категорически отвергаетъ.

Слѣдуя своему въ высшей степени полезному обычаю тщательно разспрашивать всѣхъ опытныхъ людей о предстоящей дорогѣ и о туземцахъ вообще, онъ отыскалъ и теперь интереснаго собесѣдника: одного стараго тибетца изъ укрѣпленнаго пункта Шигатсе (близь знаменитаго святилища Даши-лхунбо). Старикъ продалъ американцу двухъ верблюдовъ и, будучи хорошо освѣдомленъ относительно Пекина, Тянь-цзина, Урги и Маньчжуріи, простодушно выражалъ свои мысли о рѣдкой честности имѣвшихъ съ нимъ денежное дѣло представителей западной цивилизаціи. Напримѣръ, тибетецъ не могъ скрыть своего изумленія, какъ это одна русская фирма, съ которою ему пришлось

придти въ сношеніе, не только не воспользовалась его неумѣніемъ объясниться, но до копѣйки все сполна ему уплатила по какому-то чеку. По отзыву старика, подобнаго не встрѣтишь ни въ Китаѣ, ни въ Тибетѣ. Рокхилю давался совѣтъ идти на Лхасу, не боясь преувеличенныхъ опасностей, однако, ни подъ какимъ предлогомъ нельзя будто бы войдти въ самую столицу. Ее слѣдовало миновать уже потому, что населеніе крайне возбуждено противъ иностранцевъ, страшится огнестрѣльнаго оружія и непремѣнно бы напугалось отъ появленія лица у котораго есть таковое... Путешествовать безъ паспорта считалось довольно опрометчивымъ, ибо за неимѣніемъ его отъ ближайшаго амбаня подобный документъ съ одинаковою пользой могъ быть замѣненъ простымъ свидѣтельствомъ (продаваемымъ по дешевой цѣнѣ) о правѣ на свободный проѣздъ, за подписью Конса-ламы, вліятельнаго вождя къ сѣверу отъ Хуху-нора.

Покидая съ однимъ караваномъ Танкаръ, старый тибетецъ пригласилъ Рокхиля посмотрѣть на совершеніе отъѣзжавшими очистительной жертвы (гурума). Съ этою цѣлью воздвигнута была маленькая пирамида (приблизительно въ одинъ футъ) изъ цамбы, масла и сахара. Издѣліе это вставили въ небольшую деревянную рамку, и для чтенія молитвъ созвали ламъ въ занимаемый путниками караванъ-сарай. Жречество приступило къ служенію, долженствовавшему отогнать всякую напасть отъ заказавшихъ моленіе. Затѣмъ одинъ лама взялъ жертву и, въ сопровожденіи остальныхъ, а также и отъѣзжающихъ (послѣдніе нарочно облеклись въ свои лучшія одежды, вооружились саблями и ружьями), вышелъ за черту города и тамъ предалъ пирамиду сожженію. Когда она стала поглощаться пламенемъ костра, сложеннаго изъ сухого валежника, присутствовавшіе принялись стрѣлять, трубить, бормотать молитвы и вернулись обратно домой, шествуя длинною вереницей, причемъ ламы находились между мірянами, а тѣ имъ сопутствовали, размахивая обнаженными саблями и что-то глухо напѣвая, точно для того, чтобъ отогнать и напугать злыя начала.

Уже Рокхиль собирался покинуть Танкаръ, когда данный ему изъ серкокской кумирни лама вдругъ объявилъ о своемъ нежеланіи сопровождать американца въ Цайдамъ. Приходилось помириться и съ этою нежданною случайностью. Написано было укоризненное письмо Бу-ламѣ и приступлено къ пріисканію замѣ-

стителя отказавшемуся идти. Нанятый взамѣнъ оказался (вплоть до возвращенія Рокхиля въ Шанхай) и надежнымъ, и полезнымъ человѣкомъ. Изъ Серкока пришло отвѣтное посланіе съ извиненіями и подарками, которые состояли изъ красиваго тибетскаго бульдога, нѣкотораго количества масла, сладкихъ пирожковъ и хадаковъ (кусковъ ткани). Бу-лама сообщалъ, что недостойнаго ламу, отказавшагося слѣдовать, въ Серкокѣ и побили, и заперли.

Передъ окончательнымъ отъѣздомъ на западъ, Рокхиль побывалъ еще разъ въ деревнѣ Лузаръ и тамъ видѣлъ одного стараго ламу (возвращавшагося изъ Лхасы), который очень ярко описалъ подробности пути среди пустырей сѣвернаго Тибета и распространился, между прочимъ, относительно нападеній, которымъ подвергаются проѣзжіе со стороны маленькихъ разбойничьихъ шаекъ („голоковъ"). Разсказчикъ увѣрялъ, будто бы въ дорогѣ попадались иногда мохнатые дикари, съ длинными, спутанными волосами, ниспадающими на плечи, точно плащи. Эти жалкія, нагія, безсловесныя существа, почти не имѣющія облика человѣческаго, будучи лишены оружія, только бросали камнями въ караванъ.

Буряты разсказываютъ о существованіи близь индо-тибетской границы большихъ и страшныхъ обезьянъ. О подобныхъ людяхъ часто разсказываютъ тибетцы въ Пекинѣ, но безусловныхъ доказательствъ, что это—правда, до сихъ поръ нѣтъ, и Рокхиль поэтому остался при убѣжденіи, что подъ подобными первобытными людьми подразумѣваются медвѣди, такъ какъ и слѣды, остающіеся отъ этихъ мохнатыхъ дикарей, совершенно похожи на медвѣжьи.

Отъ стараго ламы Рокхиль узналъ о возрастѣ Далай-ламы: ему въ 1889 г. было тринадцать лѣтъ. Оказывалось, что незадолго предъ тѣмъ нашли возрожденіе величайшаго изъ тибетскихъ іерарховъ—Баньчень богдо. При этомъ припоминаю слѣдующее: около 1885 — 86 гг. юнаго „святого" искали по Монголіи, а также и у нашихъ забайкальскихъ предѣловъ. Будь мы дальновиднѣе,— что касается центрально-азіатской политики,—ничего лучшаго нельзя было бы и желать, какъ знать его возродившимся среди нашихъ бурятъ, причемъ русское правительство могло бы игнорировать религіозное значеніе такого исключительнаго лица, въ то же время отнюдь не упуская изъ виду, что восточно-сибир-

скіе инородцы-ламаиты годъ отъ году пріобрѣтаютъ все бо́льшее и бо́льшее вліяніе въ различныхъ центрахъ Тибета и eo ipso являются важными проводниками Царскаго имени и обаянія въ заповѣдныхъ и недоступныхъ странахъ, которыя нельзя не считать сердцемъ Азіи.

XI.

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Танкара по дорогѣ стало попадаться лишь жилье кочевниковъ. Маленькій караванъ направился къ источнику сининской рѣки близъ Хуху-нора. Первый день путники подвигались очень медленно, по необходимости оправляя на каждомъ шагу грузъ на верблюдахъ. Къ ночи удалось дойдти до монастыря (по-туземному „гомба") Соба. Ламы крайне радушно приняли Рокхиля, принесли ему топлива и воды, взялись присмотрѣть за животными, помогли поставить палатки. Прислуга американца была въ сильно напряженномъ состояніи духа и, чуть подкрались сумерки, всѣ вздумали пугаться малѣйшаго шума, прислушиваясь даже къ сторожевому лаю собакъ. Взятый изъ Пекина китаецъ подъ конецъ не вытерпѣлъ, выскочилъ изъ шатра и началъ стрѣлять изъ пистолета, воображая, что этимъ отгонитъ грабителей, которые ему всюду чудились въ окрестной глуши. Рокхиль справедливо вознегодовалъ на подобную трусливость и неосторожность, обезоружилъ своего слугу и тѣмъ его весьма опечалилъ: хотя и не умѣя хорошо обращаться съ огнестрѣльнымъ оружіемъ, мирный гражданинъ Небесной имперіи гордился обладаніемъ таковаго.

На слѣдующій день опять пустились въ путь. Долина, по которой шли, все расширялась окрестъ; холмы понижались и становились менѣе обрывисты; почва была обильно покрыта травой и многочисленные родники струились съ возвышенностей; вода скоплялась на дорогѣ и отчасти препятствовала движенію маленькаго каравана. Среди встрѣчавшагося населенія монголы преобладали надъ тибетцами. Первые извѣстны подъ названіемъ восточныхъ хухунорскихъ монголовъ: хотя и преобладаютъ, но немногочисленны, такъ какъ ихъ — всего 800 или 1.000 семействъ, т. е. навѣрно не болѣе пяти тысячъ душъ. Это — народъ далеко не богатый. У каждой кибитки не найдется въ общей сложности и сотни барановъ или козъ, пяти или шести лошадей и стольких же

верблюдовъ. Монгольскій кочевой элементъ находится въ постоянномъ страхѣ предъ нападеніями и безстыднымъ грабительствомъ тибетскихъ сосѣдей. Стада преимущественно пасутся женщинами, которыя ухитряются управлять животными, гоняя ихъ по желанному направленію, ловкимъ метаньемъ камней или даже сухого навоза („аргала"). У сосѣднихъ тибетцевъ есть тоже обыкновеніе управляться со стадами, но это никогда не поручается женщинамъ, такъ какъ тамошній край еще болѣе глухой и еще болѣе подверженъ опасностямъ отъ разбойниковъ, дѣлающихъ присутствіе мужчинъ необходимымъ.

На третій день послѣ отъѣзда изъ Танкара, Рокхиль достигнулъ вершины одного ущелья (высотой болѣе чѣмъ на 12 тысячъ футовъ отъ уровня моря), откуда открывался видъ на Хуху-норъ, представлявшій въ ту пору года сверкающую гладь ледяного простора, убѣгающаго къ западу и окаймленнаго съ юга громадными, снѣжными горами.

...Вотъ оно—это зеркальное озеро, имѣющее сотни верстъ въ окружности и лежащее почти на 11 тысячъ футовъ выше морского уровня. Китайцы неоднократно давали разныя прозвища этому водохранилищу, именуя его то „свѣтлымъ", то „волшебнымъ", то „западнымъ", то „синимъ". Послѣднія два наименованія особенно привились.

Сколько извѣстно, озеро соленое и, кажется, далеко не глубокое. По преданію, слышанному мною отъ бурятъ, несомнѣнно занесшихъ его изнутри Центральной Азіи, на мѣстѣ, гдѣ теперь Хуху-норъ, нѣкогда разстилались привольныя пастбища. Въ это время въ Лхасѣ строился замѣчательный храмъ-дворецъ, который всякій разъ разрушался, чуть приступали къ окончательной достройкѣ. Спрошенные о разгадкѣ подобнаго явленія глубокомудрые ламы принялись наводить справки и открыли, что причина коренится въ существованіи подъ воздвигнутою кумирней озера, волнующагося и колеблющаго фундаментъ. Въ силу чаръ эти воды хлынули далеко на востокъ, гдѣ теперь Хуху-норъ, и образовали водяную гладь на пространствѣ прежняго степного приволья. Тайну существованія этихъ водъ, подъ Лхасой, зналъ тогда исключительно одинъ даже не въ Лхасѣ живущій старикъ, самъ обитавшій у прежняго Хуху-нора: выдать тайну значило погубить родныя кочевья. Туземецъ, однако, случайно проболтался,

и внезапно хлынувшія воды прежде всего затопили его же юрту и его же стада.

Къ сѣверу и западу отъ Хуху-нора раскинуты степи и тянутся цѣпи низкихъ холмовъ. Южный берегъ опоясанъ цѣпью возвышенностей. Рокхилю удалось ознакомиться только съ сѣверными и западными частями озера, гдѣ есть отличный кормъ для скота и рядъ довольно большихъ рѣчекъ, и кочевники легко находятъ пріютъ въ удобныхъ ложбинахъ, чуть только задуютъ свирѣпый западный и сѣверо-западный вѣтры, называемые „черными вѣтрами“.

Пока Рокхиль здѣсь былъ, главная часть населенія находилась на зимнихъ стоянкахъ (въ хорошо укрытыхъ и глухихъ уголкахъ холмистой мѣстности) и потому почти не показывалась на глаза. Надо замѣтить, что тибетцы не любятъ равнинъ, по характеру своему будучи горцами, и оттого-то, вѣроятно, они лишь въ небольшомъ количествѣ попадаются близь озера, хотя, въ виду частыхъ передвиженій, здѣсь часто встрѣчаешь слѣды покинутыхъ туземцами кочевій. Верблюды маленькаго каравана, ведомаго энергичнымъ европейцемъ, стали ослабѣвать отъ чрезмѣрно длинныхъ переходовъ отъ одного водопоя къ другому. По дорогѣ, конечно, можно было нанять проводниковъ, но они запрашивали гораздо дороже, чѣмъ разсчетливый американецъ соглашался дать и поэтому онъ предпочиталъ идти впередъ самостоятельно и даже, по временамъ, прямо рисковать.

Довольно забавно и странно слышать, что̀ Рокхиль предлагалъ туземцамъ за ихъ трудъ въ качествѣ проводниковъ. Напримѣръ, въ одномъ мѣстѣ американецъ подрядилъ двухъ стариковъ показать ему дорогу за четыре пары сапогъ и малое количество серебра. Извѣстное количество сапогъ было благополучно закуплено въ Танкарѣ, такъ какъ они очень цѣнятся тибетцами и монголами, а сами по себѣ недороги: за тридцать паръ пришлось уплатить всего около двадцати рублей. Рокхиль увѣренъ, что, не будь у него этой приманки, мало кто согласился бы (даже за серебро и иные подарки) покидать хозяйство и служить проводникомъ.

Близь Хуху-нора и Цайдама сапоги—своего рода денежная единица (точно кирпичный чай въ иныхъ частяхъ инородческаго Китая). На сапоги можно купить и барановъ, и мѣха, и что̀ угодно. Тамъ, гдѣ эту роль перестаютъ играть сапоги, тамъ размѣнною цѣнностью дѣлаются хадаки (куски ткани) и кирпичи чая.

Въ бытность американца на берегу Хуху-нора туманная погода невполнѣ дозволяла различать дальнюю окрестность; погода же стала яснѣе—къ югу обозначился скалистый островокъ, населенный, по разсказамъ, группой благочестивыхъ ламъ. Лодокъ нѣтъ на озерѣ. Отшельники ждутъ образованія льда, и тогда только ѣздятъ на материкъ для сбора дани (въ видѣ припасовъ) съ міряиъ-ревнителей, чтобъ этимъ прокормиться до слѣдующей зимы, ибо въ теченіе болѣе полугода нѣтъ возможности сообщаться съ берегомъ. Народъ вѣритъ, что скалистый островокъ появился какъ разъ на томъ отверстіи, откуда неукротимо хлынули подъ-лхасскія воды. Одинъ милосердый бурханъ принялъ образъ гигантской птицы, чтобы принести сюда нѣсколько каменныхъ глыбъ и завалить прорывъ, чѣмъ спасъ всю мѣстность отъ полной гибели. Китайцы называютъ этотъ островъ „островомъ жеребятъ дракона“, ибо въ древности окрестные жители загоняли на него по льду извѣстное число ручныхъ кобылъ и весной, до вскрытія льда, находили при каждой жеребенка, якобы происшедшаго отъ дракона. Лошади эти (полторы тысячи лѣтъ до насъ) необычайно цѣнились за свои качества, но уже за нѣсколько столѣтій, по свидѣтельству китайской лѣтописи, порода жеребятъ вдругъ прекратилась и, сколько ни загоняли на скалистый хуху-норскій островъ многія сотни кобылъ, онѣ оставались безъ приплода.

При странствованіи по ламскимъ странамъ, Рокхиль вездѣ наблюдалъ и уяснялъ себѣ значеніе такъ-называемыхъ „обоновъ“ (высокихъ грудъ камней, съ торчащимъ изъ нихъ валежникомъ, на которомъ навѣшаны тряпочки всевозможной формы и величины). Всякій, кто проѣзжаетъ мимо этихъ странныхъ памятниковъ еще доисторическаго туземнаго культа (высящихся или на вершинахъ горъ, или на самыхъ возвышенныхъ точкахъ дороги), считаетъ своимъ священнымъ долгомъ бросить здѣсь камень, или воткнуть вѣточку, или повѣсить тряпочку, или положить монету на обонъ, принося тѣмъ благодарность геніямъ—хранителямъ мѣстности за оказанное въ пути содѣйствіе.

Тутъ въ одной изъ своихъ наиболѣе характерныхъ формъ высказался существующій съ древнѣйшихъ временъ обычай почти-что всѣхъ народовъ поклоняться возвышенностямъ. Нѣтъ,

пожалуй, никакой сколько-нибудь извѣстной страны, гдѣ бы культъ этотъ не пользовался распространеніемъ. Такъ, еще первобытные перуанцы, восходя въ дорогѣ на какія-нибудь вершины, молились богамъ и бросали на этомъ мѣстѣ камень. Въ *Century Magazine* (за декабрь 1890 г.) говорится о существованіи обоновъ въ Кореѣ и въ Японіи.

Неподалеку отъ Хуху-нора встрѣтился небольшой караванъ (лишь въ сорокъ душъ), состоявшій изъ ламъ и жителей Амдо, которые возвращались домой изъ Лхасы. Они находились уже три мѣсяца въ пути и, несмотря на свою относительную малочисленность, нигдѣ не подвергались нападеніямъ, нигдѣ не попадали въ какую-нибудь серьезную опасность. Окрестности Хуху-нора казались имъ еще наиболѣе безпокойными. Разсказы путниковъ преимущественно касались войны, происходившей тогда между тибетцами (по требованію лхасскихъ ламъ) и англичанами, стремившимися на сѣверъ изъ Дарджилинга чрезъ сиккимскіе проходы. Единовременно въ Тибетѣ царило страшное возбужденіе противъ злыхъ и страшныхъ европейскихъ завоевателей. Духовные центры снарядили изрядное количество воиновъ изъ Чамдо, въ восточномъ Тибитѣ, побудивъ ихъ идти войной на „индійскихъ бѣлыхъ сосѣдей", которые будто бы согласно молитвѣ ламъ, несмотря на свое оружіе не могутъ повредить вѣрующимъ, такъ какъ заклинанія ограждаютъ защитниковъ родины. Въ первомъ же сраженіи множество воиновъ Чамдо или были ранены, или истреблены, остальные же бѣжали, предоставляя ламамъ самимъ противиться долѣе вторженію англичанъ во владѣнія Далай-ламы. Не то же ли будетъ и теперь? Мнѣ говорили буряты (со словъ жившихъ тогда въ Лхасѣ земляковъ), что бѣдные тибетцы не имѣли хорошаго огнестрѣльнаго оружія. Когда они стрѣляли изъ своихъ фитильныхъ ружей, въ воздухѣ даже мелькали пускаемые въ противниковъ снаряды, и вообще ихъ способъ обороны производилъ крайне жалкое впечатлѣніе. Тѣмъ не менѣе англичане почему-то не рѣшились прорваться въ глубь страны. Есть несомнѣнныя данныя предположить, что между защитниками дорогой для туземцевъ индо-тибетской границы находились въ качествѣ сравнительно болѣе опытныхъ солдатъ нѣкоторые бурята-казаки, бѣжавшіе отъ тяжести военной службы съ Амура и изъ Уссурійскаго края.

Хухунорскій князь (ванъ), потомокъ знаменитаго Гуши-хана, завоевавшаго Тибетъ, въ моментъ проѣзда Рокхиля былъ въ отлучкѣ, въ Пекинѣ. Американецъ навелъ справки о благосостояніи самаго выдающагося и богатаго изъ мѣстныхъ монголовъ. Оказалось, что у князя—всего тысяча барановъ, сорокъ верблюдовъ и менѣе пятидесяти лошадей. Подданные располагаютъ еще меньшими средствами, такъ что обладатель, напримѣръ, 200 штукъ мелкаго скота и восьми верблюдовъ со столькими же лошадьми, уже замѣтно выдѣляется между сородичами своею зажиточностью. У населенія почти нѣтъ никакихъ дорогихъ потребностей, и всякій добродушно довольствуется малымъ доходомъ, не зная, что̀ значатъ прихоти и затраты на роскошь. Да и на что̀ этимъ кочевникамъ особенное богатство, когда всякій носитъ свой овчинный тулупъ, пока онъ не обратится въ лохмотья, когда всякій не нарадуется своимъ войлочнымъ жильемъ, примитивными ружьями, саблями и домашнею утварью? Почва обрабатывается лишь настолько, чтобы можно было заготовлять цамбу; козы же, бараны и яки снабжаютъ хухунорскихъ монголовъ молокомъ.

Наконецъ предъ Рокхилемъ распахнулась окраина Цайдама. По разсказамъ аббата Хюка и Пржевальскаго, туземные жители сумрачны, молчаливы, чуть ли не скотоподобны, а на Рокхиля они произвели совершенно обратное впечатлѣніе. Надо сказать, что онъ вообще вноситъ много новаго и совершенно отличнаго отъ того, что высказывалось нашимъ знаменитымъ изслѣдователемъ Тибета. Гдѣ послѣдній нападаетъ на аббата Хюка, тамъ американецъ стоитъ за Хюка; гдѣ только можно поправить или дополнить Пржевальскаго, Рокхиль это дѣлаетъ довольно ядовито.

Цайдамскіе монголы въ радушіи будто бы не уступаютъ восточнымъ единовѣрцамъ. Они очень любезно принимали и угощали Рокхиля, услаждали его слухъ пѣніемъ и музыкой. Тибетскій языкъ преобладаетъ между ними. Безпечность и легковѣріе, свойственныя ихъ прямому характеру, служатъ на пользу искусившимся въ обманѣ китайскимъ торгашамъ.

Въ одномъ мѣстѣ американцу понадобилось воспользоваться услугами (для шитья) двухъ сестеръ какого-то вліятельнаго туземца. Онѣ приходили къ стоянкѣ маленькаго каравана и работали; когда же работа почти приблизилась къ концу, онѣ наря-

дились въ свои лучшія одежды и сказали, что такъ принято дѣлать, дошивая что-нибудь своимъ старшинамъ: разодѣться въ этотъ важный моментъ значитъ какъ бы засвидѣтельствовать должное имъ уваженіе. Когда отороченное овчинкой платье было готово, Рокхиль по приглашенію явился въ ихъ жилище и принялъ предложенное угощеніе, на почетномъ мѣстѣ, вправо отъ низенькаго алтаря съ домашними бурханами. Между прочимъ, американцу поднесли вина: онъ омочилъ въ него пальцы, согласно обычаю, и побрызгалъ на четыре стороны свѣта, затѣмъ отпилъ изъ чаши, она пошла къ хозяину и окружавшимъ домашній очагъ. Хозяинъ приподнялъ ее къ челу своему и, когда она постепенно дошла кругомъ снова до Рокхиля, онъ долженъ былъ осушить ее.

Американецъ-путешественникъ неразъ имѣлъ случай наблюдать за довѣріемъ населенія къ туземнымъ врачамъ (спеціалистамъ-ламамъ), видѣлъ, какъ они берутъ больныхъ за обѣ руки единовременно, ощупывая пульсъ и внимательно всматриваясь въ лицо пацiента. Задавъ два—три вопроса, лѣкаря достаютъ снадобье изъ кожаныхъ мѣшечковъ, въ которыхъ привозятся цѣлебные порошки изъ Лхасы. Каждая доза измѣряется маленькою серебряною ложечкой. Врачующіе не любостяжательны и съ бѣдныхъ ничего не берутъ ни за консультацію, ни за лѣкарство. Народъ любитъ получать медицинскіе совѣты и охотно прибѣгаетъ къ различнымъ снадобьямъ, исключительно тибетскаго происхожденія, преимущественно изъ растительнаго царства. Рокхилю разсказывали, что въ Центральной Азіи цѣнится,—какъ цѣлебное средство,—очень дорогое слоновое молоко, привозимое изъ Индіи.

Американецъ приблагополучно шелъ себѣ да шелъ изъ Амдо на Лхасу, когда внезапно наткнулся на одного чиновника, снаряженнаго въ край изъ ямыня си-нинскаго амбаня. Сначала являлось подозрѣніе, не подосланъ-ли этотъ китаецъ помѣшать путешествію въ столицу Тибета и возбудить недоброжелательство со стороны придорожнаго населенія. Рокхиль рѣшилъ пригласить чиновника на чаепитіе, и вдругъ оказалось, что это—старый и хорошій знакомый, находящійся здѣсь исключительно съ цѣлью собирать правительственную дань. Чиновникъ позволилъ себя увѣрить, будто путь проѣзжаго лежитъ на Хотанъ и Кашгаръ, и самъ въ свою очередь разсказалъ, что дорога на Лхасу, многократно пройденная чиновниками изъ Си-нина, далеко не такъ

опасна, какъ говорятъ, потому что караванъ въ двадцать или двадцать пять человѣкъ, несмотря на разбойничьи нападенія, свободно можетъ пройти глушь, находясь въ пути изъ Танкара на Лхасу отъ 60 до 70 дней.

Американецъ нерѣдко видѣлъ въ этомъ краю китайцевъ, осѣвшихся среди кочевниковъ и сильно съ ними ассимилированныхъ. Они одѣваются и живутъ точно тибетцы или монголы, но въ виду патріархальности мѣстныхъ нравовъ не любятъ жениться. За Хуху-норомъ, въ Цайдамѣ, Рокхиль принанялъ себѣ одного такого омонголившагося китайца.

Цайдамъ, повидимому,—тибетское слово, составленное изъ „цай" (соленый) и „дамъ" (равнина). На языкѣ монголовъ Цайдамъ означаетъ „широкое пространство", что, впрочемъ, дѣйствительно мѣтко характеризуетъ мѣстность, охватывающую до 90 тысячъ квадратныхъ миль. Населеніе здѣсь равняется приблизительно 16—20 тысячамъ душъ, изъ коихъ около полуторы тысячи (въ округѣ называемомъ Шанъ) еще съ 1697 г. принадлежатъ Далай-ламѣ, будучи ему подарены монгольскими князьями, въ качествѣ крѣпостныхъ (шабинаровъ). Народъ, по бѣдности и забитости, производитъ почти вездѣ жалкое впечатлѣніе.

Мѣстами стойбища являлись почти покинутыми, такъ какъ, заслышавъ о приближеніи чиновника изъ Си-нина, люди бѣжали куда попало и скрывались, а чиновникъ приказывалъ дѣлать на нихъ облаву, собирая обильную дань въ свою пользу.

Рокхиль достигнулъ вышеназваннаго шанскаго округа и нашелъ тутъ привѣтливый пріемъ. Мѣстный правитель (ученый лама, въ званіи хамбы) тотчасъ же выслалъ пріѣзжему кирпичнаго чая, масла, цамбы и сыру, и предложилъ поторговать, что въ тѣхъ краяхъ считается главною привилегіей всякаго вліятельнаго лица между монголами и тибетцами, которые все продаютъ и покупаютъ чрезъ посредство своего начальства. Если у послѣдняго есть предназначенный для продажи верблюдъ или конь, инородецъ уже боится продавать своихъ иначе, какъ заплативъ правителю за право войдти съ покупателемъ въ сдѣлку за свой товаръ.

Хамбы, посылаемые въ шанскій округъ изъ религіознаго центра Дяши-лхунбо, мѣняются каждыя 5—6 лѣтъ. Они пріѣзжаютъ для управленія тамошними монголами, окруженные извѣстнымъ количествомъ тибетцевъ, изъ которыхъ нѣкоторые слуги (напри-

мѣръ, повара) нерѣдко играютъ роль вліятельныхъ совѣтниковъ. Си-нинскій амбань не имѣетъ отношенія къ округу Шанъ. Мѣстное населеніе не подвергается наѣздамъ китайскаго чиновничества; купцы изъ Небесной имперіи лишь украдкой, тайно отъ своихъ властей, заходятъ сюда.

Нѣсколько такихъ торговцевъ были здѣсь, когда прибылъ американецъ, и естественно перепугались, вообразивъ, что ихъ откроютъ и накажутъ суровыми штрафами. Бѣдные китайцы порывались даже бѣжать въ горы, пока не разъяснилось, что Рокхиль никого не обидитъ. Тогда они отнеслись къ нему съ большою пріязнью, разсказали ему о своемъ житьѣ-бытьѣ, о способахъ надувать добродушныхъ монголовъ и тибетцевъ (пользуясь фальшивыми вѣсами, низкопробнымъ серебромъ, плохими товарами). Туземцы будто бы до того привыкли покупать все, что сравнительно невысокой цѣны, что привези имъ кто-нибудь хорошій товаръ, они отнесутся къ нему недовѣрчиво и не дадутъ за него того, что̀ слѣдуетъ. Итакъ, китайцамъ волей-неволей приходится плутовать въ Шанѣ?! Рокхиля нерѣдко принимали здѣсь за восточнаго монгола (или, пожалуй, бурята). Большой носъ и большія уши придавали ему въ глазахъ инородцевъ видъ человѣка „съ оригинальною и благообразною физіономіей".

Путешественника не могло не поразить тяжелое положеніе, въ которомъ находятся мѣстные старики. Родня къ нимъ относится безо всякаго почтенія, подчасъ выгоняетъ даже несчастныхъ изъ жилья, оставляя чуть ли не на произволъ судьбы, плохо одѣтыми и голодными.

Хотя въ Цайдамѣ и встрѣчается поліандрія (многомужество), но въ Шанѣ хамба, изъ религіозныхъ побужденій, противится соблюденію подобнаго обычая.

Рокхиль отправился въ гости къ шанскому хамбѣ, грязно одѣтому пятидесятилѣтнему ламѣ, въ весьма незатѣйливой обстановкѣ. Придя туда, американецъ и кое-кто изъ его слугъ безцеремонно передали свои деревянныя чашки повару, чтобъ ихъ наполнили подмасленнымъ кирпичнымъ чаемъ. Разговоръ зашелъ о путешествіи новоприбывшихъ, о возрастѣ ихъ и т. п., а тѣмъ временемъ передъ гостями положили куски вареннаго барана, подали вареный рисъ. Поѣвши, Рокхиль заявилъ о своемъ желаніи дойти до Лхасы. Хамба объявилъ, что это неисполнимо, такъ какъ пуститься въ столь дальній путь возможно лишь большимъ

караваномъ, иначе же опасно и нигдѣ не найдти проводниковъ. Началось опять обычное запугиваніе относительно предположеннаго маршрута и въ примѣръ ставилось, что даже русскій амбань (Пржевальскій) и тотъ нѣсколько лѣтъ назадъ не могъ проникнуть въ важнѣйшую глубь Тибета. Хамба предполагалъ, что этотъ иноземецъ, подвергавшійся нападеніямъ дикихъ разбойниковъ (голоковъ), навѣрное гдѣ-нибудь погибъ отъ ядовитыхъ почвенныхъ испареній, ибо никогда не возвращался въ Цайдамъ. Американецъ ставилъ на видъ, что ѣдетъ домой, на родину, которая западнѣе Индіи, и что поэтому ему необходимо проложить себѣ путь черезъ весь Тибетъ. Хамба довѣрчиво отнесся къ подобному заявленію, говоря, что видитъ въ гостѣ человѣка, знакомаго съ лхасскою рѣчью, слѣдовательно, уже побывавшаго раньше тамъ, на западѣ, и въ результатѣ поднесъ Рокхилю сукно и сласти изъ Индіи, извиняясь, что бѣдность края не дозволяетъ лучше привѣтствовать иноземца.

Американецъ имѣлъ постоянную возможность наблюдать за демократическимъ строемъ быта у монгольскихъ племенъ. Домъ правителя всегда открытъ любому изъ простолюдиновъ, какъ бы низко ни было его соціальное положеніе. Всякій можетъ придти туда, сѣсть у очага, неподалеку отъ дверей, пить, курить, толковать о торговой сдѣлкѣ и т. п. Начальство столь же охотно посѣщаетъ жилье подданныхъ.

Цайдамскіе монголы—весьма ревностные буддисты и, пожалуй, болѣе религіозно настроены, чѣмъ тибетцы у Хуну-нора, которые механически дарятъ ламъ, хладнокровно разсчитывая такимъ образомъ сдѣлать все нужное для блага души; цайдамцы же сами непрерывно бормочутъ молитвы, вращаютъ „молитвенныя колеса“, кладутъ предъ кумирами земной поклонъ за поклономъ.

Здѣсь насчитывается всего лишь около 300—400 духовныхъ, что весьма мало, если принять въ разсчетъ ихъ громадное процентное отношеніе въ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ распространенъ ламаизмъ. За то эти духовные съ утра до вечера только и читаютъ въ жильѣ мірянъ (харà). Постоянно видишь, какъ тотъ, или другой лама ѣдетъ, по приглашенію, служить въ степь (съ барабаномъ, прикрѣпленнымъ къ сѣдлу, съ колокольчикомъ, запасшись книгами и разными предметами культа). За моленіе обыкновенно дарятся бараній желудокъ, наполненный масломъ, и всякіе другіе припасы.

Послѣ знаменитой поѣздки Рокхиля въ глубь Тибета путешествіе Свенъ Хедина представляетъ наибольшій интересъ. Вотъ человѣкъ, котораго Центральная Азія увлекла и заворожила!

Удивительное впечатлѣніе производитъ только-что вышедшая у Брокгауза книга „Im Herzen Asiens", гдѣ шагъ за шагомъ передъ читателями развертывается грандіозная картина безконечныхъ блужданій неутомимаго путешественника, — котораго, въ концѣ-концовъ, съ большой вѣроятностью ждетъ участь Пржевальскаго, — по снѣжнымъ хребтамъ и тяжелымъ переваламъ въ таинственной странѣ „бурхановъ и ламъ"...

Свенъ Хединъ, видимо, до того свыкся съ этими переѣздами по пустынямъ, что ушелъ въ нихъ всѣмъ существомъ своимъ. Особенно это чувствуется при описаніи имъ ледяной бури, испытанной въ канунъ года, начинавшаго собой XX вѣкъ... Огонь въ юртѣ погасъ... Ураганъ неистово ревѣлъ какъ разъ въ тотъ моментъ, когда на Западѣ привѣтствуютъ наступленіе новаго лѣтосчисленія, а въ Швеціи подъ звонъ колоколовъ принято пѣть псалмы по церквамъ... Въ тибетской же пустынѣ надъ головой глубоко проникшаго туда европейца неслась грозная вьюга, хохотала смерть... Въ сердцѣ Азіи все дышало равнодушіемъ къ кипучей цивилизованной жизни, бездушнѣйшимъ забвеніемъ...

Охота-ли, перекочевка-ли составляетъ предметъ той или иной главы въ довольно монотонной, но оригинальной книгѣ Свенъ Хедина, невыразимая грусть накладываетъ на каждую страницу свой отпечатокъ. Очарованная страна, мертвый край, съ поглощенными прахомъ, когда-то цвѣтущими городами, отражается неизгладимымъ образомъ на всемъ міросозерцаніи тѣхъ, кто переступилъ ведущую къ нимъ черту. Тамъ — уже ихъ царство, ихъ власть, ихъ загадочное вліяніе... Людей духа (вродѣ венгерца-оріенталиста Чома Кэрэзи) эта бездна способна при соприкосновеніи съ ней всецѣло засосать. Реалистовъ, вродѣ Хедина, она только учитъ смиренію, закаляетъ нравственно, очищаетъ отъ суетныхъ помышленій. Трехлѣтнее пребываніе въ такихъ условіяхъ въ глуши кого-угодно должно переродить!

Странный міръ таится въ описываемомъ тибето-монгольскомъ районѣ. Напримѣръ, какъ объяснить, что почти беззащитный изслѣдователь, съ немногими спутниками, но весьма значительнымъ и богатымъ скарбомъ на вьюкахъ, спокойнѣе ходитъ тамъ во главѣ своего каравана, чѣмъ въ предмѣстьѣ первоклассныхъ

столицъ, гдѣ запоздалыхъ пешеходовъ безнаказанно караулятъ босяки?

Выраженіе: homo homini lupus, очевидно, болѣе примѣнимо къ предѣламъ нашей культуры, нежели къ сынамъ пустыни и туземцамъ вкрапленныхъ въ нее оазисовъ. Два казака, данные Хедину въ конвой, по повелѣнію Государя, не могли же спасти его отъ грабежей и гибели, если бы въ основѣ мѣстнаго строя не были заложены особые инстинкты пріязни и помощи человѣка человѣку, которыми Востокъ проникнутъ именно тамъ, гдѣ этого всего менѣе ожидаютъ?

Какъ и Рокхиль, какъ и Пржевальскій, съ отважными продолжателями Козловымъ и Казнаковымъ, какъ Бонвало съ принцемъ Орлеанскимъ, авторъ книги „Im Herzen Asiens“ не могъ достигнуть Лхасы.

Это и понятно: она себя бережетъ отъ нескромныхъ взоровъ. Тибетцы знаютъ, что каждый чужеземецъ, который туда бы проникъ не ради одной науки (а какъ мѣстнымъ жителямъ отличить ревнителя знаній отъ хищнаго соглядатая?), въ концѣ-концовъ, можетъ только разжечь дурные инстинкты у склонныхъ къ захватамъ и насилію европейцевъ, какъ это и показываетъ подданнымъ Далай-ламы теперешній походъ англичанъ за Гималаи.

XII.

Что̀ составляетъ главную опасность движенія англійскихъ войскъ въ „страну бурхановъ и ламъ?“ Тамошніе монастыри непомѣрно богаты, составляютъ истинные очаги древней культуры, изобилуютъ высоко художественными предметами культа и рѣдчайшими памятниками письменности. Если только сипаи дойдутъ до Даши-лхунбо и Лхасы, они какъ фанатики-иновѣрцы при ихъ страсти къ грабежу, столь блистательно проявленной во дни недавняго подавленія боксеркской смуты, внѣ всякаго сомнѣнія жестоко разгромятъ сокровеннѣйшія ламайскія святилища съ ихъ драгоцѣнными алтарями и библіотеками... Нельзя даже приблизительно сказать, какой неисчерпаемый уронъ это принесетъ востоковѣдѣнію и вообще исторіи цивилизаціи, какъ отодвинетъ рѣшеніе многихъ научныхъ проблемъ, тѣсно связанныхъ съ постепеннымъ раскрытіемъ тайнъ тибетскаго міра. Позорный для на-

шего времени вандализмъ при недавнемъ уничтоженіи и расхищеніи достопримѣчательностей Пекина поблѣднѣетъ передъ тѣмъ, что навѣрно продѣлаютъ англичане во главѣ своихъ цвѣтныхъ наемниковъ-мусульманъ и браманистовъ. Соблазнъ будетъ слишкомъ великъ. Спасти же все рѣдкое и заслуживающее особаго попеченія могли бы только ревнители этой области знанія.

И вотъ мы стоимъ передъ роковымъ моментомъ, когда въ бездну забвенія рухнутъ лучшія созданія, послѣдніе обломки древне-буддійскаго творчества. То, что пощадили и съ благоговѣніемъ сохранили орды Чингисъ-хана съ его преемниками, потопчетъ ногами шествующая за Гималаи „Pax Britanica“. Мы же опоздали со своимъ смутно осуществляемымъ стремленіемъ войдти въ болѣе интимное общеніе съ царствомъ Далай-ламы. Россія, имѣющая всѣ данныя быть первой въ этомъ отношеніи, благодаря своимъ бурятамъ и калмыкамъ, благодаря своимъ монголистамъ и путешественникамъ по Центр. Азіи,—Россія, имѣющая такихъ разностороннихъ знатоковъ буддизма какъ С. Ф. Ольденбургъ, такихъ замѣчательныхъ этнографовъ какъ Д. А. Клеменцъ, теперь чуть-ли не изъ чужихъ рукъ станетъ получать важнѣйшія свѣдѣнія о тяготѣвшемъ къ намъ Тибетѣ, съ отдаленной надеждой, что свободный духъ великихъ ламъ-перерожденцевъ въ силу политическаго давленія англичанъ рано или поздно направится по новымъ путямъ, поищетъ себѣ соотвѣтствующей тѣлесной оболочки и въ одинъ прекрасный день мы увидимъ Далай-ламу, Баньчень-богдо воплощенными въ сферѣ русскаго вліянія. Англія можетъ территоріально овладѣть ламскимъ міромъ: духовно покорить и приблизить его къ себѣ удастся лишь тѣмъ, кто не подыметъ разрушающей длани на святыни буддизма.